Вифлеемъ — Дом Хлеба

Апрель, 2011

Сборник для христианского чтения

Издается Балаковской общиной Русской Православной Старообрядческой Церкви.

Заказать этот сборник, задать вопросы и высказать свои пожелания вы можете, написав нам по адресу:

ул. Заводская, д.49,
413850, г. Балаково
Саратовской области.

С нами также можно связаться по телефонам:

8 (8453) 46-47-26,
+7-906-312-34-23

Адрес электронной почты:

MRodine@yandex.ru

Издатель не гарантирует публикацию всех полученных материалов, не возвращает рукописи и оставляет за собою право вносить технические коррективы в тексты.

С содержанием сборника можно будет ознакомиться на страничке в Интернете http://orthodox-balak.livejournal.com/
Тираж 500 экз.

Сборник «Вифлеем – Дом Хлеба» издается по благословению священноиерея Вадима Коровина (г. Саратов)

К ЧИТАТЕЛЮ

Снова мы с вами, братия и сестры. Второй выпуск «Вифлеема» продолжает выбранную нами стезю – искать и предлагать любомудрым христианам душеполезное чтение. Если телесная пища нужна нам ежедневно, тем более – духовная. Она не только питает душу, согревает сердце, но и являет нам безопасный путь в сем бушующем мире, путеводит нас ко спасению.

Мир сей подобен бурлящему морю: он полон духовных опасностей. Грехи, соблазны, козни диявола ежедневно воюют против христиан. Пройти жизненный путь и не погубить душу — все равно что перейти минное поле.

Невозможно пройти по минному полю, не зная безопасной тропинки. Немыслимо не увязнуть в болоте, не зная твердой стези. Чтобы преодолеть эти препятствия, нужно иметь карту минного поля, необходимо идти во вешкам, указывающим безопасный маршрут.

Эта спасительная карта – Святое Писание; эти путеводные вехи нашего спасения – советы святых отцов, прошедших прежде нас земное странствие и достигших Неба.

Чтение Божественных книг – жизненная необходимость для каждого ищущего спасения о Христе.

Скажут: а как же преподобная Мария Египетская, которая и не читая книг, знала наизусть Писание? Ответим: кто достиг постом и молитвою духовного совершенства, может получить и такой дар от Христа. Но это – удел единиц, нам же всем святые отцы заповедали изучать Божественные книги. И Сам Христос повелевает: ***«Исследуйте Писания» (Ин. 5:39)***.

Да поможет всем нам Господь в этом душеполезном деле

Содержание:

Христианская догматика ***3***
Точное изложение православной веры. Преподобный Иоанн Дамаскин 3
О воплощении Сына Божия (Большой Катихизис, гл. 7). 14

Евангелие ***15***
Христово учение (Толкование на 5 главу от Матфея). Евфимий Зигабен. 15
Притча о Сеятеле (Книга «Евангелие учительное», слово 42). 25

Поминайте наставников ваших ***31***
Житие святого великомученика Евстафия Плакиды. 31
Канон святому великомученику Евстафию. 38

Духовная аптека ***49***
О неосуждении. Преподобный авва Дорофей. 49
О лечащихся от болезней волхвованием. Святитель Иоанн Златоуст. 54
«В молодости погрешу, а в старости покаюсь». Митрополит Иннокентий (Усов). 56

Школа благочестия ***59***
Чтение по-славянски – это несложно! Урок второй. 59
О молитве. Преподобный Феодор Студит. 64
О молитве. Преподобный Симеон Новый Богослов. 65
Зачем нужны обряды? Епископ Михаил (Семёнов). 67
Сущность обряда. Кириллов И.А. 70
О крестном знамении. 73

Молитвословия ***76***
Приходные и исходные поклоны. 76
Утренние и вечерние молитвы. 80

Святое Писание ***86***
Толкование на Пятидесятый псалом. Святитель Афанасий Великий. 86

Цветник ***89***
О русалиях. Книга Златоуст, слово 91. 89
О Петре мытаре, как тот продал себя Христа ради. Святитель Иоанн Милостивый. 90
Слово о Евлогии монахе и о нищем расслабленном 91
О кончине Сервула, разбитого параличом. Святитель Григорий Двоеслов. 93

Будь верен до смерти ***94***
Староверы (протоиерей Валерий Шабашов): 94
- Рассказ старой казачки. 94
- Трижды расстрелянный. 98

Писатели о христианах ***107***
Христос в гостях у мужика. Н.С.Лесков. 107

Приложение ***113***
Памятные записки. Преподобный Викентий Лиринский. 114

Преподобный Иоанн Дамаскин

Точное изложение православной веры

(главы из книги)

Книга 1
Глава I

О том, что Божество непостижимо и что не должно с излишним любопытством доискиваться того, что не предано нам святыми пророками, апостолами и евангелистами.

Бога никто никогда не видел. Единородный Сын, сущий в лоне Отца, Тот исповедал **(Ин. 1:18).** Итак, Божество неизреченно и непостижимо; ибо никто не знает ни Отца, только Сын, ни Сына, только Отец **(Мф. 11: 27)**. Также и Дух Святый ведает Божие, подобно тому как дух человеческий знает то, что в человеке **(1 Кор. 2: 11)**. Кроме же Самого первого и блаженного Существа, никто никогда не познал Бога, разве только тот, кому Он сам открыл, — ни кто не только из людей, но даже и из надмирных Сил, из самих, говорю, Херувимов и Серафимов.

Однако Бог не оставил нас в совершенном неведении; ибо познание о том, что Бог есть, Он Сам насадил в природе каждого. И само создание мира, его сохранение и управление возвещают величие Божества **(Прем. 13: 5)**. Сверх того, Бог, сперва чрез закон и пророков, потом через Единородного Сына Своего, Господа и Бога и Спасителя нашего Исуса Христа сообщил нам познание о Себе, какое мы можем вместить. Поэтому все, что предали нам Закон и пророки, апостолы и евангелисты, мы принимаем, познаем и почитаем; а выше того ничего не испытываем. Ибо если Бог благ, то Он и податель всякого блага, и непричастен ни зависти, ни другой какой страсти, ибо зависть не сродна естеству Божию как бесстрастному и единому благому. А поэтому Он как всеведущий и промышляющий о благе каждого то, что нам потребно знать, открыл нам, а чего не можем понести, о том умолчал. Этим мы и должны быть довольны, в этом пребывать и не преступать пределов вечных **(Притч 22: 28)** и предания Божия.

Глава II

О том, что можно выражать словами и чего нельзя, что можно познавать и что превосходит познание.

Кто хочет говорить или слушать о Боге, тот должен знать, что не все, касательно Божества и Его Домостроительства, невыразимо, но и не все удобовыразимо, не все непознаваемо, но и не все познаваемо; ибо иное значит познаваемое, а иное – выражаемое словом, так как иное дело говорить, а другое – знать. Таким образом, многое из того, что мы неясно познаем о Боге, не может быть выражено во всем совершенстве; но как нам свойственно, так мы и бываем принуждены говорить о том, что выше нас, так, говоря о Боге, мы приписываем Ему сон, гнев, беспечность, руки, ноги, и тому подобное.

Что Бог безначален, бесконечен, вечен, присносущен, несоздан, неизменяем, непреложен, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, Вседержитель, Всевидец, Всепромыслитель, Всевладыка и Судья, - это мы и знаем, и исповедуем, равно как и то, что Бог есть един, т. е. одно Существо; что Он познается и есть в трех ипостасях (лицах), т. е. в Отце и Сыне и Святом Духе; что Отец, и Сын, и Дух Святый суть едино по всему, кроме нерождения, рождения и исхождения; что Единородный Сын, и Слово Божие, и Бог, по благоутробию Своему, ради нашего спасения, по благоволению Отца и содействием Святаго Духа, безсеменно зачавшись, нетленно родился от Святой Девы и Богородицы Марии через Духа Святаго и соделался из Нее совершенным Человеком; и что Он вместе есть и Бог совершенный, и Человек совершенный, из двух естеств, Божества и человечества, и (познается) из обоих естеств, одаренных умом и волею, деятельных и самовластных, кратко сказать, совершенных по определению и понятию каждого, т. е. Божества и человечества, но в одной сложной ипостаси. Что Он, сверх того, и алкал, и жаждал, и утруждался, и распялся, и действительно приял смерть и погребение, и воскрес тридневен, и взошел на небеса, откуда к нам приходил и опять придет, - об этом свидетельствует и Божественное Писание, и весь собор Святых.

Что же есть существо Божие, или как Он есть во всем, или каким образом Единородный Сын и Бог, уничижив Себя, соделался человеком из девственных кровей, т. е. иным сверхъестественным законом, или, как Он ходил по водам немокрыми ногами, - того мы не знаем и изречь не можем. Итак, мы не можем ни сказать чего-либо о Боге, ни даже подумать, кроме того, что самим Богом нам изречено, сказано или открыто в Божественных Писаниях Ветхого и Нового Завета.

Глава III

Доказательство, что Бог есть.

Что Бог есть, в этом не сомневаются те, которые принимают Священное Писание, то есть Ветхий и Новый Завет, равно как и многие из эллинов; ибо, как мы уже сказали, знание, что Бог есть, нам от природы всеяно. Но злоба лукавого так возобладала естеством человеческим и некоторых повергла в такую ужасную и худшую всех зол бездну погибели, что стали говорить, будто нет Бога. Их безумие обличая, тайнозритель Давыд сказал: рече безумен в сердце своем: несть Бога **(Пс. 13, 1)**. Поэтому-то ученики и апостолы Господа нашего, умудренные Всесвятым Духом, и Его силою и благодатью производившие Божественные знамения, сетью чудес своих извлекли таких людей из глубины неведения к свету Богопознания. Подобным образом и преемники их благодати и сана, пастыри и учители, прияв просвещающую благодать Духа, и силою чудес, и словом благодати просвещали омраченных и обращали заблуждающихся. А мы, не получив ни дара чудес, ни дара учительства - ибо, пристрастившись к

чувственным удовольствиям, оказались недостойными этого — призвав в помощь Отца и Сына и Святаго Духа, скажем теперь об этом предмете нечто хотя немногое из того, что преподали нам пророки благодати.

Все существа или сотворены, или не сотворены. Если сотворены, то, без сомнения, и изменяемы; ибо чего бытие началось переменою, то необходимо и будет подлежать перемене, или истлевая, или изменяясь по произволу. Если же несотворены, то по самой последовательности умозаключения, конечно, и неизменяемы; ибо чего бытие противоположно, того и образ бытия противоположен, то есть его свойства. Кто же не согласится, что все существа, не только подлежащие нашему чувству, но и ангелы, изменяются, переиначиваются и многообразно преображаются; так, например, существа мысленные, то есть ангелы, души и духи, по воле своей больше или меньше преуспевав в добре и удаляясь от добра, а прочие существа, изменяясь и по своему рождению, и по исчезновению, и по увеличению и уменьшению, по изменению свойств и по перемещению? А что изменяется, то, конечно, и сотворено, а что сотворено, то, без сомнения, сотворено кем-нибудь. Творец же должен быть существо несотворенное: ибо если бы и он был сотворен, то, конечно, кем-нибудь, и так далее, пока не дойдем до чего-нибудь несотворенного. Поэтому Творец, будучи несотворен, без сомнения, есть и неизменяем: а кто же это другой, как не Бог?

И самый состав, сохранение и управление тварей показывают нам, что есть Бог, Который все это сотворил, содержит, сохраняет и обо всем промышляет. Ибо каким бы образом могли враждебные между собою стихии, как то: огонь, вода, воздух, земля, — соединиться для составления одного мира и пребывать в совершенной нераздельности, если бы некая всемогущая сила не соединила их и не сохранила их всегда нераздельными?

Кто это расположил по известным местам все то, что на небе и что на земле, что в воздухе и что в воде, и что предшествует всему этому: небо и землю, воздух и природу, как огня, так и воды? Кто все это соединил и разделил? Кто сообщил им движение и стремление непрестанное и беспрепятственное? Не Художник ли этого, положивший всем вещам закон, по которому все делается и все управляется? Кто же этот Художник? Не Тот ли, Который все это сотворил и привел в бытие? Мы не можем приписать такой силы слепому случаю, ибо пусть это произошло от случая; но кто привел все в такой порядок? — уступим, если угодно, и это случаю, Кто же соблюдает и сохраняет по тем же законам, по которым все прежде создано? — Кто-либо другой, конечно, а не слепой случай. Но кто это другой, как не Бог?

Глава IV

О том, что́ есть Бог? О том, что Божество невозможно постигнуть.

Итак, что Бог есть, это очевидно. Но что́ есть Он по сущности и естеству, — это совершенно непостижимо и неведомо. Что Он бестелесен, это ясно. Ибо как может быть телом то, что бесконечно и беспредельно, не имеет образа, не подлежит осязанию, невидимо, просто и несложно? Ибо как может быть неизменяемо то, что ограничено и подвержено страстям? И как может не подлежать страсти то, что составлено из стихий и на них опять разрешается? - Ибо соединение есть начало брани, брань – начало разделения, разделение – разложения: но разложение – совершенно чуждо Бога.

Как исполнится и то, что Бог проникает и наполняет все, как говорится в Писании: Разве небо и землю не Я наполняю? – говорит Господь **(Иер. 23: 24)**. Ибо невозможно, чтобы тело проходило сквозь тела, не разделяя их и само не

разделяясь, не смешиваясь и не соединяясь с ними, подобно как жидкости вместе сливаются и растворяются.

Если же допустить, как некоторые говорят, тело нематериальное, подобное тому, которое у греческих мудрецов называется пятым телом, что, впрочем, невозможно, то оно, конечно, будет движимо, как и небо, ибо его-то и называют пятым телом. Но кто движет это тело? Конечно, другое существо — ибо все движимое приводится в движение от другого. Кем же движется и это другое? И так в бесконечность, пока не встретим чего-либо недвижимого. Но перводвижущее есть недвижимое, каков и есть Бог. Если бы же Он был движим, то как не был бы ограничен местом? Поэтому один только Бог недвижим и своею неподвижностью движет все. Итак, должно необходимо признать, что Божество бестелесно.

Однако же это не определяет еще Его сущность, равно как ни нерождаемость, ни безначальность, ни неизменяемость ни нетленность, ни все то, что говорится о Боге или о Его бытии. Ибо все это показывает не то, что есть Бог, но то, что Он не есть. Кто же хочет выразить сущность какой-нибудь вещи, тот должен сказать, что она есть, а не то, что не есть. Впрочем, нельзя сказать о Боге, что́ Он есть по существу; но гораздо свойственнее говорить о Нем через отрицание всего. Ибо Он не есть что-либо из числа вещей существующих, не потому, чтобы вовсе не существовал, но потому, что превыше всего существующего, превыше даже самого бытия. Ибо если познание имеет предметом своим вещи существующие, то уже то, что выше познания, конечно, выше и бытия, и снова: то, что превышает бытие, то выше и познания.

Итак, Бог беспределен и непостижим, и одно в Нем постижимо — Его беспредельность и непостижимость. А то, что мы говорим о Боге утвердительно, показывает нам не естество Его, но то, что относится к естеству. Ибо назовем ли Бога благим, или праведным, или премудрым, или чем другим, выразим не естество Его, а только то, что относится к естеству. А иногда то, что утвердительно говорится о Боге, имеет силу преимущественного отрицания; так, например, говоря о Боге, мы употребляем слово мрак, разумея не мрак, а то, что не есть свет, но выше всякого света; или употребляем слово свет, разумея, что не есть мрак.

Глава V

Доказательство, что Один есть Бог, а не многие.

Итак, достаточно доказано, что Бог есть, и что существо Его непостижимо. А что Бог един есть, а не многие, это несомненно для верующих Божественному Писанию. Ибо Господь в начале Своего законоположения говорит: Я Господь Бог твой, изведший тебя из земли Египетской, да не будут тебе боги иные кроме Меня **(Исх. 20:2)**; и снова: Услышь, Израиль: Господь Бог твой – один Господь **(Втор. 6: 4**); и у Исаии пророка: Я Бог первый, и Я после сего, кроме Меня нет Бога **(Ис. 41: 4)** - Прежде Меня не было иного Бога, и после Меня не будет... и нет кроме Меня **(Ис. 43: 10-11)**. И Господь в Святых Евангелиях так говорит к Отцу: Вот что есть жизнь вечная: да знают Тебя – одного истиннаго Бога **(Ин. 17: 3)**.

С теми же, которые не верят Божественному Писанию, мы так будем рассуждать: Бог есть совершен и не имеет недостатков и по благости, и по премудрости, и по силе, – безначален, бесконечен, присносущен, неограничен, и, словом сказать, совершен по всему. Итак, если допустим многих богов, то необходимо будет признать различие между этими многими. Ибо если между ними нет никакого различия, то уже один, а не многие; если же между ними есть различие, то где совершенство? Если будет недоставать совершенства или по благости, или по силе, или по премудрости, или по времени, или по месту, то уже не будет и Бог. Тождество же во всем указывает скорее единого Бога, а не многих.

Сверх того, если бы много было богов, то как бы сохранилась их неописуемость? Ибо где был бы один, там не был бы другой.

Каким же образом многими управлялся бы мир и не разрушился и не расстроился ли бы, когда между управляющими произошла бы война? Потому что различие вводит противоборство. Если же кто скажет, что каждый из них управляет своей частью, то что же ввело такой порядок и сделало между ними раздел? Этот-то собственно и был бы Бог. Итак, един есть Бог, совершенный, неописуемый, Творец всего, Содержитель и Правитель, превыше и прежде всякого совершенства.

К этому должно присоединить, что и по самой естественной необходимости единица есть начало двоицы.

Глава VI

О Слове и Сыне Божием, доказательство из разума.

Итак, этот единый и единственный Бог не без Слова. Если же Он имеет Слово, то должен иметь Слово не безличное («безипостасное»): имеющее начало и конец своего бытия. Ибо не было времени, когда Бог был без Слова. Напротив, Бог всегда имеет Слово Свое, Которое рождается от Него и Которое не таково, как наше слово – не ипостасное и в воздухе разливающееся, но есть ипостасное[1] , живое, совершенное, не вне Его (Бога), но всегда в Нем пребывающее. Ибо где Ему быть вне Бога? Но так как естество наше временно и легко разрушимо; то и слово наше не ипостасно. Бог же как всегда сущий и совершенный – и Слово будет иметь также совершенное и ипостасное, Которое всегда есть, живет и имеет все, что имеет Родитель. Наше слово, происходя из ума, не есть ни совершенно тождественно с умом, ни совершенно различно; ибо, будучи из ума, оно есть нечто иное в отношении к нему; но так как оно обнаруживает ум, то и не есть совершенно отличное от ума, но будучи по естеству – одно с ним, различается от него как особое подлежащее: так и Слово Божие, поскольку существует само по себе, различается от Того, от Кого имеет ипостась[2]; поскольку же проявляет в себе то же самое, что есть в Боге; то по естеству есть одно с Ним. Ибо как в Отце усматривается совершенство во всех отношениях, так видно то же и в рожденном от Него Слове.

Глава VII

О Духе Святом; доказательство из разума.

Для Слова должно быть и Дыхание; ибо и наше слово не без дыхания. Но наше дыхание отлично от нашего существа: оно есть вдыхание и выдыхание воздуха, втягиваемого и выдыхаемого для существования тела. При произношении слова оно делается звуком, обнаруживающим собою силу слова.

И в Божием естестве, простом и несложном, подобает благочестиво исповедовать бытие Духа Божия, потому что Слово Его не есть недостаточнее нашего слова; но было бы нечестием думать, что в Боге Дух есть нечто извне привходящее, как это бывает в нас, существах сложных. Напротив, как слыша о Слове Божием, не признаем Его безличным или таким, которое приобретается учением, произносится голосом, разливается в воздухе и исчезает, но таким, которое ипостасно существует, имеет свободную волю, – деятельно и всесильно: так, узнав, что Дух Божий сопутствует Слову и проявляет Его действие, мы не почитаем Его дыханием неипостасным; ибо таким образом мы унизили бы до ничтожества величие Божественного естества, если бы о Духе, Который в Нем, имели такое же разумение, какое имеем о нашем духе; но почитаем Его Силою, действительно существующею, созерцаемою в собственном Ее и особенном личном бытии, исходящею от Отца, почивающею в Слове и Его проявляющею, которая поэтому не может

[1] То есть Личностное.
[2] Лицо.

отделяться ни от Бога, в Котором она есть, ни от Слова, которому сопутствует, и которая не так обнаруживается, чтобы исчезнуть, но, подобно Слову, существует лично, живет, имеет свободную волю, сама собою движется, деятельна, всегда хочет добра, во всяком изволении силою сопровождает хотение и не имеет ни начала, ни конца; ибо ни Отец никогда не был без Слова, ни Слово – без Духа.

Таким образом, единством естества совершенно опровергается многобожие эллинов, а принятием Слова и Духа отвергается учение иудеев; и от тех и других остается то, что полезно, то есть, из учения иудеев – единство естества, а из эллинизма – одно различие по Лицам (Ипостасям).

Если иудей станет противоречить принятию Слова и Духа, то должно обличить его и заградить ему уста Божественным Писанием. Ибо о Слове Божественный Давыд говорит: Во веки, Господи, Слово Твое пребывает на Небе **(Пс. 118:89)**, и в другом месте: Послал Слово Свое, и исцелил их **(Пс. 106: 20)**; и – но слово, произносимое устами, не посылается и не пребывает во век. И о Духе тот же Давыд говорит: Пошлешь Дух Твой, и созиждутся **(Пс. 103: 30)**; и в другом месте: Словом Господним небеса утвердились, и Духом уст Его вся сила их **(Пс. 32:6)**; также и Иов: Дух Божий, сотворивший меня, дыхание же Вседержителя, поучающее меня **(Иов. 33: 4)**; – но Дух посылаемый, созидающий, утверждающий и сохраняющий не есть дыхание исчезающее, равно как и уста Божии не член телесный: но то и другое должно разуметь богоприлично.

Глава VIII

О Святой Троице.

Итак, веруем во единого Бога, единое начало, безначального, несозданного, нерожденного, нетленного, равно и бессмертного, вечного, бесконечного, неописуемого, беспредельного, всемогущего, простого, несложного, бестелесного, чуждого истечения, бесстрастного, неизменяемого и непременяемого, невидимого, – источника благости и правды, Свет умственный и неприступный, – в Силу, никакою мерою не определимую и только собственною волею измеряемую, – ибо все, что восхощет, может, – всех тварей видимых и невидимых Создательницу, всеобъемлющую и сохраняющую, обо всем промышляющую, вседержительную, над всем начальствующую и царствующую Царствием нескончаемым и бессмертным, не имеющую никакого соперника, все наполняющую, ничем не объемлемую, но всеобъемлющую, содержащую и все превышающую, Которая проникает все сущности, Сама оставаясь чистою, пребывает вне пределов всего и изъята из ряда всех существ как пресущественная и превыше всего сущая, Пребожественную, Преблагую, Преисполненную, Которая устанавливает все начальства и чины, а Сама выше всякого начальства и чина, выше сущности, жизни, слова и разумения, Которая есть сам Свет, сама Благость, сама Жизнь, сама Сущность, так как не имеет от другого ни бытия, ни чего-либо из того, что есть, но Сама есть Источник бытия для всего существующего, жизни – для всего живущего, разума – для всего разумного, Причина всех благ для всех существ, – в силу, которая знает все прежде бытия всего, единую Сущность, единое Божество, единую Силу, единое Хотение, единое Действие, единое Начало, единую Власть, единое Господство, единое Царство, в трех совершенных Лицах (Ипостасях) познаваемую и покланяемую единым поклонением, веруемую и почитаемую от всякой словесной твари (в ипостасях), неслитно соединенных и нераздельно разделенных, что и непостижимо, – в Отца и Сына и Духа Святаго, во имя Которых мы и крестились, ибо так Господь заповедал крестить Апостолам, сказав: крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа **(Мф. 28: 19)**.

(Веруем) во единого Отца, Начало всего и Причину, не от кого-либо рож-

денного, Который Один только не имеет причины и не рожден, Творца всего, но Отца, по естеству, одного Единородного Сына Его, Господа же и Бога и Спасителя нашего Исуса Христа и в Изводителя Всесвятого Духа. И во единого Сына Божия Единородного, Господа нашего, Исуса Христа, рожденного от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, а не сотворенного, единосущного Отцу, чрез Которого все произошло. Говоря о Нем: прежде всех веков, - мы показываем, что Его рождение - безвременно и безначально; ибо не из не сущего приведен в бытие Сын Божий, Сияние славы и Образ Ипостаси Отчей **(Евр. 1: 3)**, живая Премудрость и Сила, Слово ипостасное, существенный, совершенный и живой Образ невидимого Бога; но Он присно[3] был со Отцом и в Отце, из Которого родился вечно и безначально. Ибо Отец никогда не существовал, когда не было бы Сына, но вместе Отец, вместе и Сын, от Него рожденный. Ибо Отец без Сына не назывался бы Отцом, если бы существовал когда-либо без Сына, то не был бы Отцом, и если после стал иметь Сына, то также после сделался Отцом, не будучи прежде Отцом, и подвергся бы изменению в том, что, не быв Отцом, стал Им, а такая мысль есть ужаснее всякого богохульства, ибо нельзя сказать о Боге, чтобы Он не имел естественной силы рождения, а сила рождения состоит в способности родить из себя, т. е. из собственной сущности, существо, подобное себе по естеству.

Итак, нечестиво было бы утверждать о рождении Сына, что оно произошло во времени и что бытие Сына началось после Отца. Ибо мы исповедуем рождение Сына от Отца, то есть из Его естества. И если мы не допустим, что Сын изначала существовал вместе с Отцом, от Которого Он рожден, то введем изменение ипостаси Отца в том, что Отец, не будучи Отцом, после сделался Отцом. Правда, тварь произошла после, но не из существа Божия; а волею и силою Божиею приведена из небытия в бытие, и поэтому не произошло никакого изменения в естестве Божием. Ибо рождение состоит в том, что из сущности рождающего производится рождаемое, подобное по сущности; творение же и создание состоит в том, что творимое и созидаемое происходит извне, а не из сущности творящего и созидающего, и есть совершенно не подобно по естеству.

Поэтому в Боге, Который один только бесстрастен, неизменяем, непреложен и всегда одинаков, бесстрастно как рождение, так и творение. Ибо, – будучи по естеству бесстрастен и чужд истечения, потому что прост и несложен, – Он не может подлежать ни страданию, ни истечению ни в рождении, ни в творении, и не имеет нужды ни в чьем содействии. Но рождение (в Нем) безначально и вечно, так как оно есть действие Его естества и происходит из Его существа, иначе Рождающий потерпел бы изменение, и был бы Бог первый и Бог последующий, и произошло бы приумножение. Творение же у Бога, как действие хотения, не совечно Богу. Ибо приводимое из небытия в бытие не может быть совечно Безначальному и всегда Сущему. Бог и человек творят не одинаково. Человек ничего не приводит из не сущего в бытие, но, что делает, делает из прежде существовавшей материи, не только пожелав, но и прежде обдумав и представив в уме то, что хочет сделать, потом уже действует руками, принимает труды, утомление, а часто не достигает цели, когда усердное делание не выходит так, как хочется; Бог же, только восхотев, вывел все из не сущего в бытие: равным образом не одинаково и рождают Бог и человек. Бог, будучи безлетным и безначальным, и бесстрастным, и свободным от истечения, и бестелесным, и единым только, и бесконечным и рождает безлетно и безначально, и бесстрастно, и без истечения, и вне сочетания, и непостижимое Его Рождение не имеет ни начала, ни конца. Безначально рождает Он, потому что неизменяем; – без

[3] всегда — *ц. слав.*

истечения потому, что бесстрастен и бестелесен; – вне сочетания потому, что опять и бестелесен, и есть един только Бог, не имеющий нужды в ком-либо другом; – бесконечно же и непрестанно потому, что и безлетен, и безвременен, и бесконечен, и всегда одинаков, ибо, что безначально, то бесконечно, а что бесконечно по благодати, то отнюдь не безначально, как, например, Ангелы.

Итак, присносущный Бог рождает Слово Свое совершенное безначально и нескончаемо, чтобы не рождал во времени Бог, имеющий высшие времени и естество, и бытие. Человек же, как очевидно, рождает противным образом, потому что подлежит и рождению, и истлению, и истечению, и размножению, и облечен телом, и в естестве человеческом заключается пол мужской и женский, и муж имеет нужду в пособии жены. Но да будет милостив Тот, Который выше всего и Который превосходит всякую мысль и разумение.

Итак, святая Кафолическая и Апостольская Церковь учит вместе и об Отце, и о Единородном Его Сыне, из Него рожденном безлетно, без истечения, бесстрастно и непостижимо так, как ведает это один только Бог всяческих. Как вместе существуют и огонь, и свет, из него происходящий, - не прежде огонь, а потом уже свет, но вместе – и как свет, всегда рождающийся из огня, всегда есть в огне и никогда от него не отделяется, – так и Сын рождается из Отца, никак не отделяясь от Него, но всегда пребывая в Нем. Но свет, неотделимо рождающийся от огня и всегда в нем пребывающий, не имеет собственной, по сравнению с огнем, ипостаси, ибо он есть природное свойство огня; Сын же Божий Единородный, из Отца рожденный нераздельно и неразлучно и в Нем всегда пребывающий, имеет Свою собственную ипостась (Лицо), сравнительно с ипостасью Отца.

Итак, Сын называется Словом и сиянием, потому что рожден от Отца без всякого сочетания и бесстрастно, и безлетно, и без истечения, и неразлучно; (называется) же Сыном и образом Отчей ипостаси потому, что Он совершен, ипостасен и во всем подобен Отцу, кроме нерожденности; (называется) Единородным потому, что Он один только от одного Отца рожден единственным образом, ибо никакое другое рождение не подобно рождению Сына Божия, и нет другого Сына Божия. Дух Святый, хотя исходит от Отца, но не по образу рождения, а по образу исхождения. Здесь другой образ бытия, также непостижимый и неведомый, как и рождение Сына (Божия). Поэтому все, что имеет Отец, имеет и Сын, кроме нерожденности, которая означает не различие в сущности или в достоинстве, а образ бытия – подобно тому как Адам, который не рожден, ибо он – творение Божие, и Сиф, который рожден, ибо он – сын Адамов, и Евва, которая вышла из ребра Адамова, ибо она не была рождена, различаются друг от друга не по природе, ибо они – люди, но образом происхождения.

Должно знать, что [греческое] слово «**агенитон**», когда пишется через одно «н», означает нечто несотворенное, т. е. не происшедшее; когда же чрез два «н» («**агеннитон**»), то означает нерожденное. И по первому значению слова сущность от сущности различается: ибо иное есть сущность несотворенная, означаемая словом с одним «н», и иное, — сущность произведенная («**генити**»), или сотворенная. По второму же значению сущность от сущности не различается. Ибо первая ипостась всякого вида животных не рождена («**агеннитос**»), а не несотворена («**ук агенитос**»); ибо все они сотворены Создателем и приведены в бытие Словом; но не родились, ибо прежде не существовало другого однородного существа, из которого они могли бы родиться.

Итак, что касается первого значения, то слово «**агенитос**» приличествует трем пребожественным ипостасям Святого Божества, ибо они единосущны и несозданны; второе же значение, «**агеннитос**», — никак. Ибо один только Отец нерожден, потому что Он имеет бытие не из другой какой-либо ипостаси; и

один только Сын рожден, потому что из сущности Отца родился безначально и безлетно; и один только Дух Святый исходящ, потому что из сущности Отца не рождается, но исходит. Так учит Божественное Писание, хотя образ рождения и исхождения пребывает для нас непостижимым.

Должно знать и то, что наименования отечества, сыновства и исхождения не от нас перенесены на блаженное Божество, но, напротив, нам переданы оттуда, как говорит божественный Апостол: *Посему преклоняю колени мои пред Отцем ... от Которого именуется всякое отечество на Небесах и на земле* ***(Еф. 3: 14-15)***.

Если же говорим, что Отец есть начало Сына и больше Его **(Ин. 14: 28)**, то этим не показываем, что Он первенствует пред Сыном по времени или по естеству; ибо чрез Него Отец века сотворил **(Евр. 1: 2)**. Не первенствует и в каком-либо другом отношении, если не в отношении причины; то есть потому, что Сын родился из Отца, а не Отец из Сына, что Отец есть виновник Сына по естеству, подобно тому, как не говорим, что огонь происходит из света, но, напротив, свет от огня. Итак, когда услышим, что Отец есть начало и больше Сына, то должны разуметь Отца как причину. И как не говорим, что огонь – одной сущности, а свет – другой, так нельзя говорить, что Отец – одной сущности, а Сын – иной, но [Оба] – одной и той же. И как говорим, что огонь сияет чрез выходящий из него свет, и не полагаем, что свет, происходящий из огня, есть служебный его орган, а, напротив, есть естественная его сила; так говорим и об Отце, что все, что делает Отец, делает чрез Единородного Сына Своего не как чрез служебное орудие, но как чрез естественную и ипостасную Силу; и как говорим, что огонь освещает и опять говорим, что свет огня освещает, так все, что творит Отец, и Сын так же творит **(Ин. 5: 19)**. Но свет не имеет особенной от огня ипостаси; Сын же есть совершенная ипостась (Лицо), неотлучная от Отчей ипостаси, как это мы выше показали. Невозможно, чтобы среди тварей был найден образ, во всем сходно показывающий в себе самом свойства Святой Троицы. Ибо сотворенное и сложное, скоротечное и изменчивое, описуемое и имеющее образ и тленное – как в точности объяснит чуждую всего этого пресущественную Божественную сущность? А известно, что всякая тварь подчинена большей части таких свойств и по самому естеству подлежит истлению.

Подобным образом веруем и во единого Духа Святаго, Господа истиннаго[4] и животворящего, из Отца исходящего и в Сыне почивающего, со Отцом и Сыном совместно покланяемого и прославляемого, как и единосущного и совечного; в Духа от Бога, Духа правого, владычествующего, источника премудрости, жизни и освящения; в Бога, со Отцом и Сыном сущего и называемого, несозданного, Полноту, Творца, Вседержителя, всесовершающего, всесильного, бесконечно могущественного, обладающего всякой тварью и не подчиненного господству, в Духа боготворящего, и небоготворимого; наполняющего, не наполняемого; сообщающего, но ничего не заимствующего; освящающего и не освящаемого, Утешителя, как принимающего моления всех; во всем подобного Отцу и Сыну; от Отца исходящего, чрез Сына подаваемого и воспринимаемого всею тварью; чрез Себя Самого творящего и осуществляющего все без изъятия, освящающего и сохраняющего; ипостасного, существующего в Своей собственной ипостаси (Лице), неотлучного и неотделимого от Отца и Сына; имеющего все, что имеет Отец и Сын, кроме нерожденности и рожденности; ибо Отец безвиновен[5] и нерожден, потому что не есть от кого-либо, но Сам от Себя имеет бытие и из того, что имеет, ничего не имеет от другого; напротив, Он Сам есть для всего Начало и Причина того образа, как оно существует от природы. Сын же от Отца – по образу рождения; Дух же Святый, хоть также от Отца, но не по образу рождения, а по образу ис-

[4] «То Кюрион» — это слово в греческом языке имеет оба этих значения: и Господа, и истинного.
[5] Не имеет причины Своего бытия.

хождения. Что, конечно, различие между рождением и исхождением есть, это мы узнали; но какой образ различия, этого никак не постигаем. [Знаем только, что] и рождение Сына, и исхождение Святаго Духа происходят одновременно.

Итак, все, что имеет Сын, и Дух имеет от Отца, даже самое бытие. И если что не – Отец, то не есть ни Сын, ни Дух; и если бы чего не имел Отец, того не имеет Сын и Дух; но чрез Отца, то есть потому, что существует Отец, существует Сын и Дух, и чрез Отца имеет Сын, также и Дух, все, что имеет, потому, то есть, что Отец имеет все это, – кроме нерождаемости и рождения, и исхождения. Ибо одними только ипостасными свойствами и различаются между собою три святые ипостаси, нераздельно различаемые не по сущности, а по отличительному свойству каждой ипостаси.

Говорим же, что каждое из этих трех лиц имеет совершенную ипостась, для того, чтобы нам не принять совершенной природы за одну, сложенную из трех несовершенных, но за единую простую сущность в трех совершенных ипостасях, которая выше и впереди совершенства. Ибо все составляемое из несовершенного необходимо есть сложно, но из совершенных ипостасей не может произойти сложение; почему мы и не говорим, что вид из ипостасей, но – в ипостасях. Из несовершенного сказали, т. е., из того, что не представляет собою целого вида той вещи, которая из него составляется, – так камень, дерево и железо – сами в себе совершенны по своей природе, но в отношении к дому, который из них строится, каждое несовершенно, потому что каждое, отдельно взятое, не есть дом

Итак, мы называем Ипостаси (Лица Св. Троицы) совершенными, чтобы не ввести сложности в Божеское естество, ибо сложение – начало раздора. И опять говорим, что три ипостаси находятся одна в другой взаимно, чтобы не ввести множества и толпы богов. Исповедуя три Лица (ипостаси), признаем несложность и неслитность (в Божестве); а исповедуя, что эти Ипостаси единосущны одна другой, и признавая в Них тождество воли, действия, силы, власти и, если можно сказать, движения, мы признаем Их нераздельность и то, что Бог есть един; ибо Бог, Слово и Дух Его истинно один Бог

О различии трех Ипостасей; и о деле, и уме, и мысли. Надобно знать, что иное есть рассматривать предмет на самом деле, и иное – умом и мыслию. Так, мы на самом деле видим различие неделимых во всех тварях: на самом деле Петр представляется отличным от Павла. Но общность, связь и единство созерцаются умом и мыслью; так мы умом постигаем, что Петр и Павел одной и той же природы, имеют одно общее естество. Ибо каждый из них – животное разумное, смертное; и каждый есть плоть, одушевленная душою, как разумной, так и одаренной рассудительностью. Итак, эта общая природа постигается умом; ибо ипостаси не существуют одна в другой, но каждая особо и порознь, т. е. сама по себе, и каждая имеет много такого, чем одна от другой отличается. Ибо они и местом отделяются, и временем различаются, и отличаются умом, силой, видом или образом, нравом, темпераментом, достоинством, поведением и всеми характеристическими свойствами; более же всего тем, что существуют не одна в другой, но отдельно; поэтому и говорится: два, три человека и многие.

Это же можно видеть и во всей твари; но в Святой и пресущественной, и высшей всего, и непостижимой Троице иное; ибо здесь общность и единство усматриваются, на самом деле, по причине совечности лиц и тождества их сущности, действия и воли, по причине согласия познавательной способности и тождества власти и силы, и благости – я не сказал: подобия, но **тождества**, – также единства происхождения движения, потому что одна Сущность, одна Благость, одна Сила, одно Хотение, одно Действие, одна Власть; одно и то же, не три, подобные одно другому, но одно и то же движение трех Ипостасей; ибо Каждая из Них едина есть с Другой, не менее как с Самой Собою; ибо Отец и

Сын и Святый Дух во всем едино, кроме нерожденности, рождения и исхождения, мыслью же разделенное, ибо мы знаем единого Бога, но замечаем мыслью различие только по свойствам, т. е. отчеству, сыновству и исхождению, как различаем причину, зависящее от причины и совершенство ипостаси, или образ бытия. Ибо в отношении к неописуемому Божеству мы не можем говорить ни о расстоянии места, как в отношении к нам, потому что ипостаси находятся одна в другой, не сливаясь, впрочем, но соединяясь, по слову Господа, сказавшего: Я во Отце, и Отец во Мне **(Ин. 14:11)**, – ни о различии хотения, или мысли, или действия, или силы, или чего другого, что производит в нас действительное и совершенное разделение. Поэтому об Отце, Сыне и Святом Духе говорим не как о трех Богах, но, вернее, как об едином Боге, Святой Троице, так как Сын и Дух возводятся к одному Виновнику, но не слагаются и не сливаются, как сливал Савелий; ибо Они соединяются, как мы говорили, не сливаясь, но совокупно друг с другом пребывая и друг друга проникая без всякого смешения и слияния, и так, что не существуют один вне другого или не разделяются в сущности, согласно Ариеву разделению; ибо, чтобы сказать кратко, Божество нераздельно в разделенном, подобно тому, как в трех солнцах тесно друг к другу примыкающих и никаким расстоянием не разделяемых, одно и смешение света, и слияние.

Поэтому, когда смотрим на Божество, на первую причину, на единодержавие, на единство и тождество Божества и, так сказать, на движение и хотение, на тождество сущности, силы, действия и господства, – тогда воображаем себе одно. Когда же смотрим на то, в чем есть Божество, или, чтобы сказать точнее, что есть Божество, и на то, что оттуда – из первой Причины существует вечно, равнославно и нераздельно, то есть на ипостаси Сына и Духа, – то будет три, Коим покланяемся. Один Отец – Отец и безначальный, т. е. безвиновный; ибо Он - не от кого-либо. Один Сын – Сын, но не безначальный, т. е. не безвиновный; ибо Он – от Отца; если же взять начало во времени, то и безначальный; ибо Он – Творец времен и не подчинен времени. Один Дух – Святый Дух, происходящий из Отца, но не по образу Сыновнему, а по образу исхождения. Так ни Отец не утратил нерождения чрез то, что родил, ни Сын – рождения чрез то, что родился из Нерожденного - ибо как иначе? – ни Дух не преложился ни в Отца, ни в Сына чрез то, что Он произошел и потому, что Он Бог. Ибо свойство неизменяемо; иначе как бы оно оставалось свойством, если бы изменялось и прелагалось? – Если Отец есть Сын, то уже не Отец в собственном смысле; ибо в собственном смысле только один Отец; и если Сын есть Отец, то Он не есть в собственном смысле Сын; ибо один в собственном смысле Сын; один и Дух Святый.

Подобает же знать, что мы не говорим, что Отец происходит от кого-либо, но Его Самого называем Отцом Сына. Не говорим, что Сын – причина, не говорим и того, что Он Отец, но говорим, что Он и от Отца, и Сын Отца. И о Святом Духе говорим, что Он от Отца и называем Его Духом Отца, но не говорим, что Дух и от Сына, а называем Его Духом Сына, как говорит божественный Апостол: если кто Духа Христова не имеет, тот не Его **(Рим. 8: 9)**, и исповедуем, что Он и открылся нам, и преподается нам чрез Сына; ибо сказано: дунул и сказал им (ученикам Своим): примите Дух Свят **(Ин. 20: 22)**; подобно тому, как луч и сияние (происходят) от солнца, ибо оно есть источник и луча и сияния; но сияние чрез луч нам сообщается, и оно освещает нас и приемлется нами. О Сыне же не говорим ни того, что Он – Сын Духа, ни того, что Он – от Духа.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

О воплощении Сына Божия Господа нашего Исуса Христа, воплощьшагося от Духа Свята, рождьшася от Марии Девы

(Большой Катихизис, глава 7)

Вопрос. Веруешь ли в Господа нашего Исуса Христа?

Ответ. Верую.

Вопрос. Как ты понимаешь, что есть Исус Христос?

Ответ. «Исус» – это еврейское имя. А по-гречески это слово переводится как «Сотир», а на нашем, славянском языке «Сотир» означает «Спас» (Спаситель). Спасителем Он называется, потому что спасает и сохраняет всех в Него верующих. Говорят ещё «Исус Исцелитель», потому что Владыка Христос Бог наш исцелил многих людей, дав им не только исцеление тела, но и души. Это значит имя «Исус». Ещё есть имя «Христос». Христос означает «Помазанник», потому что в Нём человечество было помазано Божеством, и был Он больше помазания, был Он самим Божеством. И ещё, имя Христос указывает на составление из двух природ: из Божества и человечества. Из этого пойми, как хорошо и правильно имя Христос последовало за именем Исус.

Вопрос. Во Христе две природы?

Ответ. Я уже говорил тебе перед этим вопросом о Христе – и теперь говорю, и ещё говорить буду, что воистину в одном составе (в одной ипостаси) соединились две природы: Божества и человечества.

Вопрос. Сколько у Христа рождений?

Ответ. Два: по Божеству и по человечеству.

Вопрос. Сколько исповедуешь во Христе произволений и желаний?

Ответ. Два: от Божества и от человечества. От Божества желание спасти людей, от человечества же желание есть и спать.

Вопрос. Сколько во Христе действий?

Ответ. Два: и первое – от Божества: в создании творения и владении им; второе же – от человечества: в том, чтобы ходить, и поучать, и прочее делать в теле.

Вопрос. По тому, как ты говоришь, мне думается, что во Христе два лица (ипостаси).

Ответ. Нет, не так. Но лицо одно, и в нём два естества (две природы): Божества и человечества. Послушай, что говорится в книге Григория Богослова, в его толковании на Пасху, в восемнадцатом стихе второго слова: не естеством Он един, «но по едином и том же составе , одушевленая его плоть наставши, сице того имеяше состав. Тем и Божественое убо естество обожи́ человеческое, человеческое же от Божественаго обожи́ся. И тако убо два стекшаяся естества, и по снятии пребыша неразделно. Тако разумей во едином составе Христове, два естества суть». Аминь.

ХРИСТОВО УЧЕНИЕ

(Толкование на 5 главу Евангелия от Матфея)

Стих 17. **(Сказал Господь:) Не думайте, что Я пришёл разорить (повеления) Закона или пророков: не пришёл разорить, но исполнить.** Так как Он должен был узаконить некоторые предписания – большие тех, которые были в Ветхом Завете, говоря: Вы слышали, что древним было сказано: не убивай, ибо если кто убьёт, подлежит суду. Я же говорю вам, что каждый гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду, и т. д. **(Мф. 5, 21, 22)**, и желал проложить путь как бы Божественной и Небесной жизни, то, чтобы некоторые не подозревали, по причине необычайности, что Он, узаконяя новое, уничтожает старое, и не считали Его противником Богу, – заранее врачует это подозрение. Но посмотрим, как Он исполнил Закон и пророков. Он исполнил пророков, совершив на деле все, что о Нем предвозвестили они. Посему при каждом пророчестве евангелисты прибавили: «да сбудется сказанное чрез пророка». Закон Он исполнил, с одной стороны, тем, что не нарушил ни в чем его предписаний; Он сказал Иоанну: ибо так подобает нам исполнить всякую правду **(Мф. 3, 15)**; с другой стороны, тем, что прибавил пропущенное. Так лучше всего понимать эти слова.

Между тем как Закон удерживает от совершения греха, Христос запретил самые основы его. Убийство есть плод греха, а корень его – гнев; если кто не уничтожил корня, то он когда-либо произведет свой плод. Очевидно, что заповедь, запрещавшая убийство, была несовершенна; Христос восполнил ее, заповедуя не гневаться. То же найдем дальше и по отношению к другим заповедям. И почему древний Закон был несовершен? Потому что евреи были

жестоковыйны и не сносили тяжелого ярма. Посему их, как младенцев в добродетели, поил молоком, а нам, как мужам, предложил твердую пищу. Как же это Христос в другом месте сказал: иго Мое благо, и бремя Мое легко **(Мф. 11, 30)**? Потому что его облегчает воздаяние за труды и величие наград. Закон исполнителям его обещал дать земные блага, а Христос – блага Небесные. И иначе: Христос не разорил, а исполнил древний Закон. Этот последний не был противоположен Евангелию, а скорее был путем к нему, провозвестником его, тенью и образом. С пришествием Евангелия, он исполнился и прекратился, как прекращается ночь при появлении дня, как тень, при набрасывании красок. Воспитатель должен был уступить место учителю. И еще иначе: Христос исполнил Закон, так как сохранил его предписания, и прекратил, так как покрыл несовершенное совершенным. Отсюда Евангельские заповеди не противоречат предписаниям Закона, но согласуются с ними. Закон есть начало, а Евангелие – исполнение.

Стих 18. **Ибо аминь (истинно) говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни иота единая, или единая черта не прейдут от закона, доколе всё будет** (исполнится). Слово аминь есть наречие утвердительное, обозначающее то же, что «истинно». Смысл последующих слов – такой: пока будет стоять мир (это видно из слов: доколе небо и земля), не останется неисполненным даже незначительное предписание Закона, до тех пор пока все законное не сделается или не исполнится на деле Мною. Словами иота и черта обозначил самое незначительное, потому что они в числе букв были самые простые, так как легче других начертывались. Йота есть прямая линия, а черта – кривая. Все равно, как Он сказал бы так: доколе не прейдет небо и земля, Я не допущу этого. Так говорил Христос, утверждая, что Он не разоряет Закона, так как не мог еще сделать того, что он заповедует; до самой смерти Он исполнял его.

Стих 19. **Если кто разорит единую из заповедий сих малых и научит так человеков, малейшим назовётся в Царстве Небесном. Малых, не говоря уже о больших.** Освободив Себя от ложного подозрения, Он устрашает и полагает большие угрозы относительно будущего Своего Законоположения. Всякий, кто нарушит одну из тех заповедей, которые Я намерен установить, и не только сам нарушит, но и для других послужит таким примером (заповеди эти Он назвал малейшими, отчасти по смирению, отчасти для того, чтобы не превозносились исполнители их; вместе с тем научает и нас унижать собственные дела, хотя бы они были велики и значительны), тот назовется малейшим, т.е. последним из всех, ничтожным, отверженным, что равносильно: будет подвергнут наказанию. Царством Небесным в этом месте называет Второе Свое Пришествие, в котором Он явится Царем всех.

А кто исполнит и научит, тот великим назовётся в Царстве Небесном. Смотри, как Он сказал: нужно прежде делать, а потом учить, и не только делать, но и учить. Как достойно порицания не делать, но учить, так, с другой стороны, недостаточно делать, но не учить. Совершенная добродетель состоит не только в том, чтобы быть полезным самому себе, но – и другим. Не научишь правильно тому, чего сам не сделал, и не легко убедишь других сделать то, чего сам не делал, потому что услышишь: врач! исцелись сам **(Лк. 4, 23)**.

Стих 20. **Ибо говорю вам: если не превзойдёт правда ваша (правды) книжников и фарисеев, не войдёте в Царство Небесное.** Они учат,

но не исполняют, проводя жизнь, которая противоречит учению; а вы должны и учить, и исполнять, чтобы дела согласовывались со словами. Можешь понимать это и иначе. Они смотрят только на конец греха, а вы должны смотреть и на начало его. Книжников и фарисеев разумей здесь исполняющих, а не преступающих Закон. Правдою назвал здесь всякую вообще добродетель. Смотри, как и в настоящих словах, и в выше высказанных Он не порицает Ветхого Завета, а скорее возвышает его. Но если он не заслуживает порицания, то почему не спасает тех, которые его исполняют? До самого пришествия Христова он спасал точных исполнителей его, но после, когда дети сделались мужами, когда дарована людям обильная благодать, когда весьма великие награды предложены для воздаяния за добрые дела (не обещается уже больше обладание землею, или земными благами, ни многочисленное потомство или долголетняя жизнь, ни победа над врагами, – но наследие неба и небесных благ, усыновление Богу и братство с Единородным Его Сыном, победа над демонами и общение нескончаемого Царства), – то естественно, что великие подвиги требуются от всех, кто желает получить такие награды; и такие именно подвиги имеются в виду при заповедях Христа, возвестившего указанные награды. Соответственно величию наград Он узаконил и величие подвигов.

Стихи 21-22. **Вы слышали, что древним было сказано: не убивай, ибо если кто убьёт, подлежит суду.** Я же говорю вам, что каждый гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду. В книге Исход говорится: не убивай **(20, 13)**, и после еще: если кого кто ударит, и умрёт, да умрёт смертью **(Исх. 21, 12)**. Наперед смягчив сердца их блаженствами и возбудив к добродетели, касается и больших заповедей. Начинает с более плотских страстей, т.е. гнева и похоти. Сначала говорит о гневе, затем рассуждает и о похоти. Следует также поискать причины, почему Он не начал с заповеди, которая в Законе поставлена первою. Так как она говорит о Божестве, то следовало бы ее восполнить и прибавить открыто о Своем Божестве. Но для этого еще не пришло время. Если даже после учения и знамений говорили, что Он имеет беса, хотя открыто Он ничего не сказал о Своем Божестве, то чего не сказали бы и не сделали бы, если бы прежде всего этого Он попытался сказать что-либо такое? И почему открыто не сказал, что Он – Бог? Потому что мог бы смутить слушателей. Если ученики, знающие Его и ежедневно Им наставляемые, видящие Его чудеса и ставшие участниками несказанного, получившие даже от Него силу воздвигать мертвых, – если они не могли всего вместить до сошествия Святого Духа, то каким образом народ, неразумный и не получивший такой силы, мог не смущаться или не подумать, что Он скорее противен Богу и бесстыдно присваивает Себе Его честь? Посему мудро и благоразумно, что, совершая чудесные и свойственные Богу дела, Он предоставляет им возвещать, что Он – Бог, и что к Своему учению иногда присоединяет слова, показывающие Его Божество. Очевидно, что Он говорит о Себе большею частью со смирением, ради слабости слушателей, так как знал, что откроют это Его дела, каких не совершил никто другой. Говорить о Себе Самом что-нибудь великое – надменно и подозрительно.

Но возвратимся к предмету нашей речи и посмотрим, каким образом Он не нарушает Закона, а скорее восполняет как несовершенный. Он говорит: законодатель сказал древним евреям: «Не убивай единоплеменника, человек! а кто убьет, будет подлежать осуждению, чтобы потерпеть наказание соответственно убийству. Я же говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, неблаговременно, будет подлежать осуждению.» Этим Он уничтожил не вся-

кий вообще гнев, а отверг только несвоевременный; своевременный же гнев полезен. Так бывает благовременным гнев против тех, которые живут вопреки заповедям Божьим, потому что мы гневаемся не для собственной защиты, но для пользы самих худо живущих из привязанности и братолюбия, с подобающим уважением. Гневайтесь, говорит, и не согрешайте **(Пс. 4, 5)**, т.е. гневаясь не заблуждайтесь, пользуясь гневом не так, как должно. Назвал нас братьями друг другу, как имеющих одного и того же Бога и одного прародителя, одну природу и веру, одни заповеди и обетования наград. Но смотри, что Он прибавил: вырубил корень убийства. Кто так гневается, никогда не дойдет до убийства, подобно тому как вырубивший корень не допускает, чтобы когда-либо произросла ветвь.

Ибо если кто скажет брату своему: «ра́ка», подлежит (суду) собрания. Выше осудил того, который только гневается, а здесь – того, который уже дошел до слов. Рака – слово еврейское, обозначающее – «ты». Когда кто-либо гневается на другого, то, не желая назвать его по имени, как бы недостойного, вместо имени употребляет ты, в знак гнева и ненависти. Господь осудил и такого, как гнушающегося общею природою, и сделал его вину подсудною сонмищу старейшин народа, чтобы он был наказан ими.

А кто скажет: «урод», – подлежит геене огненной. Этого еще более осудил, так как он отнимает у брата разум, которым мы отличаемся от бессловесных, – или лучше – так как оскорбляет веру. Если верующий брат безумен, то безумна и его вера. Здесь впервые встречается имя геены огненной. Одни говорят, что она названа гееной, как всегда рождающая («генноса») огонь, а другие, – что это еврейское название, обозначающее такого рода наказание. Если же Он так наказал такие обиды, которые мы считаем незначительными, то какого осуждения достойны мы, когда беспрестанно наносим своим братьям значительные? Наказал Он такие по видимому малые обиды ради больших, чтобы мы, зная, что и тех нужно бояться, эти считали еще более страшными; с другой стороны, и потому, что людей гневливых не только значительные обиды подстрекают к убийству, но часто и незначительные, воспламеняя гнев подобно искре.

Стихи 23-24. **Ибо если принесешь дар твой ко олтарю, и там вспомнишь, что брат твой имеет нечто против тебя: оставь там дар твой пред олтарем и иди прежде смирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.** Все, что выше сказал, что теперь говорит и что после будет говорить, – все это относится к любви, которую Он часто предлагает и различным образом восхваляет, как это весьма часто будем видеть впереди. Будучи Богом, Он из любви к нам воплотился и претерпел все, чтобы и мы любили Бога и самих себя, были соединены друг с другом любовью и составили одно тело, имея главою Христа. Поэтому, рассекая нервы раздора, уничтожает этим все, что разрывает любовь. И смотри, как велико Его человеколюбие. Он отказывается от собственной чести из любви к брату, и только не говорит: пусть на время прекратится служение Мне, чтобы только ты помирился с братом, потому что жертвою служит также примирение с братом, и без этого условия Я не принимаю ее. Итак, приносишь ли ты хвалу Богу, или молитву (потому что и это также жертва), или что-нибудь другое, не приноси этого не примирившись, зная, что Он ничего не примет, если ты прежде не примиришься. Слова эти безразлично относятся и к тому, кто наносит обиду, и к тому, кто терпит. Если ты обижен кем-либо, то прости ему эту обиду и будь терпелив; если же ты обидел другого,

то загладь свою обиду и не опусти ничего, что может послужить к примирению. Этим же научает, что Богу ненавистна вся жизнь того, чья жертва не принимается по причине вражды.

Стихи 25-26. **Примирись с соперником твоим скоро, доколе на пути с ним, да не предаст тебя соперник судье, и судья тебя предаст слуге, и будешь брошенв темницу. Аминь** (истинно) **говорю тебе: не выйдешь оттуда, доколе не возвратишь последний кодрант.** Некоторые под соперником разумеют совесть, которая всегда противится злой воле и обвиняет поступающего худо; под путем – настоящую жизнь, во время которой должно быть благорасположенным или повиноваться тому, кто побуждает к добру и отклоняет от зла. Как к добродетели обыкновенно побуждает не только будущим, но и настоящим, как мы сказали в «Блаженствах», так, с другой стороны, отклоняет от зла не только будущим, но и настоящим. После того как отклонял от вражды будущею гееною, теперь отклоняет и устраняет настоящим судьею и тем, что случается ежедневно. Посему говорит: если даже влекут тебя к судилищу, будь благорасположен к своему сопернику, т.е. стань ему другом, хотя бы даже на пути, ведущем к судье, или – что то же – прежде чем придешь к судье. Тогда тебе можно примириться только уплатив деньги, которые Лука назвал деланием **(Лк. 12, 58)**, так как они делают то, чего мы желаем, и доставляют, чего требуем. Лучше уплатить долг, чем быть присужденным к пене. Уплатив долг по любви, ты выигрываешь троякое благо: не будешь ввергнут в темницу, не израсходуешься до последнего и примиришься с противником. Если же будешь приговорен судьею, то подвергнешься, наоборот, троякому злу: будешь брошен в темницу, потеряешь последний кодрант, который Лука назвал последнею лептою [мелкою медною монетой] **(Лк. 12, 59)**, т.е. самым меньшим видом пени, к уплате которой ты будешь присужден, – и таким образом не примиришься. Естественно, что каким бы то ни было образом соперник победит тебя. Есть, впрочем, некоторые, изъясняющие эти слова таинственно, но Златоуст не принимает этого в отношении к настоящему месту.

Стихи 27-28. **Вы слышали, что древним былосказно: не соделай прелюбодеяния.** Я же говорю вам, что каждый, ктопосмотрит на женщину ради её вожделения, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И в Законе после того как сказано: не убивай, поставлено: не соделай прелюбодеяния. Посему, восполнив предыдущую заповедь, переходит и к последующей, и дав надлежащее направление гневу, ставит пределы и для вожделения. Как в предыдущей заповеди, прибавив: напрасно, – положил различие между благовременным гневом и безвременным, так и в этой, прибавив:ради вожделения, – разграничил воззрение нестрастное от страстного. И не сказал просто: кто посмотрит, – но: кто посмотрит с вожделением, – то есть кто смотрит усердно, кто смотрит страстно, так что возбуждает желание к совокуплению. Такой наполнил уже свое сердце страстью и в душе уже совершил прелюбодеяние. Или: кто смотрит для того, чтобы возбудить пожелание. Такой сам искал страсти, сам спешил к вожделению и предался ему и, если не коснулся жены телом, то по крайней мере мыслью. А кто смотрит на нее мимоходом, или по какой-либо другой необходимости, тот свободен от вины. Женою здесь называет и замужнюю женщину, и отпущенную мужем, и девицу. Нужно знать, что наставление эти, хотя по видимому направлены к мужьям, относятся и к женам. Муж есть глава жены**(Еф. 5, 23)**, а с головою соединены и члены. Запретил внимательный взор, потому что

из него проистекает страсть в сердце; страстное же сердце побуждает и тело к совокуплению. Посему Он уничтожил корень, чтобы, произрастив ветвь, он не принес плода.

Стихи 29-30. **Если же правое твоё око соблазняет тебя, вынь его и отбрось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое брошено будет в геену огненную; и если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки её и отбрось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое брошено будет в геену.** Не о членах тела говорит здесь (члены тела свободны от вины; они управляются душою и двигаются, куда она прикажет), но под правым глазом разумеет незаменимого, подобно правому глазу, друга, а под правой рукой полезного, подобно правой руке, помощника, – будут ли это мужья или жены. Итак, говорит: если они соблазняют тебя к страсти, не щади их, но лиши их влияния на тебя, и брось от себя. И не сказал «умертви», но вынь, разумея совершенное расторжение. Сказав: вынь, – не остановился на этом, но продолжал речь, присоединив: и отбрось от себя, – чтобы опять не стать дружным, находясь вблизи. Так как Он говорил о трудном деле, то показал и выгоду, происходящую отселе.

Стихи 31-32. **Сказано же было, чтоесли ктоотпустит жену свою, да даст ей разводное письмо.** Я же говорю вам, что каждый, кто отпускает жену свою, кроме словао любодеянии, делает её прелюбодействующей; и кто отпущенную возьмет (в жёны), прелюбодействует. Вот указывает и другой вид прелюбодеяния. Древний Закон приказывал, чтобы ненавидящий почему бы то ни было свою жену не удерживал ее, но отпускал, дав ей разводное письмо, чтобы не случилось убийство. Иудеи были почти непримиримы не только по отношению к женам, но и к детям. Посему Христос и сказал им: Моисей по жестокосердию вашему повелел вам отпускать ваших жён **(19, 8)**, но дать разводное письмо, чтобы впоследствии, когда отпущенная выйдет замуж за другого, отпустивший не мог взять опять ее, как свою жену, и чтобы отсюда не происходили беспорядки и раздоры. Научая вышеупомянутыми словами быть более кроткими, Христос теперь повелевает не только не отпускать жены, кроме слова о любодеянии, т.е. без причины любодеяния, называя здесь любодеянием – прелюбодеяние, – но и отпущенной не позволяет выходить за другого мужа. Кто отпускает свою жену не за вину любодеяния, тот делает ее прелюбодейною, если она соединится с другим мужем; а кто женится на отпущенной другим, тот прелюбодействует с чужою. Узаконив это, Он сделал и жену благоразумнее. Слыша, что никто не возьмет в жены отпущенную, она будет любить своего мужа и угождать ему. Таким образом, напоминая о вине прелюбодеяния и тому, кто без причины отпускает свою жену, и тому, кто женится на отпущенной другим, Он укрепил мир супругов и позаботился, чтобы не допускалось прелюбодеяние. Кто не отпускает и любит свою, тот не пожелает чужой. И тот, которому запрещается жениться на отпущенной другим, не отпустит своей.

Стихи 33-34. **И ещё вы слышали, чтодревним сказано было: не клянисьложно, воздай же Господу клятвы твои.** Я же говорю вам никак не клясться. Не клянись ложно написано в книге Исход **(20, 7)**, а воздай Господу клятвы твои – в книге Второзакония **(23, 21, 23)**, но другими словами. И клянись Именем Господним. Этим Он повелел, чтобы не клялись ложными богами. Не клясться и не требовать клятвы – это одно и то же. Каким образом ты будешь

склонять брата своего к тому, чего сам избегаешь, если ты братолюбив и не любостяжателен. Древний Закон говорит: не клянись ложно, воздай же Господу клятвы твои.Это Он сказал, внушая клянущемуся страх не нарушать клятвы, так как он знает, что Сам Бог, всеведущий, принимает эту клятву. Я же говорю вам никак не клясться. Кто легко даст клятву, тот может когда-либо ее нарушить, по привычке клясться, – а кто никогда не клянется, тот никогда и не нарушит клятвы. Кроме того, не нарушать клятвы для клянущегося – воспитывало Богопочтение, а вовсе не клясться – еще более возвышает его; первое было делом посредственной и несовершенной мудрости, а второе – высокой и совершенной.

Стихи 34-35. **Ни небом, ибо оно – престол Божий: ни землёю, ибо она подножие ногам Его: ни Иерусалимом, ибо он – город великого Царя.** Чтобы не подумали, что Он запрещал клясться только Богом, т.е. говорить: клянусь Богом, присоединяет и другие виды клятвы, которыми клялись иногда иудеи. Кто клянется этим, все-таки клянется Богом, Который все это наполняет и всем господствует. От Бога эти предметы получили честь, а не от самих себя. Чрез пророка Бог говорит: небо престол Мой, земля же подножие ног Моих **(Ис. 66, 1)**, показывая, что Он все наполняет, как и говорит: разве небо и землю не Я наполняю **(Иер. 23, 24)**. А Давыд сказал: град Царя великаго **(Пс. 47, 3)**.

Стих 36. **Ни твоею головой не клянись, ибо не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным.** Не клянись самою маловажною и сподручною клятвою, т.е. своею головою, чтобы не дойти и до большего. С другой стороны, и голова твоя есть стяжание и приобретение Божие; так что и в этом случае происходит клятва Богом, Который содержит ее в Своей власти. Хотя она и принадлежит тебе, но – не твое творение, что открывается из того, что ты не можешь и одного волоса сделать белым или черным.

Стих 37. **Да будет же слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверхтого– отврага есть**. Пусть будет, говорит, словом вашим, когда вы утверждаете, – да, и когда отрицаете, – нет. Этим только и пользуйтесь для утверждения вместо клятв и ничем другим больше: да и нет. А что сверх этого присоединяется, называет клятвою. Но если клятва от дьявола, то почему ее допускал древний Закон? Потому что и приношение в жертву животных было от лукавого и соприкасалось с идолослужением, но, однако, Закон допустил это по мудрому Домостроительству ради слабости евреев. Так как они были прожорливы, то любили идоложертвенное, а так как были недоверчивы, то любили клятвы. Посему, чтобы впоследствии они не приносили жертв идолам, и не клялись идолами, Закон допустил и приносить жертвы, и клясться, и другое подобное, – но все это направил к Богу. Но в свое время все это должно быть отменено более высоким Законодательством. Так как питаться молоком для детей полезно, а для мужей – не нужно, – поэтому детям мы это позволяем, а взрослых отклоняем и удерживаем от этого. Что же нужно делать, если кто-либо требует клятвы и принуждает к ней? Страх Божий пусть будет тебе необходимее такой необходимости и предпочитай скорее все терпеть, чем нарушить заповедь Божию. И при всякой заповеди часто встретятся тебе насилие и опасность; и если везде ты не сочтешь более необходимою заповедь Божию, то все они останутся у тебя пустыми и неисполненными. Впоследствии сказал Господь: Царствие Небесное усилием берётся, и прилагающие усилие восхищают его **(Мф. 11, 12)**.

Стихи 38-39. **Вы слышали, что было сказано: око за око, и зуб за зуб.** Я же говорю вам не противиться злому. Некоторые порицают древний Закон за то, что он повелевает вырывать глаз за глаз и зуб за зуб и объявляет вырвавшему глаз или зуб у кого-нибудь такое же несчастье, без всякого сострадания. Но Закон этот весьма человеколюбив, и повелел делать это для того, чтобы люди того времени, весьма склонные к нанесению ударов друг другу, не вырывали один у другого глаз и зубов, вследствие страха потерпеть то же самое. Христос, давая более человеколюбивые законы, удерживает это зло не страхом того же наказания, но будущим осуждением. Сказав выше, что если кто скажет (брату своему): «урод», – подлежит геене огненной, Он дал понять, что больше будет наказан тот, кто ударит, а еще больше, кто изувечит. Поэтому Он повелел не сопротивляться злому. Под злым некоторые разумеют здесь того, кто ударил; но Златоуст разумеет – дьявола. Христос сказал это, научая, что по побуждению дьявола человек решился на это, и на него перенося гнев пострадавшего, возбужденный против причинившего страдание. Итак, что же? Не должно противиться дьяволу? Конечно; но не посредством мщения брату, – такое противление Он запретил, – но посредством терпения и великодушия. Не гневом тушится гнев, как и не огнем – огонь; но противоположное лечится противоположным.

Но есликто ударит тебя в правую твою щеку, подставь ему и другую. Повелевает не только не мстить, а скорее подставлять себя ударяющему, чтобы терпением и великодушием обуздать его. Видя, это, он не только не нанесет другого удара, но раскается и в первом и примирится, а если ты будешь противиться, то он еще больше воспламенится и ожесточится. Почему Закон отдельно сказал только о глазе и зубе, между тем как много есть членов в теле? Потому что ударяющие наносят побои преимущественно по одним членам, так как они менее защищены, находятся на виду и легко повреждаются. Но Закон посредством их распространяется и на другие члены. И правая щека сподручнее для удара, легче подпадая под правую руку наносящего обиду. Равным образом и эта заповедь касается и всех остальных членов.

Стихи 40. **И хотящему судиться с тобою и отнять твою ризу, отдай ему и сорочку.** Спаситель хочет, чтобы ты оказывал терпение великодушие не только по отношению к ударам и оскорблениям, но и к имуществу, и деньгам. Это последнее имеет в виду речь о хитоне, как более удобном для отнятия. Он говорит: И хотящему судиться с тобою и отнять твою ризу («хитона»), отдай ему и сорочку («гиматион»), и победи его корыстолюбие, уступив ему не только то, чего он требует, но присоединив и то, чего он не требует. Если ты сделаешь это, то он или оставит то, чего домогался, пристыженный такою твоею мудростью, – или, взяв то, чего требовал, не коснется того, чего не требовал, но сильно почувствует свое корыстолюбие. Если ты не будешь судиться с ним, но отдашь то, чего он хочет, то сделаешь полезное только для себя. Если же присоединишь этому и другое, то принесешь пользу его душе, и для себя сделаешь двоякое добро: избегнешь суда и отвратишь корыстолюбие. Сорочка («гиматион»), – это одежда, которую мы носим сверху других одежд, а риза («хитон») – нижняя одежда. Часто также безразлично хитон (риза) называется «гиматион» (сорочка), и наоборот. Хотя и Лука говорит: отнимающему у тебя ризу и сорочку не возбрани **(Лк. 6, 29)**. Оба эти изречения сказаны Христом: это на горе, а то, что у Луки, на ровном месте. Что же, ужели должно ходить нагому? Неужели это слишком много – ради пользы брата ходить нагому? Однако он не посту-

пил бы с тобою так бесчеловечно, потому что устыдился бы, как сказано, твоего великодушия.

Стих 41. **И если кто тебя возьмёт (в путь с собою) по силе на одну версту, иди с ним две. Древний Закон, различая виды пороков по одной тяжести их, пропускал маловажные.** Но Христос постановил законы и относительно этих последних, начиная с более важного и останавливаясь на незначительном. Тяжелее всего было лишение глаза или зуба, потому что первый указывал путь, а второй служил при питании, – затем удар по щеке, как весьма позорный, – потом отнятие одежды, паче же всего этого – принуждение. Как и при других видах оскорбления, Он повелел быть добродетельным с избытком, так и в случае принуждения – приказывает победить несправедливое желание обижающего и претерпеть больше, чем он желает сделать. Ты видел бесстрастие, насажденное в страстном теле; обратил внимание и на ангельскую жизнь, посеянную в людях. Не чувствовать страстного пожелания, не гневаться с волнением – свойственно Небесной жизни, что в указанных заповедях Христос узаконил. Повелевая не гневаться на брата напрасно, не говорить ему рака, не называть его урод,не приносить дара Богу, не примирившись с братом, благожелать обижающему, – Он перерезал жилы у страстного гнева. Заповедуя не смотреть страстными глазами на жену, отвергать соблазняющего или соблазняющую, не отпускать без причины своей жены, не жениться на отпущенной другим, – Он вырвал корни у страстного пожелания. И опять, – повелевая не клясться вовсе, изгнал пристрастие к имуществу и деньгам, а заповедуя не противиться злому, подставлять и другую щеку, отдавать и сорочку, сопровождать и две версты, – Он удержал дух от мщения.

Стих 42. **Просящему у тебя дай. Когда Он стоял, уча на ровном месте, то сказал яснее: каждому же просящему у тебя дай,– как написал Лука (6, 34)**. Притом, повелевает не различать достойного от недостойного. Какой бы он ни был, он нуждается в том, чего просит. И Бог все необходимое для поддержания жизни равно предоставил всем людям, добрым и злым, верным и неверным.

И хотящего у тебе занять не отвороти. Теперь повелел занимать без росту, а когда учил, как сказано выше, на ровном месте, то повелел не требовать назад и того, что дано взаймы. Если, говорит, взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, то какая вам за то благодарность **(Лк. 6, 30)**. Но то, что находится в настоящем месте, относится к несовершенным, а то, что у Луки, – к более совершенным.

Стихи 43-44. **Вы слышали, что сказано: возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего.** Я же говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вас. Искоренив, как сказано, гнев и похоть и освободив от всякой пагубной страсти повинующихся Ему, повелел благотворить, давая просящим и занимая нуждающимся; потом, восходя выше, возвел на высоту добродетели. Венцом и вершиною всякой добродетели служит любовь к врагам с ее последствиями, – любовь к ним не как к врагам, а как к людям, и не только любовь, но и молитва за них. За любовью к врагам последует и все остальное, именно – благословение проклинающих, благотворение ненавидя-

щих и молитва за обижающих нас. Таковы свойства совершенной любви. Смотри, что и награда столь великой добродетели самая большая. Так как такой поступок больше всякого другого, то и награду Он полагает большую, чем всякая другая. Говорит:

Стих 45. **Так что да будете сынами Отца вашего, Который на Небесах: ибо он солнцем Своим сияет на злых и добрых, и дождь посылает на праведных и на неправедных.** Бог есть Отец людей, как Творец их (и мы совершителей каких-нибудь дел называем отцами их) и как Попечитель и Промыслитель их, потому что отцу свойственно заботиться и промышлять о своем сыне. Сынами Божиими становятся те, которые уподобляются Ему чрез добродетель, насколько это возможно для человека, потому что сыну естественно быть похожим на своего отца. Да будете, говорит, сынами Бога, не по естеству, а по подобию, именно чрез любовь к врагам своим. Хотя Он осыпается, как стрелами, поношениями злых и несправедливых, хулится, и лишается Своей чести, однако, любя их, повелевает солнцу Своему светить злым и добрым, посылает дождь на праведных и неправедных. Он терпит зло от Своих рабов, а ты от равных себе. Ты окажешь им немногие и незначительные благодеяния, а Он многочисленные и величайшие; и, однако, за такое подражание дарует тебе возможность быть подобным Ему и называться Его сыном. Солнцем и дождем, конечно, обозначил все потребное для жизни, –потому что при помощи их все рождается из земли, питается, взращивается и доводится до конца. Можно и иначе понимать. Да будете сынами Бога, подражая Сыну Его, Который претерпел бесчисленные поношения от врагов, любил их и благотворил, уча и исцеляя их, и наконец, пригвожденный ко Кресту, молился за них, говоря: Отче, прости им: ибо не ведают, что творят **(Лк. 23, 34)**.Итак, Христос желает, чтобы с друзьями ты мирился: иди прежде смирись, говорит, с братом твоим, а врагов любил и молился за них, как сказано выше.

Стих 46-47. **Ибо если вы любите любящих вас, какую награду получите? не то же ли творят и мытари?** И если вы целуете друзей ваших только, что особенного творите? не так же ли творяти язычникы? Любить того, кто вас любит, не есть добродетель, а дело согласное с природою, потому что и мытари тоже творят, у которых нет и следа добродетели. Мытари – это были сборщики податей и торговли («комеркарии»); занимающиеся этим делом пользовались дурною славою, как несправедливые, корыстолюбивые и преступные. Поэтому в учении на равном месте Христос назвал их грешниками, а не мытарями. Но какого осуждения мы будем достойны, когда не любим и тех, которые нас любят, и ненавидим тех, которые нам желают добра! Нам повелено превзойти в правде книжников и фарисеев, а мы стоим ниже мытарей, которых даже они порицают.

Стих 48. **Итак, да будете вы совершенны, как совершен Отец ваш Небесный!** Те, которые любят любящих их, те, конечно, несовершенны в любви, – а те, которые любят и врагов своих, те вполне совершенны.
Богу нашему слава, ныне и присно, и во́ веки веко́м. Аминь!

Евфимий Зигабен

ПРИТЧА О СЕЯТЕЛЕ

Поучение в неделю 21-ю, Евангелие от Луки
(Книга «Евангелие учительное», слово 42)

Словно второй рай, исполненный цветов и благоухающий, – чтение Божественных словес. Ибо от него мы приобретаем спасение душам, собираем добродетелей благоухание; принимаем нужное на духовное пиршество, и собираем потребное на укрепление души, и изменяемся на лучшее изменение, и, с мысленных цветов нектар собирая, духовный и спасительный мёд душам нашим приготовляем, говоря каждый из нас с Божественным Давыдом: «Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда и сота». Ибо чтение Божественных словес подаёт душевным недугам целительные врачевания, и духовное здравие дарует, и очищает гной человеческих страстей, и столь много исцелений подаёт, сколь много недугов грех рождает. И просто сказать, нет таких благ, каких бы не давало нам от чтения Божественных словес. Потому и повелел нам Владыка испытывать Писания, чтобы мы прилежным испытанием и чтением приобретали великую пользу, и прилежным и частым молением приобретали великое и спасительное. Ибо кто, погрешающий в вере, не укрепится от чтения Божественных Писаний?! Или кто, о деле не радивым бывающий, от того не восстанет и не исправится?

Блудный к целомудрию наставится; беззаконный – благозаконию научится, разуму – неразумный, великодушию – малодушный, смирению – горделивый, богатый – подаянию, благодарению – нищий, терпению – страдающий, много имеющий – благоимению; немилосердный прелагается на благосердие; похищающий чужое – убеждается расточать праведно и своё. И этих благ, братия, не иначе мы сможем приобщиться, как если не прибегаем часто к Божественным храмам, и собрания в них прилежно посещать, и не скоро оттуда, и не прежде отпущения выходим. Почасту удаляясь от дел в церковь, выслушивая духовные словеса, от пророков наставления, от апостолов научаемся, и каждый из нас, подходящее лечение принимая, с несказанною радостию возвращаемся домой. Потому молю вас, братия, не отлучайтесь от Божественных собраний, и не имейте ничего другого ни почётнее, ни полезнее сего, – но с горячим усердием и крепким желанием к духовному пиру приходите, и не краем уха слова послушайте, но в глубине сердца записывайте их, ничего не пропуская. Ибо таким образом сможем изобильно произрастить множество плодов, достойных Божественного гумна. Если же только телом там [в храме] пребываете, сердцем же далеко оттуда

стоите и душевной пользой пренебрегаете, но в житейские суету и заботы себя ввергаете и втягиваете, – подлинно, и вы не имеете никакой разницы с не приходящими в церковь, и будете тем подобны, осужденным от Бога, которые приняли слово Его и семя , но ни единого плода не показали [не принесли], как и из ныне читаемого Евангелия ясно можем познать, говорящего так:

Евангелие: **[Сказал Господь притчу сию:] «Вышел Сеятель сеять семени Своего. И когда Он сеял, одно [зерно] упало при дороге, и попрано[1] было, и птицы небесные поели его. А другое упало на камень, и пророслов и засохло, поскольку не имело влаги. И другое упало среди терния[2] , и совместно растущее терние задушило его. И другое упало на добрую землю, и проросло, и принесло плод стократный.»**

Толкование: Притчами Господь беседует, чтобы внимательными сделать слушающих и воздвигнуть их ум на поиск [смысла] проповеданного, ибо мы, люди, имеем обычай много испытывать и рассматривать иносказательно вещаемое, а явное и понятное презирать и испытывать, – поскольку притча скрытый смысл имеет, ибо одно по видимости глаголет, другое же имеет по тайному смыслу. Это же и прежде святой Давыд сказал, как от [имени] Христа: «Открою в притчах уста Мои, провещаю тайны[3] Мои изначала» **(Пс. 77:2)**. Притчи же – образы и подобия вещей не видимых, но в первую очередь мысленных и духовных. Итак, чего не можем видеть телесными очами, то показывает притча.

Евангелие: **«Вышел Сеющий, чтобы сеять семя Своё».**

Толкование: Сеющий же есть единородный Сын и Слово Божие, Который вышел из недр Отца, от Которого он никогда не разлучается; и пришёл к нам Тот, Кто везде находится и всё собою наполняет, ибо был Он в недрах Отца прежде всех веков. Ведь Он есть не только тогда, когда сеет [т.е. с момента выхода Христа на проповедь. – Ред.], и существование Он принял не тогда только, когда родился от Приснодевы Марии и преблагословенной Матери Своей, но Он родился прежде веков. «В мире был Он, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» **(Иоанн, гл. 1)**. Как же вышел? Не с места на место переходом, как передвигаются тела, ибо Он везде есть, но возвещением и промышлением, и к нам приспособлением, сделавшись ближе к нам, одеянием плоти. Поскольку мы не могли войти к Богу, ибо грехи наши препятствовали и отделяли нас от Него, то Сам Он приходит к нам плотским пришествием, Сын и Слово Божие и Отчее. Ибо как в государствах согрешившие узники вне царских мест стоят, а хотящий их примирить с царём не вводит их внутрь, но сам он выходит и беседует с ними, пока не сделает их достойными для царского зрения. Так и Христос сотворил, вышедши к нам, то есть приняв на Себя плоть, и несказанным образом став таким же, как мы, – и беседовал о Царстве, и после этого нас ввёл в него, очистив нас от прегрешений и примирив с Богом Отцом.

Вышел Господь не для того, чтобы погубить земля, наполненную тернием, или чтобы наказать земледельцев, но чтобы посеять благочестия семя и возрастить плод – спасение наше. Семенем же называет поучение, а землею – сердца людей. И не говорит «Хотящий сеять», но «Сеющий», ибо всегда и непрестанно Сын Божий сеет в душах наших полезно и спасительно. И не только тогда, ког-

[1] Потоптано. – Ред.
[2] Колючего кустарника.
[3] Загадки.

да учит, но и творением этим: небом и землёю, и все, что среди нас ежедневно бывает, – сеет Он в наших сердцах свои добрые семена.

Земледелец выходит часто ради других работ: или вспахать, или вырвать злые сорняки и очистить землю, или что-либо другое подобное сделать. Христос же на сеяние вышел, ибо изначала Он был Сеющий – Творец всех и Владыка, и снова сеяв, дал естественное слово [закон совести каждому – Ред.] человеку; потом Сеющий дал иудеям Моисеев Закон; напоследок же, когда Он благоволил нашего ради спасения стать Человеком, по всей земле вышло семя – слово Его Учения. Ибо то, что прежде пророки говорили, они вещал от Духа Святаго; Христос же проповедовал Своё слово, потому что не говорил: «Так говорит Господь», – но: «Я говорю вам», – чтобы мы поняли, что по существу Его есть семя [слово – Ред.], и что Он есть Податель всего доброго, а мы плодовые растения Его, и от Него и через Него – любое наше духовное плодоношение.

«И когда Он сеял»: не говорит «посеял», но «сеял», – поскольку и через апостолов, и через бывших после них учителей и пастырей Господь пребывает Сеющим слово Своё и поучение.

«И одно упало при дороге». Не говорит же, что одно [зерно] бросил Сеющий, но **оно упало**, поскольку Сеющий сеет и учит, а слово падает на слышащих, и они оказываются или дорогой, или камнем, или тернием, или доброй землею. Итак, три части посеянного погибают, а спасается одна. Ибо на три части разделяются не совершенствующиеся и не дающие плодов, когда услышат Господа. И одни тотчас как услышат, погубили услышанное, а другие услышав обрадовались о слышанном, но поскольку посеянное не имело корня, через некоторое время, когда пришло искушение, они забыли то, что слышали. Третьи же, хотя и выше оказались, чем первые две группы, ибо услышав, приняли [слово] и удержали, однако не принесли плодов, ибо не свободно росло в них семя, но подавлялось суетою и заботами. Землею же во многих местах Писание называет души, принимающие сеяние слова, как и здесь научаемся притчей. Поскольку одни семена упали на добрую землю, способную к принятию Божественных поучений, и склонную к плодоношению; а другие – на жестокую и сопротивляющуюся, которая и пустой называется, ибо не имеет премудрости и слова, и ни по правде не живёт, ни по истине не ходит.

Евангелие: **«И спросили Его ученики Его, говоря: “Что значиат эти притчи?”». Он же сказал: “Вам дано понимать тайны Царствия Божия, а прочим [говорится] притчами, чтобы они видя не видели и слыша не понимали. Вот [что значит] притча сия...”**

Толкование: Поскольку апостолы желали понять смысл этой притчи, не перед всеми спрашивают, но наедине приступают. Господь же сказал им: «Вам было дано понимать тайны Царствия Божия». Вам, то есть достойным, и ищущим, и хотящим узнать. Ибо «всякий просящий принимает и ищущий находит» **(Матф. 7:8)**. Прочим же, которые недостойны тайны, и не ищут, и не хотят узнать, – темно говорится. И они думают видеть, но не видят, и слышат же, но не понимают. И это делается на благо для них – чтобы ещё более не были осуждены, как если познают тайны, но станут их презирать. Потому и скрывается от них, ибо понявший и презревший достоин более тяжкой муки. И Господь подробно разъясняет притчу, говоря так:

Евангелие: **«Семя есть слово Божие. А “при пути” – это слышашие, потом же приходит диявол и забирает слово от сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись. А “на камне” – те, которые, когда услышат, с радостью принимает слово, и они не емеют корня, и какое-то время веруют, в во время напасти отступают.»**

Толкование: Господь Говорит о трёх группах неспасающихся. Одних называет «дорогой» и «при дороге», показывая весьма ленивых и жестоких, и непокоряющихся, которые совсем не принимают Божественного слова и не скрывают его в своих сердцах. Ибо как любая дорога жестка, и не пахана, и тверда, поскольку лежит у всех под ногами, и ни одно из семян в неё не входит, но лежит открыто на поверхности земли, готовое на расхищение всеми птицами, – так и жестокосердечные, имеющие затемнённый ум, по своей воле твердый и жестокий, как дорога, нечистыми бесами и самим сатаной утоптаны, и совсем не принимают Божественного слова. Ибо в них не входят священные поучения, наставления и советы, с помощью которых возможно приносить плоды благих дел. Поэтому и посеянное в их сердцах, немного присыпанное и на поверхности лежащее, а не в глубине скрываемое, забирают прилетающие «птицы небесные», то есть в воздухе находящиеся бесы, и губят его; небом же здесь называется воздух.

Итак, это одна группа не спасающихся. А другая – это «на камне». Камню же уподобляет тех, которые без сомнения приняли в себя Божественное слово и легко уверовали в Бога, но не имеют достаточно земли, то есть укрепления [постоянства – Ред.], и в них тотчас прорастает вера, но до концы не может укорениться, и потому вскоре затихает, ибо не имеют достаточно земли, то есть крепкой и твёрдой мысли. Как на камне, слегка покрытом землёй, скрываемое вскоре прорастает, а когда засветит солнце и настанет лёгкая жара, тотчас засыхает, ибо не имеет оживляющего корня, – так и эти люди пусты, и благочестие к Богу имеют неукоренённое. И усердно принимают священные тайны, но не с рассуждением и испытанием, но слабой волей. Потому и при наступлении небольшой жары, напасти, засыхают и веру предают, расслабившись человеческой болезнью.

Евангелие: **«А “упавшее в тернии” – это слышавшие, и от печали и богатства, и житейским наслаждениям подчинённые, подавляются и не совершают плода.»**

Толкование: Семя, впадшее в терние, – это услышавшие слово Божие и принявшие в души свои, и укоренившие, и намного прорастившие, но житейскими заботами и наслаждениями, которые, как терние, колют и уязвляют наши души, подавляя Божественное семя и не дают ему развиться. Ибо духовное семя входит и пребывает в принявших душах, и как бы прорастает и начинает показываться, однако подавляется житейскими наслаждениями, и заботами о богатстве, и волнением. И как говорит Иеремия пророк, бывает солома, не имеющая силы принести зерна **(Иер. 23:28)**. Посмотрите, как сказал Господь о подавляемых: не сказал, что подавляются богатством, но заботами.

Итак, вредит не богатство, но заботы о нём, ибо многие от богатства получили пользу, бросив его утробы нищих. Сказав же «заботами житейскими», добавил «и наслаждениями», показывая, что от богатства бывают два наслаж-

дения: сребролюбие и пища [чревоугодие]. И сребролюбие заботами растопляет душу, питание же сладостное делает её расслабленной. И не попусту назвал Он тернием пищу и заботы, поскольку, как терния сильно окровавляют руки их держащих, так и наслаждение пищей – и ноги, и голову, и очи, и все вместе части тела повреждает, и сухо и бесплодно оно, как терние. Некоторые считают, что «упавшее при дороге» сказано о славолюбивых, а «на камне» – о сребролюбивых, а «тернием подавляемые» – о сластолюбивых, ибо свыше и от начала первое зло – славолюбие, которое не даёт слышать слова Божия. Второе – сребролюбие, которое, при малом принятии слова, заставляет отступать во время напасти. Третье же зло – сластолюбие, которое и уже проросшему семени, и уже готовому к плодоношению не позволяет прийти к завершению [т. е. к приношению плодов – Ред.]. Ибо у людей бывает три великих падения: славолюбие, сребролюбие и сластолюбие, – через которые и первый ангел отпал, прежде бывший Денница[4], а ныне – потемневший[5]; и Адам, первый человек рода нашего, и Июда, один из двенадцати Апостолов – один сластолюбия ради[6], другой же сребролюбия ради[7].

И сказав об образах погибели, напоследок [Христос] оставляет добрую землю, не позволяя впасть в отчаяние, но подавая надежду покаяния и показывая, что возможно изменение от грехов на добродетели. И говорит:

Евангелие: **«А на доброй земле – это те, которые, услышав слово, добрым сердцем и благим удерживают [его] и плод творят в терпении.»**

Толкование: Благая земля, и тучная, и благоплодная, и творящая стократные плоды, – это благая душа, удалённая от всех неподобных страстей, и готовая к плодоношению добродетелей.

Заметьте же: как мало спасаемых и насколько больше погибающих! Ибо три части погибающих, одна же – спасаемых. Сеющий же во всех сеет равно. Семя же в одних погибло, в других же весьма умножилось. И так стало не из-за естества семени, но по согласию и избранию людей. Ибо равно сеет Бог во всех по многой милости, научая нас не лениться, хотя и много более находим погибающих, чем спасаемых, – но всегда прилежно сеять и проповедовать слово Божие.

Евангелист же Матфей, передавая это место [притчи], разделил добрую землю на три части. Как на три части делятся погибающие, так и спасаемые – ибо одни приносят плоды тридцатикратные, другие – шестидесятикратные, третьи же – стократные, поскольку каждый имеет свой дар от Бога: один – так, другой – иначе. И неравным числом показываются [различные] благоустроения святых: ибо один совершенный, другой же – средний, третий же – меньший. И принесший сторичный плод – это тот, кто душу и тело соблюл в чистоте, девством и бесстрастием, и, кроме того, всё имение своё Богу отдав, крайним нестяжанием от всего земного превозвысился, и весь всецело на Бога положился, и чисто и непорочно священствовал или другим образом поработал Ему.

А принесший шестидесятикратные плоды – это тот, кто целомудренно совокупился браком, и не всё своё Богу отдал, но поровну со Христом разделил

[4] «Утренняя звезда».
[5] Сатана.
[6] Адам лишился рая за вкушение запретного плода.
[7] Июда ради денег предал Христа.

это [имение своё, – Ред.], и имел Его сопричастником: половину имения себе, половину Богу отделив.

А принесший тридцатикратные плоды – тот, кто и браку целомудренно сочетался, и не половину, но меньшую часть имения своего Богу отдал.

Тридцатикратные толкуются также иначе как **имеющие веру**, ибо Троица удесятерённая составляет это число. Шестидесятикратные же понимаются как **добродетель,** ибо Христос в Евангелии сосчитал шесть добродетелей, о которых говорит: «Вы дали Мне есть, напоили Меня, ввели в свой дом, одели, посетили в болезни, пришли ко Мне в темнице». А удесятерённое шесть составляет шестьдесят. Стократное же толкуется как **совершенная добродетель**, ибо число десять совершенно, и число сто представляет это число умноженное.

Евангелие: **«Сказав это, провозгласил: “имеющий уши слышать – да слышит”».**

Толкование. Не о телесных ушах здесь говорит Господь, и не об общих органах чувств, но о мысленных, свойственных разумной душе, о которых говорит пророк: «Приложи [прибавь, – Ред.] мне ухо слышать» **(Исаия 50:4)**, – то есть понимать внутренними ушами сердца, по внутреннему человеку. Потому, братья, да не заткнём мысленных наших слухов, как аспид глухой, затыкающий уши свои, – но слово Спасителя разумно услышим и расширением сердца примем небесное Семя, а не погубим его леностью и не предадим по малодушию или ради забот житейских, или ради наслаждений, и не подавим прельщением богатства. Но прежде постараемся принять это Божественное семя, чтобы оно не было попрано[8] или расхищено воздушными духами[9]; потом же постараемся, чтобы оно укоренилось в глубине, чтобы от искушений и напастей не засохло. Кроме того, и заботы всякие житейские и [наслаждение] пищей отвергнем от себя, чтобы не было подавлено благое и спасительное слово и семя веры.

И тогда, как добрая земля, принесём плоды по своей силе – или совершенно, или средне, или меньше – о Христе Исусе Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцом и со Святым Духом, ныне и всегда и во веки веком, аминь.

(Евангелие Учительное, слово 42, листы 286 об. – 295)

[8] Потоптано.
[9] Бесами.

Месяца сентября в 20-й день.

СКАЗАНИЕ О ЖИТИИ И МУЧЕНИИ СВЯТОГО ЕВСТАФИЯ, И ЖЕНЫ ЕГО ФЕОПИСТИИ, И ДЕТЕЙ ИХ АГАПИЯ И ФЕОПИСТА

Святые великомученики Георгий и Евстафий

(Перевод древнерусского текста)

В дни правления Траяна (римский император, 98—117 гг.- Ред.), когда приносили жертвы идолам, был некий стратилат (римский воевода. - Ред.) по имени Плаки́да, человек высокого и славного рода, имеющий более других золота и всякого добра; он был язычником, но украшал себя праведными делами, кормил голодных, поил жаждущих, одевал нагих, помогал бедствующим, освобождал из темниц и вообще стремился помочь всем людям. Была у него жена, тоже язычница, но, как и он, творила она добрые дела. У них родились два сына, и они воспитали их в тех же добрых обычаях. И так как этот муж прославился не только добродетелями, но и храбростью и доблестью, то все чужестранцы и варвары боялись одного только его имени. Он был храбрый воин и искусный охотник и всегда развлекался охотой. Человеколюбец Бог, всегда и везде призывающий к себе достойных себя, не посмотрел на то, что он находится во тьме идолопоклонства, — ведь сказано в Писании: «Человек, боящийся Бога, в любом народе, приятен ему» (Деян.10:35), — захотел спасти его следующим образом: когда однажды Плакида отправился, как обычно, на охоту со своими слугами, появилось стадо бегущих оленей, Плакида расставил охотников и начал гон. И увидел он оленя, самого крупного и самого красивого во всем стаде, и отделился тот олень от стада, Плакида тоже отделился с небольшой свитой от остальных и стал с ними преследовать этого оленя. Пока они его преследовали, все обессилели, и Плакида один продолжал гнаться за оленем, и вскоре оказался далеко от своей дружины. Долго гнал он оленя, вдруг олень вскочил на высокую скалу и стал на ней. Стратилат подъехал ближе, обдумывая, каким бы ему образом поймать оленя, ведь слуг с ним не было. Но Бог предопределяет различные пути для спасения людей: уловил он своим явлением ловца Плакиду — не так, как Корнилия — Петром (Деян.10:1-31), а как Павла-гонителя (Деян.9:1-19).

Долго так стоял Плакида , смотрел и удивлялся, и показал Бог чудо так, как некогда Валааму, когда осел заговорил по-человечески. Над рогами оленя показался святой Крест, светящийся как солнце, и между рогами — образ святого тела Христова. И дал Бог человеческий голос оленю, который сказал ему: «О Плакида ! Зачем ты меня гонишь? Это ведь ради тебя пришел Я, чтобы явиться тебе в образе этого животного. Я — Исус Христос, которого ты почитаешь, не ведая. Твои добрые дела, что творишь ты нищим, дошли до меня, и из-за этого Я пришел явиться тебе в образе этого животного и уловить тебя, так как несправедливо, чтобы любящий Меня увяз в дьявольской сети». Услышав это, стратилат, объятый страхом, упал с коня; через некоторое время он встал и, желая лучше увидеть, сказал: «Кто Ты, Голос Которого я слышу? — явись мне, Говорящий, чтобы я уверовал в Тебя!»

Сказал ему Господь: «Знай, Плакида , Я – Исус Христос, сотворивший небо и землю из ничего; Я – Сотворивший солнце, чтобы дать свет дню, и луну и звезды, чтобы дать свет ночи; Я – создавший человека из земли, ради спасения человека явился во плоти, претерпел распятие и погребение и в третий день воскрес». Услышав это, Плакида упал на землю и сказал: «Верую в Тебя, Господи, верую, что Ты Творец всего и Животворец мертвых». И снова сказал ему Господь: «Если веруешь в Меня, иди в город, обратись к христианскому священнику и проси у него крещения». Плакида же сказал: «Господи! Велишь ли сказать об этом моей жене и детям моим, чтобы и они уверовали?» Сказал Господь: «Расскажи им; крестившись, вы очиститесь от ваших грехов. А потом приди сюда, Я тебе раскрою тайны спасения».

Вернувшись домой, когда уже был вечер, Плакида стал рассказывать жене своей о великих чудесах Христа, которые он видел. Когда он кончил, жена воскликнула: «О Господин мой! Ты видел Распятого, которого чтут христиане! Он есть Бог истинный, такими знамениями спасающий верующих в него!» И еще она воскликнула: «Помилуй меня, Господи Исусе Христе, и обоих моих младенцев!» И сказала она мужу: «И я прошлой ночью видела его во сне, и он сказал: «Завтра ты, и муж твой, и дети придете ко мне и поймете, что я есть Исус Христос». Давай пойдем этой ночью и крестимся: этим Крещением мы станем Ему свои».

И сказал ей Плакида : «То же самое сказал мне Тот, Который мне явился». И когда наступила полночь, с обоими младенцами и несколькими слугами пришли они к священнику. Оставив слуг снаружи, они вошли к священнику и рассказали ему обо всех видениях; объявили себя верующими в Господа нашего Исуса Христа и просили его свершить над ними таинство Крещения. Священник обрадовался и прославил Господа Исуса Христа, который хочет спасти всякого человека и привести его к истине. Сотворил он над ними молитву, научил их вере и крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Плакиду он назвал Евстафием, а жену его Татьяну — Феопистией, сына — первенца — Агапием, а меньшого — Феопистом; и причастил их святого Тела и Крови Господа нашего Исуса Христа, и отпустил их, сказав: «Бог да будет с вами и да даст вам Царствие Свое. Я понял, что рука Господня над вами. Вы же, когда будете в раю, помяните мою душу, Иоанна, прошу вас!»

Наступило утро, и Евстафий, взяв с собой нескольких всадников, поехал на гору. Около того места, где ему было видение, он отослал слуг, сказав им: «Поищите лова». И, немного подождав, упал ниц, восклицая: «Молюсь тебе, Господи Исусе Христе! Знаю, что ты Христос, сын Бога Живого, верую в Отца и Сына и Святого Духа; а теперь я пришел и молюсь Божеству твоему, чтобы ты открыл мне то, о чем говорил тогда!»

И сказал ему Господь: «Блажен ты, Евстафий , ибо принял Баню Моей благодати (святое Крещение. – Ред.); теперь ты стряхнул с себя тленного человека и облекся в нетленного. Ныне же проявится дело твоей веры. Поскольку ты отошел от дьявола, он стремится устроить тебе какое-нибудь бедствие; если перенесешь эти

несчастья, примешь венец победы. Ты вознесся богатством житейским, а теперь должен смириться богатством духовным; не вздумай отступить, вспомнив свою прежнюю славу, — как ты угодил земному царю, постарайся победить дьявола и хранить веру: ты будешь вторым Иовом в несчастьях. Опасайся, чтобы хула не вошла в твое сердце. Когда смиришься, приду к тебе и устрою тебя в прежней славе».

И, сказав это, Господь взошел на небеса, и сказал Евстафию : «Хочешь ли, чтобы несчастье пришло к тебе сейчас или в последние дни?» Сказал же Евстафий : «Молю тебя, Господи, если никак нельзя избежать предначертанного, пусть ныне придет бедствие. Но дай мне, Господи, силу и сохрани от злого помышления, и пусть не смутятся наши сердца!» Сказал ему Господь: «Борись и крепись, Евстафий, с вами будет Моя благодать».

Сойдя с горы, Евстафий вернулся домой и рассказал все жене своей. И, преклонив колени, они молились Господу, говоря: «Господи, да будет воля Твоя!» Когда прошло немного дней, мор вошел в его дом, и умерли все рабы. Когда все это случилось, Евстафий понял, что это та предсказанная напасть, и принял ее с благодарностью, ободряя свою жену, чтобы она не пала духом. Но прошло еще немного времени, и опять настал мор, от которого пали все кони и скотина. И эту напасть он принял с благодарностью. Тайно ушел он из своего дома с женой и сыновьями. И воры, заметив их уход, ночью украли все их имущество: забрав и золото, и серебро, и челядь, и все Богатство. В те дни царь устроил праздник, ибо одержал победу над персидским войском; следовало присутствовать там и стратилату, ведь он был самым почетным в синклите. Его искали и не нашли; и все сетовали, как внезапно погибло его богатство и он сам пропал; очень о нем жалели царь и все, кто там был.

Жена сказала Плакиде : «Долго ли еще будем ждать здесь, Господин мой? Давай возьмем детей наших — ведь они одни нам оставлены — и уйдем из этой земли, — ведь здесь мы — поношение всем, знающим нас». Ночью они встали, взяв своих двух мальчиков, и отправились в Египет. Два дня они шли, и пришли к морю, и увидели корабль, стоящий в гавани, и зашли на него. Хозяином корабля был свирепый варвар; итак, они сели на корабль и поплыли. Судовладелец увидел жену Евстафия , которая была очень красива, и она ему полюбилась; а когда они приплыли на другую сторону, владелец корабля потребовал плату за переезд. И так как у них не было, чем заплатить, он забрал жену Евстафия вместо платы. А когда Евстафий стал противиться этому и просить за нее, хозяин корабля дал знак матросам, чтобы они бросили ее в море. Понял это Евстафий и поневоле должен был оставить свою жену; взяв обоих мальчиков своих, он сошел на берег, плача и говоря: «Горе мне и вам! Ваша мать отдана мужу-иноплеменнику!» Так, плача, он дошел до какой-то реки; река была многоводна, и он побоялся перенести через нее обоих мальчиков сразу. Одного он взял на плечи, чтобы с ним вместе переплыть реку, а другого оставил на берегу; перебравшись, Евстафий посадил ребенка на землю и вернулся, желая перенести и другого. Когда он был на середине реки, он увидел, что лев схватил его сына и убежал. Увидев это, он обратился к другому, имея намерение и его перенести, и увидел, что и того мальчика уносит волк. Увидев, что его детей утащили звери, он горько плакал, рвал свои волосы и хотел утопиться в реке,— но Бог этого не допустил, и он вышел из реки.

А между тем лев, переплыв реку выше, пошел в пустыню, неся ребенка, Божьей волей невредимого. Пастухи увидели, что лев несет живого ребенка, погнались за львом с собаками. Лев испугался, бросил ребенка невредимого и убежал. А что касается другого мальчика, унесенного волком, некие пахари увидели, что зверь несет живого ребенка, стали кричать ему вслед, тот бросил мальчика и убежал; эти пастухи и пахари были из одного села (по греческому тексту жития – из двух соседних сел. – Ред.), они приняли мальчиков и воспитали их.

Евстафий этого не видел; он шел по дороге, плакал и так говорил: «Горе мне! Когда-то дела мои процветали, а ныне я лишился всего! Горе мне! Когда-то я был богат, а ныне я будто в плену! Горе мне! Когда-то множество людей мне служили, а теперь я остался один – и даже детей своих потерял! Но не оставь меня, Господи! Посмотри на мои слезы! Вспомни, Господи, что ты сказал мне: примешь напасть, как Иов, — но мне выпало больше, чем Иову (Иов был царем, но был лишен всего богатства и детей и заболел тяжкой болезнью; но он все претерпел и не возроптал на Бога, и за это снова Господь ему дал прежнюю честь и богатство, и других детей. – См. книгу Иова в Библии. – Ред.).Он, хотя и лишился богатства, но сидел на своем гноище (месте для выбрасывания нечистот. – Ред.), а я терплю муки в чужой стране; у него были друзья, которые его утешали , – мое же утешение, моих детей, отняли дикие звери в пустыне; он, хотя и лишенный ветвей, утешался тем, что видел корень — жену свою, – я же, окаянный, отовсюду искоренен, и колеблет меня враждебная буря, как тростник в пустыне. Но не отвергни меня, Господи Исусе Христе, твоего раба, который так много говорит — от боли сердечной, а не по воле я это говорю; положи, Господи, охрану устам моим и огради двери уст моих, не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым (Пс.140:3-4),да не буду отвержен от лица Твоего».

И говоря это с воздыханиями и слезами, дошел он до некоего селения, называемого Вадисон. Поселившись там, он стал работать, зарабатывая себе пропитание. Прожив там много лет, он упросил жителей того селения, чтобы они позволили ему сторожить их посевы; получая плату за это, он прожил пятнадцать лет.

Сыновья же его были воспитаны в другом селении; они не знали, что они братья. А корабельщик-иноплеменник привел жену Евстафия в свою землю; но Бог так пожелал, чтобы этот иноплеменник умер, не коснувшись ее: она стала свободна и так жила.

Иноплеменники же воевали с Римом и завоевали много областей. Об этом весьма печалился царь, и вспомнил он Плакиду, который был доблестным и храбрым воином. Вспомнил и весьма удивился внезапно случившемуся с ним. Стал царь набирать воинов, готовясь к войне, и забеспокоился о Плакиде, спрашивая о нем у всех, жив ли он или умер. Он приказал всем искать его, если он жив. И послал по всему своему царству искать его, и сказал: «Если кто найдет его и скажет мне о нем, воздам тому честь великую и увеличу жалованье». Два воина — имена их были Антиох и Акакий,— которые всегда служили Плакиде , отправились искать его. Обойдя всю страну, они пришли в селение, где жил, ничего не зная, Евстафий. Увидев его, они не догадались расспросить его. Евстафий же издали их узнал. И вспомнил он свою прежнюю жизнь, и стал плакать и молиться, говоря: «Господи Боже милостивый, избавляющий от всякой скорби надеющихся на тебя! Неожиданно вспомнил я все бывшее со мною раньше — удостой меня увидеть твою рабу, а мою жену! Видел я своих несчастных детей, которые стали пищей для зверей из-за злых моих дел! Дай, Господи Боже истинный Христе, хоть в День Воскресения мне увидеть их!» Когда он так молился, услышал он Глас с Небес, обращенный к нему: «Мужайся, Евстафий! В свое время снова обретешь свою прежнюю честь, и жену свою найдешь, и сыновей. А в День Воскресения ты большее увидишь и получишь вечное блаженство; и имя твое будет прославляться из рода в род».

Устрашенный, сидел Евстафий, слыша это; когда он увидел, что воины приближаются к нему, он сошел с того места, где сидел, и вышел им навстречу. Даже приблизившись к нему, они его не узнали и сказали ему: «Радуйся, друг!» Он же им: «Мир вам, братья!» Они сказали: «Скажи нам, не знаешь ли здесь некоего чужестранца по имени Плакида с женой и двумя детьми? Если покажешь его нам, дадим тебе много золота». Он же сказал: «А зачем вы его ищете?» Они же сказали: «Он

наш друг, мы не видели его много лет, поэтому хотим его видеть». Он сказал им: «Я не знаю здесь такого человека. Но все же отдохните немного в моей хижине, я тоже здесь чужестранец». Привел он их в свою хижину и пошел купить вина, чтобы напоить их, ведь было очень жарко. Он сказал хозяину дома, в котором жил: «Эти люди — мои знакомые, и поэтому они пришли ко мне. Дай мне хлеба и вина, чтобы угостить их, я расплачусь с тобой своей работой». И тот дал ему, что он просил.

И когда они пили и ели, не мог Евстафий сдержаться, вспоминая о своей прежней жизни, слезы наворачивались у него на глаза. Он выходил из дома и плакал, потом умывал лицо и возвращался, чтобы служить им. Они же, глядя на Евстафия, начали понемногу узнавать его. Один из них подумал: «Как похож он на того, кого мы ищем». И сказал другу своему: «Очень он похож на него. Но я знаю, что у него на шее есть небольшой след от раны, полученной в бою. Давай узнаем: если у него есть этот знак, значит он тот, кого мы ищем». Посмотрев внимательно, они увидели этот рубец на шее, и тогда вскочили, обняли его, и со слезами спросили, не он ли Плакида, бывший некогда стратилатом. Он же, прослезившись, сказал им: «Нет, не я». Но когда они показали ему знак на шее и, кланяясь ему, сказали: «Ты стратилат Плакида!» – и спросили его о жене и сыновьях, и вспомнили много другого, тогда он признался: «Да, это я». О своей жене и о детях он сказал, что они умерли.

Пока они так беседовали, все жители того селения собрались, как на великое чудо. Воины, успокоив шум, стали рассказывать людям о его жизни и деяниях, о его храбрости и чести. И, слышав об этом, люди плакали, говоря: «Какой великий человек был у нас наемником!» Тогда воины показали ему царское послание, и одели его в дорогие одежды, и взяв с собой, отправились в путь. Все селение провожало их, и он, успокоив их, отправил по домам.

По пути он рассказал воинам, что видел Христа и что наречено в крещении ему имя Евстафий, и все, что случилось, рассказал им. Через пятнадцать дней пришли они к царю. И, придя к нему, рассказали, как они нашли Плакиду. Царь вышел навстречу ему, поцеловал его и, сильно прослезившись, спросил его о причинах ухода. Евстафий же по порядку рассказал царю и всем друзьям о своей жене, оставшейся в море, и о сыновьях, съеденных зверями. Все радовались, что он нашелся. Царь просил его опоясаться мечом; он принял меч и стал, как прежде, стратилатом.

Увидев же, что войска недостаточно для войны против варваров, Евстафий велел собрать новобранцев; и были разосланы царские грамоты во все города и селения Римской империи. Случилось же так, что в то селение, где были воспитаны сыновья Евстафия, дошло царское послание. Жители селения отдали воинам этих двух юношей, так как они были чужеземцами; оба они были рослые и очень красивые. Когда все новобранцы были собраны и приведены к стратилату и все распределены по отрядам, он увидел этих двух юношей, которые были прекраснее всех, и назначил их к себе на службу. Видя, как они красивы, он велел им всегда быть вместе с ним за трапезой. И, распределив воинов, пошел на войну; освободил местность, которую прежде завоевали варвары, победив, он перешел реку, называемую Идаспая.

Совершив переход, он вошел в Верхнюю страну варваров и ее победил. Задумал он, руководимый Божьей волей, напасть и на ту страну, где жила жена Евстафия, избегнув того иноплеменника. Когда тот умер, она ушла в другое селение, построила себе хижину и стерегла сады тамошних жителей. Когда стратилат пришел в то селение и захватил его, он остался в нем со своим войском на три дня для отдыха. И так случилось, что шатер стратилата был поставлен около ее хижины возле сада, который охраняла жена его.

А юноши те жили в хижине той жены, не зная, что она — их мать. Однажды в полдень они сидели и беседовали, рассказывая о своем детстве: они мало что помнили. А мать слушала. И сказал старший брат: «Я ничего не помню, кроме того, что мой отец был стратилат, а мать очень красива. У них было два сына — я и другой, младше меня, русоволосый, очень красивый. Однажды они взяли нас и ночью ушли из дома, сели на корабль вместе с нами. Я не знаю, куда они хотели плыть. Когда мы вышли на землю с корабля, матери с нами не было; я не знаю, каким образом она осталась в море. Отец взял нас на плечи и пошел, плача. Пришли мы на какую-то реку, и он перенес младшего брата, а меня оставил на этом берегу. Когда он хотел вернуться, чтобы перенести меня, пришел лев и убежал, похитив меня; овечьи пастухи отняли меня у льва и воспитали в том самом селении, где и тебя. Кроме этого, я ничего не знаю». Услышав его рассказ, младший брат вскочил и, заплакав, сказал: «Такова сила Христова! Ты — мой брат! Я знаю то, о чем ты рассказал. Воспитавшие меня тоже сказали, что они отняли меня у волка». И они поцеловались. А мать, слушая это и поняв все, что было рассказано до событий на корабле, очень растрогалась, особенно же, когда она увидела, что они заключили друг друга в объятья; и заплакала, подумав, не ее ли это сыновья, тем более услышав, что отец их был стратилат.

На другой день эта женщина пришла к стратилату и сказала: «Умоляю тебя, Господин мой, я римлянка, и здесь я в плену,— отведи меня на родину». Так говоря, увидела она шрам, который был на ее муже. Узнав его, она побоялась спрашивать. Потом, осмелившись, бросилась к нему в ноги, говоря так: «Умоляю тебя, Господин мой, не гневайся на свою рабу, выслушай меня терпеливо. Расскажи мне о своей прежней жизни, потому что мне кажется, что ты — стратилат Плакида, названный при Крещении Евстафием, которому Христос явился в виде оленя, он уверовал в Него и затем впал в бедствия; взяв жену свою и двоих детей, Агапия и Феописта, захотел отправиться в Египет; а когда мы плыли па корабле, судовладелец-варвар забрал меня и привел в эту землю. Но Христос мне свидетель, что ни он, ни кто другой не осквернили меня до сегодняшнего дня. Если действительно ты тот, кого я узнала по приметам, скажи мне! Такова сила Христова!» Услышав же все это, Евстафий тоже узнал ее. Обрадовался он, заплакал и сказал ей: «Да, я тот, о ком ты говоришь!» Он тотчас вскочил, и они расцеловались, славя Христа Бога, избавляющего своих рабов от многих скорбей.

Сказала Евстафию жена его: «Господин мой! Наши дети здесь!» Он же сказал: «Их съели звери!» И рассказал, как он потерял детей. Она же сказала: «Восхвалим же Христа Господа, пусть Он даст нам найти наших детей, так же как дал нам найти друг друга!» Сказал ей Евстафий : «Я же тебе сказал, их съели звери». Но поведала ему жена: «Вчера, сидя в саду, я слышала, как два некие юноши говорили между собой о своем детстве, и я узнала, что это наши сыновья. Но и они не знали, что они братья, и догадались об этом благодаря рассказу старшего брата. Если ты до сегодняшнего дня этого не видел, пойми теперь, как велика милость Христова! Послушай их самих, они скажут тебе».

Позвав юношей, стратилат спросил их: «Кто вы такие и что с вами было?» Они рассказали ему все, и он понял, что они — его сыновья. Обнял их Евстафий, расцеловал; также и мать их целовала со слезами, благодаря Бога за их чудесное обретение. От второго до шестого часа стало известно это чудо всему войску, собрались воины, и все радовались их счастливой встрече более, чем победе над варварами. Великий праздник устроил Евстафий в честь такого события, а на другой день он хвалебными словами принес молитву Богу, прославив Христа за его великое человеколюбие. Завоевав всю страну варваров, возвратились

они с победой великою, захватив Богатую добычу и особенно приведя много пленников.

Случилось же так, что до возвращения Евстафия с войны умер царь Траян. Вместо него стал царь по имени АдрианАдриан (римский император,117—138 гг. – Ред.) – язычник, самый свирепый из всех древних царей. Когда Евстафий вернулся с победой, царь встретил его по римскому обычаю. Узнав о совершенной Евстафием победе, а также о том, что он нашел жену и сыновей, обрадовался царь и отправился в храм, чтобы принести нечестивые жертвы идолам. Когда же царь вошел в храм Аполлона, Евстафий не последовал за ним в храм, а остался снаружи. Призвал его царь и сказал: «Почему ты не приносишь жертвы Богам, приехав с победой? А ведь тебе надлежит не только ради победы, но и ради обретения жены и сыновей совершить жертвоприношения». Сказал же Евстафий царю: «Я Христу своему воссылал и буду воссылать молитвы и моления, иного же бога не знаю и не чту, кроме Того, Который сотворил словом все». Тогда велел царь лишить Евстафия всех почестей и стать ему простым человеком, а также приказал привести жену его и сыновей и их испытать. Но, видя их твердую веру, повелел царь его с женой и детьми отправить в цирк на съедение зверям. Выбежал лев и встал около блаженных, поклонился им и отошел, стремясь выбраться с арены, и ушел из цирка.

Тогда царь, который видел это удивительное чудо, что зверь не прикоснулся к ним, повелел раскалить медного быка и бросить туда святых. Собрались вокруг все христиане и многие язычники, желая видеть тех, которых ввергали в раскаленную медь. Но когда они приблизились, осужденные воздели руки к небу и помолились так: «Господи, Боже сил, для всех невидимый, нами же зримый! Поскольку Ты соблаговолил к нам, послушай нас, молящихся Тебе! Наша молитва теперь кончилась, ибо мы соединились. Ты удостоил нас участи святых Твоих: как три отрока в Вавилоне были брошены в огонь и не отреклись от тебя (Дан.3:21-93), так нас ныне удостой скончаться в этом огне — да будем мы приняты тобою как угодная тебе жертва. Подай, Господи Боже, всякому, поминающему нашу память, быть в Твоем Царствии Небесном; ярость же этого огня преврати в холод и сподоби нас в нем скончаться. А еще, Господи, удостой нас того, чтобы тела наши не разлучались, пусть их вместе положат!»

Когда они так помолились, раздался Голос с Небес, говорящий: «Пусть будет так, как вы просите. И более этого будет вам дано, потому что многие напасти перенесли вы и не были ими побеждены; ныне же примите мир, получите венцы победные и почивайте во веки веком за ваши страдания». И услышав это, святые с радостью пошли в огонь. И когда были они ввержены в пламя, огонь вдруг угас. Прославляя Пресвятую Троицу, предали они в мир души свои; не прикоснулся к ним огонь, ни единого волоса не тронул.

Через три дня нечестивый царь пришел на то место, велел открыть медного быка, чтобы увидеть, что случилось с телами святых мучеников. Он увидел тела их невредимыми, и показалось ему, что они живы. Их вынесли и положили на землю; удивились все стоящие, что огонь не коснулся даже волос их, тела же их светились ярче снега. Испугался нечестивый царь и ушел. Люди же воскликнули: «Воистину велик Бог христианский! Один истинный Бог — Исус Христос, нет другого Бога, который бы сохранял святых своих».

Христиане же, похитив тела святых мучеников, тайно похоронили их в почитаемом месте, а когда кончились гонения, построили там храм честен и положили в нем тела святых мучеников, славя Господа нашего Исуса Христа, ему же слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцом и Пресвятым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

КАНОН МОЛЕБЕН

СВЯТОМУ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ЕВСТАФИЮ ПЛАКИДЕ

И ИЖЕ С НИМ ПОСТРАДАВШИМ.

(Память их 20 сентября по старому стилю, или 3 октября – по новому стилю. Бог обещал им, что всякий, кто будет почитать их память, войдет в Царство Небесное.)

(Примечание. Ниже приводятся уставные указания для моления нескольких человек вместе. Старший мужчина из них, или лицо, благословленное священником на ведение службы, называется в тексте Старшим. Псаломщик – человек, читающий молитвы. Певцы – те, которые поют. **При молитве в одиночку все читает (поет) сам молящийся.** Текст, набранный **жирным шрифтом**, поется или читается вслух. Текст, набранный обычным шрифтом, вслух не читается. Где написано «поклон», нужно сотворить крестное знамение и поклониться до пояса; если написано «поклон до земли» — крестное знамение и поклон до земли. Где написано «Слава», нужно читать: **Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху**. Где написано «И ныне», нужно читать: **И ны́не, и при́сно, и во́ веки веко́м, ами́нь**.)

Собравшись в моленную или в дом на молебен, творим вместе приходные поклоны следующим образом:

Старший возглашает, начиная моление: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, поми́луй на́с!**

Все отвечают: **Ами́нь.**

Старший: **Бо́же, ми́лостив бу́ди мне́ гре́шному (поклон).Созда́выи мя́ Го́споди, и поми́луй мя́**(поклон).

Без числа́ согреши́х, Го́споди поми́луй и прости́ мя́ гре́шнаго (поклон).

Досто́йно е́сть я́ко вои́стину блажи́ти Тя́, Богоро́дице: при́сно Блаже́нную, и Пренепоро́чную, и Ма́терь Бо́га на́шего. Честне́йшую Херуви́м, и Сла́внейшую вои́стину Серафи́м, без истле́ния Бо́га Сло́ва Ро́ждьшую, Су́щую Богоро́дицу Тя́ велича́ем (поклон до земли).

Слава (поклон). И ныне (поклон). **Го́споди поми́луй** (дважды), **Го́споди благослови́**(поклон).

Отпуст: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, моли́тв ра́ди Пречи́стыя Ти́ Ма́тере, си́лою Честна́го и Животворя́щаго Креста́, и святы́х А́нгел, Храни́тель на́ших, и все́х святы́х, поми́луй и спаси́ на́с, я́ко Бла́г и Человеколю́бец.** (Поклон без крестного зна́мения до земли).

Все: **Ами́нь.**

(***Примечание.*** В будние дни, если нет праздника, все эти поклоны делаются до земли; в воскресные и субботние дни (а также в праздники с полиелеосом или великим славословием) все поклоны поясные, кроме поклонов по «Достойно есть» и на отпусте.Таков же порядок и на исходных поклонах в конце моления.)

И по сем начале (приходных поклонах) Старший благословляется начать службу, то есть творит один, без остальных молящихся, три поклона с молитвою втай (мысленно): «**Бо́же, очи́сти мя гре́шнаго и поми́луй мя́**(поклон). **Созда́выи мя́ Го́споди, и поми́луй мя́**(поклон). **Без числа́ согреши́х, Го́споди прости́ мя́ (поклон),**» – и лаго́лет:

За моли́тв святы́х оте́ц на́ших, Го́споди Ису́се Хри́сте, Сы́не Бо́жии, поми́луй нас. (Старший творит поклон в пояс, остальные же не творят).

Псаломщик глаголет кротким и равным гласом с тихостию, и со всяким вниманием и со страхом Божиим во услышание всем: **Ами́нь.**

Святы́и Бо́же, Святы́и Кре́пкии, Святы́и Безсме́ртныи, поми́луй нас (трижды, и поклоны три, с Крестным знамением).

Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, и ны́не и при́сно и во́ веки веко́м, ами́нь.

Пресвята́я Тро́ице, поми́луй нас. Го́споди, очи́сти грехи́ на́шя. Влады́ко, прости́ беззако́ния на́шя. Святы́и, посети́ и исцели́ не́мощи на́шя, Имене Твоего́ ра́ди.

Го́споди поми́луй (трижды).**Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, ны́не и при́сно и во́ веки веко́м, ами́нь.**

Отче на́ш, Иже еси́ на́Небесех, да святи́тся Имя Твое́, да прии́дет Царе́ствие Твое́, да бу́дет во́ля Твоя́, я́ко на́Небеси и на земли́, хле́б на́ш насу́щныи да́ждь На́м дне́сь, и оста́ви на́м до́лги на́шя, я́ко же и мы́ оставля́ем должнико́м на́шим, и не введи́ на́с во искуше́ние, но изба́ви на́с от лука́ваго.

Старший: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, поми́луй на́с.** (Старший творит поклон в пояс, остальные же не творят).

Псаломщик: **Ами́нь. Го́споди поми́луй** (12 раз). **Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, ны́не и при́сно и во́ веки веко́м, ами́нь.**

Прииди́те, поклони́мся Царе́ви на́шему Бо́гу (поклон).

Прииди́те, поклони́мся Христу́, Царе́ви и Бо́гу на́шему (поклон).

Прииди́те, поклони́мся и припаде́м к Самому́ Го́споду Ису́су Христу́, Царе́ви и Бо́гу на́шему (поклон).

(Псалом 142)

Го́споди, услы́ши моли́тву мою́, внуши́ моле́ние мое́ во и́стине Твое́й, услы́ши мя́ в пра́вде Твое́й. И не вни́ди в су́д с рабо́м Твои́м, я́ко не оправди́тся пред Тобо́ю вся́к живы́и. Яко погна́ вра́г ду́шу мою́, и смири́л е́сть в земли́ живо́т мо́й. Посади́л мя́ е́сть в те́мных, я́ко ме́ртвыя ве́ку, и уны́ во мне́ ду́х мо́й, во мне́ смути́ся се́рдце мое́. Помяну́х дни́ дре́вния, поучи́хся во все́х де́лех Твои́х, и в де́лех Ру́ку Твое́ю поуча́хся. Возде́х к Тебе́ ру́це мои́, душа́ моя́, я́ко земля́ безво́дная Тебе́. Ско́ро услы́ши мя́ Го́споди, исчезе́ ду́х мо́й. Не отврати́ лица́ Твоего́ от мене́, и уподо́блюся низходя́щым в ро́в. Слы́шану сотвори́ мне́ зау́тра ми́лость Твою́, я́ко на Тя́ упова́х. Скажи́ мне́ Го́споди пу́ть, во́ньже пойду́, я́ко к Тебе́ взя́х ду́шу мою́. Изми́ мя́ от вра́г мои́х Го́споди, к Тебе́ прибего́х. Научи́ мя твори́ти во́лю Твою́, я́ко Ты́ еси́ Бо́г мо́й. Ду́х Тво́й Благи́и наста́вит мя́ на́ землю пра́ву. Имене Твоего́ ра́ди, Го́споди живи́ши мя́, пра́вдою Твое́ю изведе́ши от печа́ли ду́шу мою́. И ми́лостию Твое́ю потреби́ши враги́ моя́, и погуби́ши вся стужа́ющия души́ мое́й, я́ко а́з ра́б Тво́й е́смь.

Сла́ва Отцу́ и Сы́ну, и Свято́му Ду́ху, и ны́не, и при́сно, и во́ веки веко́м, ами́нь. Аллилу́ия, Аллилу́ия, сла́ва Тебе́ Бо́же (трижды, с поклонами).

Певцы: **Го́споди поми́луй** (12 раз). **Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, и ны́не, и при́сно, и во́ веки веко́м, ами́нь.**

Старший: **Бо́г Госпо́дь и яви́ся на́м, благослове́н Гряды́и во́ имя Госпо́дне.**

Певцы поют: **Бо́г Госпо́дь и яви́ся на́м, благослове́н Гряды́и во́ имя Госпо́дне.**

Старший: **Испове́дайтеся Го́сподеви я́ко Бла́г, я́ко в ве́к ми́лость Его́.**

Певцы поют: **Бо́г Госпо́дь и яви́ся на́м, благослове́н Гряды́и во́ имя Госпо́дне.**

Старший: **Обыше́дше обыдо́ша мя́ и и́менем Госпо́дним противля́хся и́м.**

Певцы поют: **Бо́г Госпо́дь и яви́ся на́м, благослове́н Гряды́и во́ имя Госпо́дне.**

Старший: **Не умру́, но жи́в бу́ду и пове́м де́ла Госпо́дня.**

Певцы поют: **Бо́г Госпо́дь и яви́ся на́м, благослове́н Гряды́и во́ имя Госпо́дне.**

Старший: **Ка́мень, Его́ же небрего́ша зи́ждущеи, Се́й бы́сть во главу́ у́глу, о́т Господа бы́сть Се́й, и е́сть ди́вна во о́чию на́шею.**

Певцы поют: **Бо́г Госпо́дь и яви́ся на́м, благослове́н Гряды́и во́имя Госпо́дне.**

Псаломщик чтет тропарь, глас 4: **Му́ченицы Твои́ Го́споди, во страда́ниих свои́х венцы́ прия́ша нетле́нныя, от Тебе́ Бо́га на́шего. Иму́ще бо кре́пость Твою́ непобеди́мую, мучи́теля низложи́ша, разруши́ша и бесо́м некре́пкую си́лу. Те́х моли́твами, Христе́ Бо́же, спаси́ душя́ нашя́.** (Дважды).

Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, и ны́не и при́сно и во́ веки веко́м, ами́нь.

(Богородичен.) **Еже о́т века утае́нное, и А́нгелом несве́домое та́иньство: Тобо́ю Бого́родице земны́м яви́ся Бо́г, в неразме́сне сня́тии воплоща́емь[1]. И Кре́ст во́лею на́с ра́ди восприе́м, и́м же воскреси́ Первозда́ннаго, и спасе́ от сме́рти душя́ на́шя.**

(Псалом 50.)

Поми́луй мя́ Бо́же, по вели́цей ми́лости Твое́й, и по мно́жеству щедро́т Твои́х, очи́сти беззако́ние мое́. Наипа́че омы́й мя́ от беззако́ния моего́, и от греха́ моего́ очи́сти мя́. Яко беззако́ние мое́ а́з зна́ю, и гре́х

[1] «Воплощаемый», то есть принимающий на Себя человеческое естество, «в неслитном соединении»: соединились Божество и человеческое существо, но ни Божество непревратилось в человечество, ни человеческое естество не превратилось в Божество.

мо́й предо мно́ю е́сть вы́ну[2] . Тебе́ Еди́ному согреши́х, и лука́вое пред Тобо́ю сотвори́х. Яко да оправди́шися в словесе́х Свои́х, и победи́ши внегда́ суди́ти. Се́бо в беззако́ниих зача́т е́смь, и во гресе́х роди́мя ма́ти моя́. Се бои́стину возлюби́л еси́, безве́стная и та́йная прему́дрости Твоея́ яви́л ми еси́. Окропи́ши мя́ иссо́пом — и очи́щуся, омы́еши мя́ — и па́че сне́га убелю́ся. Слу́ху моему́ да́си ра́дость и весе́лие, возра́дуются ко́сти смире́нныя. Отврати́ лице́ Твое́ от гре́х мои́х, и вся́ беззако́ния моя́ очи́сти. Се́рдце чи́сто сози́жди во мне́ Бо́же, и Ду́х пра́в обнови́ во утро́бе мое́й. Не отве́рзи мене́ от лица́ Твоего́, и Ду́ха Твоего́ Свята́го не отыми́ от мене́. Возда́ждь ми ра́дость спасе́ния Твоего́, и Ду́хом Влады́чным утверди́ мя. Научу́ беззако́нныя путе́м Твои́м, и нечести́вии к Тебе́ обратя́тся. Изба́ви мя́ от крови́й Бо́же, Бо́же спасе́ния моего́; возра́дуется язы́к мо́й пра́вде Твое́й. Го́споди, устне́ мои́ отве́рзеши, и уста́ моя́ возвестя́т хвалу́ Твою́. Яко а́ще бы восхоте́л же́ртвы, да́л бы́х у́бо: всесожже́ния не благоволи́ши. Же́ртва Бо́гу ду́х сокруше́н: се́рдце сокруше́но и смире́но Бо́г не уничижи́т. Ублажи́, Го́споди, благоволе́нием Твои́м Сио́на, и да сози́ждутся сте́ны Иеросали́мския. Тогда́ благоволи́ши жертву пра́вды, возноше́ние и всесожега́емая. Тогда́ возложа́т на олта́рь Тво́й тельця́.

Старший: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, поми́луй на́с!** (Старщий делает поклон в пояс, остальные – нет.)

Певцы поют: **Ами́нь.**

(Канон, глас 4, имея акростих сице: Благостояния тезоименитому[3] похваление. Песнь 1,ирмо́с). **Мо́ря Чермна́го пучи́ну немо́крыми стопа́ми дре́вле ше́ствова Изра́иль, крестообра́зно Моисе́овыма рука́ма Амали́кову си́лу в пусты́ни победи́л е́сть.**

Псаломщик. Запев: **Святи́и великому́ченицы, моли́те Бо́га о на́с!** (Поклон.) **Сло́вом страсте́й мои́х игра́ние, моли́твами си́ покори́в, му́ченичe Христо́в, благохвали́ти сотвори́, свяще́нное торжество́ твои́х по́двиг преблаже́нне.**

Запев: **Святи́и великому́ченицы, моли́те Бо́га о на́с![4] Зва́ние твое́ не от челове́к бы́сть всеизбра́нне, но́ с Небесе́; я́ко Па́вла[5] дре́вле Христо́с тя́ призва́, я́вль ти Ся еле́нем, от ядови́тых[6] избавля́я тя.**

Слава. **Прему́дрости Вы́шния, испо́лнь бы́в му́ченичe, вме́сто тле́ннаго бога́тьства, и пи́щи, Небе́сное наслажде́ние, всегове́йно избра́л еси́, со все́м до́мом венчава́емь.**

И ныне.(Богородичен.) **Обре́т Тя́ Чи́стая честне́йшю всея́ тва́ри, все́х Зижди́тель и Бо́г, воплоти́тися благоизво́ли из Тебе́ Де́во, Челове́к вообрази́тися про́мыслом.**

Старший поет катавасию: **Изба́вите от бе́д рабы́ своя́, святи́и великому́ченицы, я́ко вси́ по́ Бозе к ва́м прибега́ем, вы́ бо мо́лите о на́с Христа́ Бо́га на́шего!** (Поклон).

[2] Всегда – слав.
[3] Евстафий означает «благостоящий», или «твердо стоящий», греч.
[4] Далее везде, где написано «Запев», читаем запев «Святии великомученицы, молите Бога о нас!»
[5] Савл, названный позже Павлом, гонитель христиан, был обращен ко Христу сильным светом, воссиявшим с неба, и Гласом Небесным: «Савл, Савл, зачем ты Меня гонишь?» — см. Деян. 9:1-19.
[6] В древних греческих толкованиях Св.Писания говорится, что олень прогоняет ядовитых змей дыханием ноздрей своих и даже пожирает их, а потом идет к источнику чистой воды и пьет, заливая змей в своей утробе.

Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

(Песнь третия, ирмо́с.) Певцы поют: **Весели́тся о Тебе́ Це́ркви Твоя́ Христе́ зову́щи: Ты́ ми Кре́пость Го́споди, и Прибе́жище и Утверже́ние.**

Псаломщик: **Запев.Терпя́ше напа́сти и треволне́ния кре́пко[7] сла́вне, му́ниче Христо́в Евста́фие, ча́д же и жены́ лиша́емь.**

Запев. **Спасе́на бы́ша Бо́гомь, звери́на восхище́ния, ча́да твоя́ страстоте́рпче Христо́в Евста́фие, и зве́ри разу́мныя победи́ша[8].**

Слава. **Житие́ преходя́ я́ко реку́, искуше́ния сла́вне, твоея́ души́ сохрани́л еси́ Богови́дное[9] непоколеби́мо[10].**

И ныне.(Богородичен.) **Чистоты́ пречи́стое, и Де́вьства честно́е Селе́ние, прииде́те ве́рнии воспое́м ра́дованными пе́сньми.**

Старший поет катавасию (писана по 1-й песни); поклон. Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

Псаломщик чтет седален (глас 8, подобен, Премудрости): **На живо́тнем[11] узре́ о́браз Креста́, и на Не́м о́браз Ису́сов, ни́зу же па́д, удиви́ся Виде́нию; и со все́м до́мом прии́де ко Крещ́ению; и обнища́в, вторы́и Иов[12] яви́ся. Те́мже супру́жницы лише́н, и сыно́в, вопия́ше: Госпо́дь да́л е́сть и взя́т[13], – во́ем нача́льниче[14] Евста́фие, моли́ Христа́ Бо́га грехо́в оставле́ние дарова́ти, чту́щым любо́вию святу́ю па́мять твою́.**

Слава. И ныне. (Богородичен). **В напа́сти мнгоплете́нныя впа́д, от вра́г ви́димых и неви́димых, бу́рею одержи́мь безчи́сленных согреше́ний мои́х; и я́ко к те́плому заступле́нию и покро́ву Твоему́ Чи́стая, ко приста́нищу притека́ю Твоея́ бла́гости. Те́м же Пречи́стая, И́же из Тебе́ Воплоще́нному без се́мене, моли́ся приле́жно о все́х рабе́х Свои́х, непреста́нно моля́щися Богоро́дице Пречи́стая, моля́щи Его́ при́сно: согреше́нием оставле́ние дарова́ти, воспева́ющым досто́йно сла́ву Твою́.**

(Песнь четвертая, ирмо́с.) Певцы поют: **Воздви́жена Тя́ ви́девши Це́ркви на Кресте́, Со́лнца пра́веднаго, ста́ в чину́ свое́м, досто́йно взыва́ющи: сла́ва Си́ле Твое́й, Го́споди.**

Псаломщик: Запев. **Боже́ственою Дла́нию сохра́ньшися мучи́тельства вра́жия, пребы́сть целому́дренная иму́щи све́рьстница[15] твоя́, взыва́ющи: сла́ва Си́ле Твое́й, Го́споди!**

Запев. **Напа́ствован и разли́чно искуше́н бы́в, му́ниче Христо́в Евста́фие, и к свиде́тельства[16] те́кл еси́ по́прищу, вопия́ Влады́це своему́: сла́ва Си́ле Твое́й Го́споди!**

Слава. **Направля́емь повеле́нием Влады́чним, муче́ния кровьми́**

[7] Здесь опять художественно обыгрывается имя «Евстафий» — «крепко стоящий».
[8] «Разумных зверей» победили мученики, то есть бесов.
[9] То есть не отступил от Христа, но сохранил свою душу подобной Богу, ибо сказано, что человек сотворен по образу и подобию Божию(Быт.:26-27).
[10] Снова художественно обыгрывается имя «Евстафий» — «крепко стоящий».
[11] Во время охоты св. Евстафий увидел между рогов оленя Крест и образ Христа.
[12] Иов – символ безропотности в страдания и верности Богу, см. книгу Иова в Библии.
[13] «Господь дал, Господь и взял», – эти слова повторял праведный Иов, терпя лишение всего своего богатства и всех своих детей, и не возроптал на Бога.
[14] «Начальник воинам», военачальник.
[15] «Спутница», то есть супруга.
[16] «Свидетельства поприще» значит «путь мученичества», греч.

украша́емь яви́ся приснопа́мятне, согла́сно вопия́ Ему́: сла́ва Си́ле Твое́й Го́споди!

И ныне.(Богородичен.) **Неисусобра́чно родила́ еси́, – О́, Де́во! – и по рожестве́ яви́ся де́вьствующи па́ки; те́м немо́лчными гла́сы, ра́дуися Влады́чице, ве́рою несуме́нною зове́м.**

Старший поет катавасию (писана по 1-й песни); поклон. Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

(Песнь пятая, ирмо́с.) Певцы поют: **Ты́ Го́споди ми́ Све́т, в ми́р прише́л еси́, в све́т святы́и обраща́я из мра́чна неве́дения, ве́рою воспева́ющыя Тя́.**

Псаломщик: Запев. **Ты́ я́ко же Иов[17] яви́ся Евста́фие; ты́ без поро́ка благочести́в, долготерпе́нно житие́ обре́теся препла́вая.**

Запев.(Повторить тот же стих.)

Слава. **Кто́ блаже́нне воспе́ти твоя́ боле́зни возмо́жет Евста́фие, и́хже пострада́л еси́, све́рьстницы[18] му́ниче и дете́й лиша́емь?**

И ныне.(Богородичен.) **О́ Ма́ти Бо́жия! Души́ моея́ озлобле́ние[19] исцели́, Ро́ждьшая Преблаго́е Сло́во, все́х ублажа́ющаго.**

Старший поет катавасию (писана по 1-й песни); поклон. Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

(Песнь шестая, ирмо́с.) Певцы поют: **Пожру́[20] Ти́ со́ гласом хвале́ния Го́споди, Це́ркви вопие́т Ти́, от бесо́вския кро́ви очи́щьшися[21], ми́лостию от ре́бр исте́кшею Ти́ кро́вию.**

Псаломщик: Запев. **Явльшаго ти Ся Христа́ вожделе́л еси́ сла́вне, и совокупи́ся Тому́ любе́зно, я́ко яви́тися муче́нием укра́шен, багряни́цею[22] твои́х крове́й.**

Запев.(Повторить тот же стих.)

Слава. **Потече́ вослед Христо́вых сто́п Боже́ственых[23], и о́бщник яви́ся му́кам Его́, и Царьствию Его́; соверше́нно со все́м до́мом свои́м му́ниче венчава́емь[24].**

И ныне.(Богородичен.) **Глаго́лы Гаврии́ла[25] Де́во Всенепоро́чная, ны́не потре́бовавше[26] вопие́м: ра́дуися Еди́ная Ма́ти Благослове́ная, ра́дуися Две́ри, Пра́ведное Со́лньце иму́щи.**

Старший поет катавасию (писана по1-й песни); поклон.

---

[17] См. сноску 2.
[18] Супруги.
[19] Страдание.
[20] Совершу жертвоприношение.
[21] Церковь языческая, то есть языческие народы, уверовв Христа, очистилась Его Кровью, которой Он её искупил, от прежнего идольского нечестия, от крови, приносившейся бесам под видом идолов.
[22] Багряница – дорогая одежда багряного цвета, отличительный знак римских царей. Этот стих говорит о царственном достоинстве, которое приобрел у Христа мученик своими страданиями за Него.
[23] Ср. в Песни пе́сней (:2-3): «Вослед Тебе, в благоухание Мира Твоего побежим». Кстати, образ Христа под видом «молодого оленя на горах» также описан в Песни песней (Z:7;8:4).
[24] То есть получив от Бога как победитель награду на Небе – «венец» (в древности лавровым венком венчали полководцев, вернувшихся домой с победой).
[25] Архангел Гавриил явился Деве Мариии возвестил Ей нгепорочное зачатие и рождение Сына – Господа Исуса Христа, сказав ей: «Радуйся, Обрадованная (Облагодатствованная, греч.)!» - Лк:28.
[26] «Требовать» по-славянски означает «нуждаться».

Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, без поклонов). **Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, и ны́не и при́сно и во́ веки веко́м!**

Псаломщик: Ами́нь. (Кондак, глас 2, подобен: Вышнихища.) **Стра́сти Христо́ве я́ве уподо́бился еси́, и Того́ испи́в ве́рно ча́шу[27], о́бщник Евста́фие, и сла́ве насле́дник бы́сть, от Самого́ все́х Бо́га прие́мыи Свы́ше Боже́ственное оставле́ние.**

(Икос.) **Пе́ние ми́ да́руй, Бо́же мо́й, воспе́ти и глаго́лати, и по́двиги почита́ти страстоте́рпьца Твоего́ и му́ченика, я́ко да благосочета́нно восхвалю́, до́браго во страда́нии Евста́фия, победи́теля во бране́х ва́рварьских бы́вша всегда́; вели́каго благоче́стием и в ли́це му́ченик восия́вшаго, в ни́х же пое́т непреста́нно Христа́, со мно́жеством А́нгельским пре́мудрыи, прие́мля свы́ше Боже́ственое оставле́ние.**

Старший возглашает: **Проки́мен, псало́м Давы́дов! Святы́м и́же су́ть на земли́ Его́, удиви́ Госпо́дь вся́ во́ля Своя́ в ни́х!**

Певцы поют: **Святы́м и́же су́ть на земли́ Его́, удиви́ Госпо́дь вся́ во́ля Своя́ в ни́х.**

Старший: **Предзре́х Го́спода предо мно́ю вы́ну[28], я́ко одесну́ю[29] мене́ е́сть, да́ся не подви́жу.**

Певцы поют: **Святы́м и́же су́ть на земли́ Его́, удиви́ Госпо́дь вся́ во́ля Своя́ в ни́х.**

Старший: **Святы́м и́же су́ть на земли́ Его́.**

Певцы поют: **Удиви́ Госпо́дь вся́ во́ля Своя́ в ни́х.**

Старший: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, поми́луй на́с!** (Старщий делает поклон в пояс, остальные – нет.)

Певцы поют: **Ами́нь.**

Старший: **Вся́ко дыха́ние да хва́лит Го́спода.**

Певцы поют: **Вся́ко дыха́ние да хва́лит Го́спода.**

Старший: **Хвали́те Бо́га во святы́х Его́, хвали́те Его́ во утвержде́нии си́л Его́.**

Певцы поют: **Вся́ко дыха́ние да хва́лит Го́спода.**

Старший: **Вся́ко дыха́ние.**

Певцы поют: **Да хва́лит Го́спода. Господи помилуй (трижды).**

Старший творит три поклона в пояс с молитвою втай (мысленно): «**Бо́же, очи́сти мя гре́шнаго и поми́луй мя́**» (поклон). **Созда́вы мя́ Го́споди, и**

[27] «Чашей Христовой» в Писании называется страдание до смерти за Христа (Мр. 10:38-39).
[28] «Я всегда видел пред собою Господа» – слав.
[29] Справа – слав.

поми́луй мя́ (поклон). **Без числа́ согреши́х, Го́споди прости́ мя́** (поклон)», – и возглашает: **От Луки́ Свята́го Ева́нгелия чте́ние!**

Певцы поют: **Сла́ва Тебе́ Го́споди!** (Поклон.) Все благоговейно осеняют себя Крестным знамением и, преклонив главы, сложив руки на груди крестообразно, стоят неподвижно и слушают Святое Евангелие, читаемое Старшим:

Рече́ Госпо́дь Свои́м ученико́м: внемли́те от челове́к, возложа́т на вы́ ру́ки своя́, и ижденýт, предаю́ще на со́нмища и темни́цы, ведо́мы к царе́м и влады́кам, Имене Моего́ ра́ди. Прилучи́т же ся ва́м во свиде́тельство; положи́те у́бо на сердца́х ва́ших, не пре́жде поуча́тися отвещава́ти: А́з бо да́м ва́м уста́ и премýдрость, е́йже не возмо́гут проти́витися, или отвеща́ти, вси́ противля́ющеися ва́м. Пре́дани же бу́дете и роди́тели, и бра́тиею, и ро́дом, и умертвя́т от ва́с. И бу́дете ненави́дими от все́х, Имене Моего́ ра́ди. И вла́с главы́ ва́шея не поги́бнет. В терпе́нии ва́шем, стяжи́те душя́ ва́шя!

Певцы поют: **Сла́ва Тебе́ Го́споди!** (Поклон.)

Слава. **Отче и Сло́ве и Ду́ше, Тро́ице Свята́я очи́сти, мно́жество согреше́нии на́ших.**

И ныне. **Моли́тв ра́ди Богоро́дицы, Ми́лостиве очи́сти, мно́жество согреше́нии на́ших.**

Поми́луй на́с Бо́же, по вели́цей ми́лости Твое́й, по мно́гим щедро́там Твои́м, очи́сти беззако́ния моя́, Бо́же Спа́се мо́й.

(Стихера, глас 2.) **Вторы́и Иов Евста́фие житие́м, страстьми́ и венцы́ и по́двиги, во о́браз доброде́телем себе́ на́м предлага́ет. И сто́лп терпе́ния превозше́дыи и́стинно Иова[30] доброде́телию, с супрýжницею и ча́ды, ве́рныи в жити́и, и непоколеби́мыи[31] во искуше́ниих, и во страда́нии победоно́сец. Его́же приведе́м на моли́тву Христý, дарова́ти душа́м на́шим просвеще́ние, и очище́ние прегреше́нием.**

(Песнь седьмая, ирмо́с.) **Певцы поют: В пещи́ Авра́амския си де́ти[32] пе́рсьстей, любо́вию благове́рия па́че, не́жели пла́менем опаля́еми взыва́ху, благослове́н еси́ в це́ркви, сла́вы Твоея́ Го́споди.**

Псаломщик: Запев. **Я́ко в пе́щь разжже́ну, в во́л ме́дян вве́ржени мýчеицы Христо́ви, благода́рьствено взыва́ху: благослове́н еси́ в це́ркви, сла́вы Твоея́ Го́споди[33].**

Запев.(Повторить тот же стих.)

Слава. **Зако́нною любо́вию я́ко совокýплени естество́м, еди́но терпе́ние мýчеицы сла́внии стра́ждуще яви́сте, благослове́н еси́ пою́ще, в це́ркви сла́вы Твоея́ Го́споди.**

И ныне.(Богородичен.) **Превы́шьши Боже́ственых си́л Небе́сных, Еди́на о́т века еси́ вои́стину; Соде́теля бо си́х родила́ еси́ несказа́нно, Пречи́стая Влады́чице.**

[30] См.сноску́ 2.
[31] Через образ «непоколебимого столпа терпения» снова художественно обыгрывается имя «Евстафий» — «крепко стоящий».
[32] Потомки Авраама, три еврейских отрока: Анания, Азария и Миса́ил, – будучи в плену в Вавилоне, не подчинились вавилонскому царю, когда он приказал всем кланяться идолу, и за это были брошены в раскаленную печь; но им явился «подобный Сыну Божию» и прохладил середину печи, так что они не претерпели никакого вреда и прославляли в пламени Господа, так что и царь-мучитель прославил Его за это чудо(Дан.3:20-100).
[33] Святой Евстафий с семьей уподоблен в этом стихе вышеописанным трем отрокам в пещи вавилонской.

Старший поет катавасию (писана по 1-й песни); поклон. Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

(Песнь осьмая, ирмо́с.) Певцы поют: **Ру́це распросте́р Дании́л, льво́в зия́ния в ро́ве[34] затче́; о́гненую же си́лу угаси́ша, доброде́телию поя́савшеся, и́же благоче́стия люби́тели о́троцы взыва́юще, благослови́те вся́ де́ла Госпо́дня Го́спода.**

Псаломщик: Запев. **Красно́ совоку́пльшеся честни́и, Бо́гу приведо́стеся, промышле́нием у́ньшим[35], свои́ми кровьми́ обагри́вше, порфи́ру черто́жную[36]; к Небе́сному Черто́гу те́пле тща́щеся, и вопию́ще, благослови́те вся́ де́ла Госпо́дня Го́спода.**

Запев. (Повторить тот же стих.)

Слава. **Пло́д своего́ чре́ва[37], благоче́стно Бо́гу принесе́ му́ченичe Евста́фие, и све́рстницу[38] ра́дующеся, прио́бщники бо страда́нию, е́же от естества́ Христу́, пою́ще прия́л еси́, благослови́те вся́ де́ла Госпо́дня Го́спода.**

И ныне.(Богородичен.) **Же́зл от ко́рене Иессе́ова Деви́це бы́сть, Цве́т возрасти́вши[39] — Всеси́лнаго Го́спода, на́с благоуха́юща, и воню́ Свою́ все́м подава́юща, вопию́щым, благослови́те вся́ де́ла Госпо́дня Го́спода.**

Старший поет катавасию (писана по 1-й песни); поклон. Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

(Песнь девятая, ирмо́с.) Певцы поют: **Ка́мень Нерукосе́чныя Горы́, от Несеко́мыя Тя́ Деви́цы, Краеуго́льныи отсече́ся Христо́с[40], Иже совокупи́в разстоя́щаяся[41] естества́, те́м веселя́щеся, Тя́ Богоро́дице велича́ем.**

Псаломщик: Запев. (Поклон.) **На земли́ твои́х по́двиг, и напа́стей ра́ди разли́чных, Небе́сное весе́лие с пра́ведными ны́не прия́т; его́же насладі́тися сла́вне, тебе́ пою́щым сподо́би.**

Запев. **В све́те Тро́ицы, с весе́лием весели́шися, и со А́нгельскими чи́нми сра́дуешися Евста́фие; с ни́ми же непреста́нно моли́, все́м спасти́ся пою́щым тя́.**

Слава. **Ве́сь тебе́ приношу́ся, му́ченичe Евста́фие усе́рдно, да обогащу́ся тебе́ – предста́теля ко Влады́це, заступа́ти могу́щаго от вся́каго обстоя́ния, и спасе́ние пою́щым тя́.**

И ныне.(Богородичен.) **Тя́ неискусобра́чно Ро́ждьшую Жизнода́вца и Спа́са, вси́ мо́лим приле́жно, Богоро́дицу Тя́ испове́дающе, изба́витися вся́кия ско́рби Твои́ми моли́твами Богома́ти.**

[34] Пророк Даниил не послушался приказа вавилонского царя, запрещавшщего молиться Богу, и за это был брошен в ров с голодными львами, но молился Богу, и звери не причинили ему никакого вреда (Дан.4:3-42); подобный эпизод есть и в житии св.вмч.Евстафия: когда его с женой и детьми бросили на арену цирка к голодным львам, звери их не тронули.
[35] Лучшим.
[36] Использовано выражение из евангельской притчи о званых на Царский пир (то есть в Царство Небесное) и об одном из них, не облекшемся «в брачную одежду» (добрые дела) и за это связанном по рукам и ногам и брошенном «во тьму внешнюю» (Мф.22:2-4).
[37] Детей своих.
[38] Супругу.
[39] Иессей – отец царя и пророка Давыда; Богородица происходила из его рода, «корня». А жезлом (посохом), принесшим Цвет – Христа – Она называется потому, что как сухой посох не мог бы без Божиего чудотворения зацвести, так и Дева не могла бы родить без мужа, но только по действию Божиего Духа стала она Матерью. Этот образ взят из книги Числ (7:-0): посох Аарона расцвел и дал плоды.
[40] Камень есть Христос, а Гора – Богородица; «без рук человеческих» отсекся Камень – то есть без мужа родился плотию Господь. Этот Камень сокрушил все земные царства, а сам воцарился во́ веки (см.Дан.2:34-45).
[41] То есть соединил два противоположных естества – Божество и человечество – в Одном Лице господа нашего Исуса Христа, Единаго Бога и Человека.

Старший поет катавасию (писана по 1-й песни); поклон. Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (трижды, с поклонами).

Посем певцы поют задостойник на глас 8: **Влады́чице, приими́ моли́тву ра́б Свои́х, и изба́ви на́с от вся́кия ну́жды и печа́ли. Ты́ еси́ Богоро́дице, Ору́жие на́ше и Стена́, Ты́ еси́ Засту́пнице, и к Тебе́ прибега́ем, Тя́ и ны́не на моли́тву призыва́ем, да изба́виши ны́ от вра́г на́ших. Возвели́чим Тя́ вси́ Пренепоро́чную Ма́терь Христа́ Бо́га на́шего, Юже осени́ Ду́х Пресвяты́и** (поклон до земли). (Сей задостойник поется всегда, кроме великих (двунадесятых) праздников Христовых и Богородичных, ибо тогда, вместо сего задостойника, поется ирмос девятой песни праздничнаго канона – от дня праздника и до отдания его.)

Псаломщик: **Святы́и Бо́же, Святы́и Кре́пкии, Святы́и Безсме́ртныи, поми́луй нас** (трижды, и поклоны три, с Крестным знамением).

Слава. И ныне. **Пресвята́я Тро́ице, поми́луй нас. Го́споди, очи́сти грехи́ на́шя. Влады́ко, прости́ беззако́ния на́шя. Святы́и, посети́ и исцели́ не́мощи на́шя, Имене Твоего́ ра́ди.**

Го́споди поми́луй (трижды).Слава. И ныне.

О́тче на́ш, Иже еси́ на́ Небесех, да святи́тся Имя Твое́, да прии́дет Царе́ствие Твое́, да бу́дет во́ля Твоя́, я́ко на́ Небеси и на земли́, хле́б на́ш насу́щныи да́ждь На́м дне́сь, и оста́ви на́м до́лги на́шя, я́ко же и мы́ оставля́ем должнико́м на́шим, и не введи́ на́с во искуше́ние, но изба́ви на́с от лука́ваго.

Старшии: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, поми́луй на́с.** (Старшии творит поклон в пояс, остальные же не творят).

Псаломщик: **Ами́нь.** И чтет тропарь, глас 4: **Му́ченицы Твои́ Го́споди, во страда́ниих свои́х венцы́ прия́ша нетле́нныя, от Тебе́ Бо́га на́шего. Иму́ще бо кре́пость Твою́ непобеди́мую, мучи́теля низложи́ша, разруши́ша и бесо́м некре́пкую си́лу. Те́х моли́твами, Христе́ Бо́же, спаси́ душя́ нашя́.**

Слава. (Кондак, глас 2, подобен: Вышних ища.) **Стра́сти Христо́ве я́ве уподо́бился еси́, и Того́ испи́в ве́рно ча́шу, о́бщник Евста́фие, и сла́ве насле́дник бы́сть, от Самого́ все́х Бо́га прие́мыи Свы́ше Боже́ственное оставле́ние.**

И ны́не и при́сно и во́ веки веко́м, ами́нь.(Богородичен.) **Еже о́т века утае́нное, и А́нгелом несве́домое та́иньство: Тобо́ю Бого́родице земны́м яви́ся Бо́г, в неразме́сне сня́тии воплоща́емь[42]. И Кре́ст во́лею на́с ра́ди восприе́м, и́м же воскреси́ Первозда́ннаго, и спасе́ от сме́рти душя́ на́шя.**

Певцы поют: **Го́споди поми́луй** (40 раз, с тремя поклонами в начале). **Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху, и ны́не, и при́сно, и во́ веки веко́м, ами́нь.**

Честне́йшую херуви́м и сла́внейшую вои́стину серафи́м, без истле́ния Бо́га Сло́ва ро́ждьшую, су́щую Богоро́дицу Тя́ велича́ем (поклон). Слава (поклон). И ныне (поклон). **Го́споди поми́луй** (дважды), **Го́споди благослови́**(поклон).

Старший говорит отпу́ст: Г**о́споди Ису́се Христе́ Сы́не Бо́жии, моли́тв**

[42] См. сноску 1.

ра́ди Пречи́стыя Ти́ Ма́тере, и святы́х великому́ченик Евста́фия Плаки́ды, и супруги его Феописти́и, и чад их Ага́пия и Феопи́ста, и все́х святы́х, поми́луй и спаси́ нас, я́ко Бла́г и Человеколю́бец.

Певцы поют: **Ами́нь. Го́споди поми́луй** (трижды).

И творим обычные исходные поклоны:

Старший глаголет: **Бо́же, ми́лостив бу́ди мне́ гре́шному** (поклон). **Созда́выи мя́ Го́споди, и поми́луй мя́** (поклон). **Без числа́ согреши́х, Го́споди поми́луй и прости́ мя́ гре́шнаго** (поклон).

Досто́йно е́сть я́ко вои́стину блажи́ти Тя́, Богоро́дице: при́сно Блаже́нную, и Пренепоро́чную, и Ма́терь Бо́га на́шего. Честне́йшую Херуви́м, и Сла́внейшую вои́стину Серафи́м, без истле́ния Бо́га Сло́ва Ро́ждьшую, Су́щую Богоро́дицу Тя́ велича́ем (поклон до земли).

Слава (поклон). И ныне (поклон). **Го́споди поми́луй** (дважды), **Го́споди благослови́** (поклон).

Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, моли́тв ра́ди Пречи́стыя Ти́ Ма́тере, си́лою Честна́го и Животворя́щаго Креста́, и святы́х А́нгел, Храни́тель на́ших, и все́х святы́х, поми́луй и спаси́ на́с, я́ко Бла́г и Человеколю́бец. (Поклон без крестного зна́мения до земли.)

Все: **Аминь.**

Старший: **Бо́же, ми́лостив бу́ди мне́ гре́шному** (поклон). **Созда́выи мя́ Го́споди, и поми́луй мя́** (поклон). **Без числа́ согреши́х, Го́споди поми́луй и прости́ мя́ гре́шнаго** (поклон).

Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, поми́луй на́с!

Все: **Аминь.**

Старший поздравляет всех с совершением молебна. И творим расход.

Преподобный авва Дорофей

Поучение о том, чтобы не судить ближнего

Если бы мы помнили, братия, слова святых старцев, если бы мы всегда поучались в них, то мы не предавались бы так легко беспечности о себе: ибо если бы мы, как они сказали, не нерадели о малом и о том, что нам кажется ничтожным, то не впадали бы в великое и тяжкое.

Я всегда говорю вам, что от сих незначительных грехов, оттого, что говорим: «Какая важность в том или в другом?» – образуется в душе злой навык, и человек начинает нерадеть и о великом. Знаете ли, какой тяжкий грех осуждать ближнего? Ибо что тяжелее сего? Что столько ненавидит Бог? От чего столько отвращается? Как и отцы сказали, что нет ничего хуже осуждения. Однако и в такое великое зло человек приходит от сего же нерадения о ничтожном по-видимому. Ибо от того, что человек дозволил себе малое зазрение ближнего, от того, что говорит: "Что за важность, если послушаю, что говорит сей брат? Что за важность, если и я скажу одно вот такое-то слово? Что за важность, если я посмотрю, что будет делать сей брат или тот странник?" - от сего самого ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. И от сего потом происходит, что мы осуждаем, злословим, уничижаем ближних и наконец впадаем и в то самое, что осуждаем. Ибо от того, что человек не заботится о своих грехах и «не оплакивает, - как сказали отцы, - своего мертвеца», не может он преуспеть ни в чём добром, но всегда обращает внимание на дело ближнего. А ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека и не приводит в оставление от Бога, как злословие или осуждение, или уничижение ближнего.

Иное же дело злословить или порицать, иное осуждать, и иное уничижать. Порицать – значит сказать о ком-нибудь: такой-то солгал, или разгне-

вался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. Вот такой злословил брата, то есть сказал пристрастно о его согрешении. А осуждать – значит сказать: такой-то лгун, гневлив, блудник. Вот сей осудил самое расположение души его, произнёс приговор о всей его жизни, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такого, – а это тяжкий грех. Ибо иное сказать: «Он разгневался», – и иное сказать: «Он гневлив», – и, как я сказал, произнести таким образом приговор о всей его жизни. А грех осуждения столько тяжелее всякого другого греха, что Сам Христос сказал: *лицемере! вынь вначале бревно из глаза твоего, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Лк. 6: 42)*, и грех ближнего уподобил сучку, а осуждение – бревну. Так-то тяжело осуждение, превосходящее всякий грех.

И фарисей оный, молясь и благодаря Бога за свои добродетели, не солгал, но говорил истину, и не за то был осуждён; ибо мы должны благодарить Бога, когда сподобились сделать что-либо доброе, потому что Он помог и содействовал нам в этом. За сие фарисей не был осуждён, как я сказал, что он благодарил Бога, исчисляя свои добродетели, и не за то он был осуждён, что сказал: *я не таков, как прочие человеки,* – но когда он обратился к мытарю и сказал: *или как этот мытарь,* – тогда он подвергся осуждению, ибо он осудил самое лицо, самое расположение души его и, кратко сказать, всю жизнь его. Посему мытарь и вышел *оправдан... более того (Лк. 18: 11)*.

Нет ничего тяжелее, как я много раз говорил, нет ничего хуже осуждения, презрения или уничижения ближнего. Почему мы не осуждаем лучше самих себя и наши грехи, которые мы достоверно знаем и за которые должны будем дать ответ пред Богом? Зачем восхищаем себе суд Божий? Чего хотим от Его создания? Не должны ли мы трепетать, слыша, что случилось с великим оным старцем, который, узнав о некоем брате, что он впал в блуд, сказал: «О, худо он сделал!» Или вы не знаете, какое ужасное событие повествуется о нём в Отечнике? Святой Ангел принес к нему душу согрешившего и сказал ему: «Посмотри, тот, кого ты осудил, умер; куда же повелишь ты поместить его, в царство или муку?» Есть ли что страшнее сей тяготы? Ибо что иное значат слова Ангела к старцу, как не сие: «Поскольку ты судия праведных и грешных, то скажи, что повелишь о смиренной душе сей? помилуешь ли ты её, или предашь мучению?» Святой старец, поражённый этим, все остальное время жизни своей провёл в стенаниях, слезах и в безмерных трудах, молясь Богу, чтобы Он простил ему тот грех, – и всё это уже после того, как он, пав на лице свое к ногам святого Ангела, получил прощение. Ибо сказанное Ангелом: «Вот Бог показал тебе, какой тяжкий грех осуждение, чтобы ты более не впал в него», – уже означало прощение; однако душа старца до самой смерти его не хотела более утешиться и оставить свой плач.

Итак, чего хотим и мы от нашего ближнего? Чего хотим от чужой тяготы? Есть у нас о чём заботиться, братия! Каждый да внимает себе и своим грехам. Одному Богу принадлежит власть оправдывать и осуждать, поскольку Он знает и душевное устроение каждого и силу, и образ воспитания, и дарования, и телосложение и способности; и сообразно с этим судит каждого, как Он Сам Един знает. Ибо иначе судит Бог дела епископа и иначе правителя мирского, иначе судит дела игумена и иначе ученика, иначе старого и иначе юного, иначе больного и иначе здорового. И кто может знать все суды сии? Только Один Сотворивший всех, всё создавший и всё ве́дущий.

Помню, я слышал, что некогда было такое происшествие. В некоторый город пришел корабль с невольниками, а в городе том жила одна святая дева, весьма внимавшая себе. Она, услышав, что пришел тот корабль, очень обрадовалась, ибо желала купить себе маленькую девочку, и думала: возьму и воспитаю её, как хочу, чтобы она вовсе не знала пороков мира сего. Она послала за хозяином корабля того и, призвав его к себе, узнала, что у него есть две маленькие девочки, именно такие, каких она желала, и тотчас с радостью отдала она цену за одну из них и взяла её к себе. Когда же хозяин корабля удалился из того места, где пребывала эта святая, и едва отошёл немного, встретила его одна блудница, совершенно развратная, и, увидев с ним другую девочку, захотела взять её; условившись с ним, отдала цену, взяла девочку и ушла с ней. Видите ли тайну Божию? Видите ли суд Божий? Кто может объяснить это? Итак, святая дева взяла ту малютку, воспитала её в страхе Божием, наставляя её на всякое благое дело, обучая её иноческому житию и, кратко сказать, во всяком благоухании святых заповедей Божиих. Блудница же, взявши ту несчастную, сделала её орудием диавола. Ибо чему могла эта зараза научить её, как не погублению души своей? Итак, что мы можем сказать о страшной сей судьбе? Обе были малы, обе проданы, не зная сами, куда идут, и одна оказалась в руках Божиих, а другая впала в руки диавола. Можно ли сказать, что Бог равно взыщет как с одной, так и с другой? Как это возможно! Если обе впадут в блуд или в иной грех, можно ли сказать, что обе они подвергнутся одному суду, хотя и обе впали в одно и то же согрешение? Возможно ли это? Одна знала о суде, о царстве Божием, день и ночь поучалась в словах Божиих; другая же, несчастная, никогда не видала и не слышала ничего доброго, но всегда, напротив, всё скверное, всё диавольское: как же возможно, чтобы обе были судимы одним судом?

Итак, никакой человек не может знать судеб Божиих, но Он един ведает всё и может судить согрешение каждого, как Ему единому известно. Действительно случается, что брат погрешает по простоте, но имеет одно доброе дело, которое угодно Богу более всей жизни: а ты судишь и осуждаешь его, и отягощаешь душу свою. Если же и случилось ему споткнуться, откуда ты знаешь, сколько он подвизался и сколько пролил крови своей прежде согрешения; теперь согрешение его является пред Богом, как бы дело правды? Ибо Бог видит труд его и скорбь, которые он, как я сказал, понёс прежде согрешения, и милует его. А ты знаешь только это согрешение, и тогда как Бог милует его, ты осуждаешь его и губишь душу свою. Откуда ты знаешь, сколько слёз он пролил о сём пред Богом? Ты видел грех, а покаяния его не видел.

Иногда же мы не только осуждаем, но и уничижаем ближнего, ибо иное, как я сказал, осуждать, и иное – уничижать. Уничижение есть то, когда человек не только осуждает другого, но презирает его, то есть гнушается ближним и отвращается от него, как от какой-то мерзости: это хуже осуждения и гораздо пагубнее. Хотящие же спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат его согрешил, вздохнул и сказал: «Горе мне! Как он согрешил сегодня, так согрешу и я завтра». Видишь ли твердость? Видишь ли настроение души? Как он тотчас нашел средство избегнуть осуждения брата своего! Ибо сказав: «так и я завтра», – он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить, и так избежал осуждения ближнего. Притом не удовлетворился этим, но и себя повергнул под ноги его, сказав: «и он

(по крайней мере) покается о грехе своём, а я не покаюсь, как должно, не достигну покаяния, не в силах буду покаяться». Видишь просвещение Божественной души? Он не только успел избежать осуждения ближнего, но и себя самого повергнул под ноги его. Мы же, окаянные, без разбора осуждаем, гнушаемся, уничижаем, если что-либо видим, или услышим, или только подозреваем; и что ещё хуже, мы не останавливаемся на своем собственном вреде, но, встречая и другого брата, тотчас говорим ему: то и то случилось, и вредим ему, внося в сердце его грех.

И не боимся мы Сказавшего: *Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей (Авв. 2: 15)*, но совершаем бесовское дело и нерадим о сем. Ибо что иное делать бесу, как не смущать и не вредить? А мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего: ибо кто вредит душе, тот содействует и помогает демонам, а кто приносит ей пользу, тот помогает святым Ангелам. Отчего же мы впадаем в сие, как не оттого, что нет в нас любви? Ибо если бы мы имели любовь, то с соболезнованием и состраданием смотрели бы на недостатки ближнего, как сказано: *Любовь покрывает множество грехов (1 Петр. 4: 8). Любовь не мыслит зла, всё покрывает и пр. (1 Кор. 13: 5-7).*

Итак, если бы, как я сказал, мы имели любовь, то сия любовь покрыла бы всякое согрешение, как и святые делают, видя недостатки человеческие. Ибо разве святые слепы и не видят согрешений? Да и кто столько ненавидит грех, как святые? Однако они не ненавидят согрешающего и не осуждают его, не отвращаются от него, но сострадают ему, скорбят о нём, вразумляют, утешают, врачуют его, как больной член, и делают всё для того, чтобы спасти его.

Как рыбаки, когда закинут уду в море и, поймав большую рыбу, чувствуют, что она мечется и бьётся, то не вдруг сильно влекут её, ибо иначе прервётся вервь и они совсем потеряют рыбу, но пускают вервь свободно и послабляют ей идти, как хочет; когда же увидят, что рыба утомилась и перестала биться, тогда мало-помалу притягивают её; так и святые долготерпением и любовию привлекают брата, а не отвращаются от него и не гнушаются им. Как мать, имеющая безобразного сына, не только не гнушается им и не отвращается от него, но и украшает его с любовию, и всё, что ни делает, делает для его утешения; так и святые всегда покрывают, украшают, помогают, чтобы и согрешающего со временем исправить, и никто другой не получил от него вреда, и им самим более преуспеть в любви Христовой.

Что сделал святой Аммон, как однажды братия пришли к нему в смущении и сказали ему: «Пойди и посмотри, отче, у такого-то брата в келье женщина»? Какое милосердие показала, какую любовь имела святая оная душа! Поняв, что брат скрыл женщину под кадкою, он пошёл и сел на онеё и велел им искать по всей келье. Когда же они ничего не нашли, он сказал им: «Бог да простит вас». И так он постыдил их, утвердил и оказал им великую пользу, научив их не легко верить обвинению на ближнего; и брата того исправил, не только покрыв его по Боге, но и вразумив его, когда нашёл удобное к тому время. Ибо, выслав всех вон, он взял его за руку и сказал ему: «Подумай о душе своей, брат». Брат сей тотчас устыдился, пришёл в умиление и тотчас подействовало на душу его человеколюбие и сострадание старца.

Итак, приобретём и мы любовь, приобретём снисходительность к ближнему, чтобы сохранить себя от пагубного злословия, осуждения и уничижения, и будем помогать друг другу, как своим собственным членам. Кто, имея рану на руке своей, или на ноге, или на другом каком члене, гнушается собою или отсекает член свой, хотя бы он и гноился? Не скорее ли очищает он его, омывает, накладывает на него пластырь, обвязывает, окропляет святой водой, молится и просит святых помолиться о нём, как сказал и авва Зосима? Одним словом, никто не оставляет своего члена в небрежении, не отвращается от него, ни даже от зловония его, но делает всё для того, чтобы излечить его. Так должны и мы сострадать друг другу, должны помогать друг другу, сами и посредством других сильнейших, и всё придумывать и делать для того, чтобы помогать и себе, и один другому; ибо мы члены друг друга, как говорит Апостол: *Так же и мы, многие, – одно тело о Христе, а по одному – члены друг другу (Рим. 12: 5), – и: если страдает один член, с ним страдают все члены (1 Кор. 12: 26).*

Чем кажутся вам общежития ?[1] Не суть ли они одно тело, и все составляющие общежитие члены друг друга? Правящие и наставляющие суть глава; наблюдающие и исправляющие – очи; пользующие словом – уста; слушающие их – уши; делающие – руки, а ноги суть посылаемые и исполняющие служение. Глава ли ты? – Наставляй. Око ли? – Наблюдай, смотри. Уста ли? – Говори, пользуй. Ухо ли? – Слушай. Рука ли? – Делай. Нога ли? – Служи. Каждый да служит телу по силе своей, и старайтесь постоянно помогать друг другу: или учением, влагая слово Божие в сердце брату, или утешением во время скорби, или подаянием помощи в деле служения. И, одним словом, каждый, как я сказал, по силе своей, старайтесь иметь единение друг с другом; ибо чем более кто соединяется с ближним, тем более соединяется он с Богом.

И чтобы вам яснее понять силу сказанного, предложу вам сравнение, преданное от отцов. Представьте себе круг, начертанный на земле, средина которого называет центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните, что я буду говорить: предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог; радиусы же, то есть прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу; и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково естество любви: на сколько мы находимся вне и не любим Бога, на столько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближним; и сколько соединяемся с ближним, столько соединяемся с Богом. Господь Бог да сподобит нас слышать полезное и исполнять оное; ибо по мере того, как мы стараемся и заботимся об исполнении слышанного, и Бог всегда просвещает нас и научает воле Своей.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

[1] Монастыри, в которых всё имущество у монахов общее.

Поучение святого Иоанна Златоустаго

О лечащихся от болезней волхвованием[1]

Наводимыми на нас в этой жизни печалями — лишением имущества или тяжкими болезнями — Бог совершает нам ослабление будущих мук. И потому, когда впадёшь в лютую болезнь и многие приступят, понуждая тебя идти к чародеям или к волхвам, — ты же надейся на Бога и пребудь в терпении. Ибо, когда лежишь в болезнях, благодарение Бога приносит тебе венец мученичества и избавление от тех мук.

Мы называемся христианами? Тогда подчинимся Христу и не пойдём в врагам Божиим — волхвам и чародеям, ибо они есть Божии враги. Лучше умереть, чем идти ко врагам Божиим. Какая польза тело лечить, а душу губить?! Какое приобретение — здесь получить небольшое облегчение, а там быть с бесами посланным в муку и вечный огонь?!

Послушайте, что было в древности *(4 Царств, глава 1)*. Царь Иохозия, оставив Божию помощь, послал к волхвам. Но Бог казнил его болезнью, чтобы вспомнил о своих грехах. Тот же, забыв Бога, послал ко идолу Ваалу и к жрецам его спросить, останется ли жив. О, великое зло! О, разум беззаконный! Бога оставив, к волхвам посылал о жизни спрашивать! Слуг Иохозии встретил Илия[2] и сказал им: «Идите скажите царю своему: поскольку он, оставив Бога и Закон Его, послал к бесам спрашивать о жизни, то вот ему слово от Бога. Он умрёт преждевременно, ибо, оставив Бога, у бесовских слуг спрашивает о жизни!»

[1] Колдовством, заговорами.
[2] Святой пророк Илия.

У гадалки. *Худ. Юрий Сергеев, 1992 г.*

Вот так, братия, бывает преждевременная смерть ходящим к волхвам. Святые Апостолы прокляли волхвование, и святые отцы также отвергли на соборах — и на долгое время от Причащения отлучили тех, которые ходили к волхвам. И заповедали им тяжёлые епитимии[3], чтобы избавились от этого греха.

Убегайте, любимые мои братья, от проклятого волхвования, чтобы вам не умереть прежде времени и не принять вечного мучения! Но говоришь: «Весьма мучает меня тяжкий недуг!» Но ты ещё не принял того, что блаженный Иов: ибо он, лишившись стад и волов и всего имущества, и узнав о смерти всех вместе детей его, — не похулил [Бога], но сказал, терпеливый душою: *«Господь дал, Господь и взял!» (Иов. 1:21)*. И семь лет пролежав в лютых язвах, не поискал лечения волхвованием, но говорил: «Лучше мне умереть, нежели предать благоверие на поругание!» Также и расслабленный *(Ин. 5:2-5)*, который пролежал тридцать восемь лет в недуге, не призвал врачей и не пошёл к чародеям, но от Бога ожидал помощи. Также и Лазарь, голодный и больной в течение всей жизни своей, лежал у ворот богатого, в пренебрежении и поругании, и так скончался, а врачей не искал *(Лк. 16: 20-21)*.

Мы же какую получим милость? Они такие болезни терпели, а мы если и немного заболеем, то лекарей и волхвов в свой дом приводим. О братия, как золото испытывается[4] огнём, так и человек болезнью от грехов очищается! Вспомним, братия, апостолов, и пророков, и мучеников: сколько они приняли страданий! Ибо чем больше у кого-то бед и болезней в нынешнем веке, тем больше награда тому в Царствии Небесном.

Подумай, человек, о том, что не отнимут болезней чародеи, но только грех себе сотворишь великий и лютый: ибо оставив Бога, к бесам спешишь! Какую тогда примешь милость от Него и как Его призовешь в молитвах? Зачем душу свою губишь, и как будешь отвечать Богу? Из-за небольшой болезни, оставив Бога, ищешь волхвов! Как теперь будешь стоять в церкви? И как причастишься Божественным Тайнам? И как будешь слушать церковное чтение?

О человек! Если с благодарностью претерпишь болезнь или какие-либо иные беды, то с мучениками увенчан будешь в День Страшного Суда. Они муки претерпели, а ты болезни и беды благодарно стерпи. Богу нашему слава – ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

(Книга «Златоуст»)

[3] Наказания.
[4] Очищается.

Митрополит Белокриницкий Иннокентий (Усов).

Старообрядческій епископъ Иннокентій Нижегородскій и Костромской.

Митрополит Белокриницкий Иннокентий (Иван Григорьевич Усов; 23 янв. 1870—1942) – видный святитель Церкви Христовой, крупнейший старообрядческий апологетический писатель. В 1903 г. в Н. Новгороде был рукоположен в епископа нижегородского и костромского Активно выступал против коммунистического безбожия. С 1920 г. — епископ кишиневский. В 1942 г. (?) возводится в сан митрополита белокриницкого и переезжает на жительство в Белокриницкий монастырь. Автор многих статей и книг. Похоронен у старообрядческой церкви хутора Писк (Браила, Румыния).

«В молодости погрешу, а в старости покаюсь»

Так думают и даже иногда говорят многие молодые люди. Но это самый вредный, самый душепагубный самообман. Даже более – это мысль, навеваемая диаволом, это его аркан, которым он уловляет и таскает за собой всех слушающих этого коварного его внушения. Сколько таким образом погибло душ христианских, исчислить невозможно.

Наблюдения над жизнью доказывают, что редко бывает, чтобы в старости человек изменил свою жизнь к лучшему. Обыкновенно же, если смолоду человек привык грешить, если его поработила какая-либо страсть, то он и до старости остается ей верен, до самой смерти рабствует греху.

Кто смолоду привык пьянствовать или курить табак, или сквернословить, тот и в старости это же делает. Каждому из нас приходилось видеть седовласых старцев и пьянствующих, и курящих табак, и сквернословящих, и иная неподобная творящих. Замечено даже, что дурные привычки и греховные страсти к старости не только не ослабевают, но еще более усиливаются и укореняются.

Кто в молодости усвоил скупость и жадность к наживе, тот в старости будет еще скупее и жаднее. Кто в молодости привык быть расточительным, мотом, тот в старости будет еще расточительнее. Кто смолоду был злым, сварливым, обидчивым, жестокосердым самолюбцем, тот и в старости будет таким же, только еще в большей степени.

Даже те грехи и страсти, которые в старости человек не в силах творить, не оставляют его, если он был порабощен ими смолоду, если не может их творить делом, то старается удовлетворить свои влечения и страсти умом и мыслями. Говорящие, что в молодых годах нагрешу, а в старости покаюсь, не иное что делают, как собираются принести Богу Каинову жертву, которую Бог не принял потому, что она была принесена из худших плодов и, значит, без надлежащего усердия. Так и в данном случае.

Молодые годы, лучшую часть жизни намереваются употребить на службу диаволу, а старые годы, худшую часть жизни – готовятся отдать Богу. Примет ли Бог такую жертву? Допустит ли дожить до старости? Не большая ли часть рода человеческого умирает, не достигнув преклонных лет? Если же и доживет до старости, то перестанет ли грешить? Если по немощи телесной некоторых грехов и не станешь творить, то потому только, что не можешь. А это разве добродетель? Разве ты оставишь грехи? Не грехи ли тебя оставят? Не имея сил грешить в старых годах, не будешь также иметь сил и творить добрых дел или даже покаяться. До покаяния ли тогда, когда человек едва может ходить, едва помнить свою прошедшую жизнь, а часто и совсем забывает не только прошедшее, но и настоящее.

Конечно, бывают и исключения, случается, что и в старости исправляют свою жизнь, каются в прежних грехах, и Бог принимает их покаяние. Но такие исключения не изменяют общего закона жизни, по которому жившему смолоду безнравственно почти невозможно исправить себя в старости, как искривленное смолоду дерево почти невозможно исправить, когда оно состареется.

Правда, благоразумный разбойник перед самой смертью покаялся и получил райское блаженство. Но не надо забывать, что другой разбойник и пред смертью не покаялся, и умирая, продолжал непростительно богохульствовать. Если ты вел жизнь разбойника или даже хуже разбойника, то спрашивается, кем окажешься пред смертью? Благоразумным или злонравным разбойником? Чем можно доказать, что пред смертью ты будешь каяться, а не продолжать грешить словами, а может быть и делами? Кто поручится, что Бог приведет тебя покаяться?

«Кто грешит в надежде на прощение, тому нет прощения», — говорит преподобный Ефрем Сирин. И справедливо. Ибо кто грешит именно потому, что Бог милосерд, тот с умыслом злоупотребляет Божиим милосердием, выставляет Бога виновником зла и таким образом явно богохульствует. Таким нет прощения не потому, что Бог не хочет простить их, а потому, что они обыкновенно почти никогда не раскаиваются искренно.

Ввиду всего этого необходимо всеми силами и способами бороться с этим диавольским внушением, что в молодости нагуляюсь, дам волю своим страстям и влечениям, нагрешу сколько могу, а в старости буду жить хорошо, нравственно, добродетельно и в прежних грехах и беззакониях покаюсь.

Бойтесь этой сатанинской душепагубной мысли, как яда, как огня негасимого, в который она и приводит. Старайтесь приучить себя с молодых лет жить согласно Закону Божию, поступать нравственно, творить добрые дела. Тогда и под старость будет хорошо и приятно. Что посеешь смолоду, то самое и пожнешь в старости и непременно с хорошим урожаем. «Сеющии слезами радостию пожнут» **(Пс. 125:5)**. «Кто сеет ветер, тот пожнет бурю» **(см.: Ос. 8:7)**. Посеешь пшеницу, пшеницу и пожнешь. Посеешь репейник, крапиву или другие какие сорные и вредные растения, они и уродятся. А не другое что. Так и в жизни.

Чему желаешь выучиться, тому учись смолоду; а на старость откладывать обучение или усвоение чего-либо прямо-таки и смешно, и глупо, и преступно. Желающий быть ремесленником, художником, писателем, ученым и проч. станет ли откладывать на старость обучение своему делу? А если отложить, то ничего из него и не выйдет. Можно ли считать художником того, кто говорит: «Я под старость выучусь этому делу»? Закажешь ли ты сапоги шить тому, кто собирается лишь в старости заняться этим ремеслом? А нравственность, или добрые дела выше, необходимее и полезнее всякого ремесла, всякого художества, всякой науки. Зачем же откладывать усвоение нравственных поступков до старости?

Даже при постоянном упражнении в усовершенствовании нравственности трудно удержаться на подобающей высоте, чтобы не погибнуть. Что же сказать о том, кто постоянно упражняется во зле. «И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» **(1 Пет. 4:18)**.

Поэтому почти все святые угодники Божии начинали свои подвиги с молодых лет. Преподобный Антоний Великий ушел в пустыню лет шестнадцати. Преподобные Антоний и Феодосий Печерские также до двадцатилетнего возраста ушли в монастырь. Святые Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, известные вселенские учители, также с молодых лет, еще до окончания высшего образования посвятили себя на служение Богу. Таких примеров можно указать многое множество. Все эти люди были действительно безупречной и высокой нравственности, великих духовных подвигов и достойных удивления добродетелей.

Подражайте этим образцам нравственности, старайтесь уподобиться им, насколько возможно и не слушайте внушений духа злобы, помня, что «супостат ваш диавол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» **(1 Пет. 5:8)**. От него же да избавит вас Господь Бог Своею благодатию и человеколюбием.

Митрополит Иннокентий (Усов).
Из книги «Слова и речи» (1910 г.).
(Калугарь, 2011, №1.)

Чтение по-славянски – это несложно!

Урок второй

1. Повторение

В прошлом выпуске «Вифлеема» мы познакомились с церковнославянскими буквами: узнали, что большинство из них похожи на современные буквы и по начертанию, и по произношению; узнали несколько таких славянских букв, каких нет в современном гражданском алфавите, и научились их правильно читать.

Для закрепления пройденного помещаем ниже буквы славянской азбуки и краткие указания по их чтению в виде таблицы:

БУКВА	НАЗВАНИЕ	ЧИТАЕТСЯ КАК РУССКАЯ БУКВА	ЦИФРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ
А а	Аз	А	1
Б б	Бу́ки	Б	
В в	Ве́ди	В	2
Г г	Глаго́ль	Г	3
Д д	Добро́	Д	4
Є є є	Есть	Е	5
Ж ж	Живе́те	Ж	
Ѕ ѕ	Зело́	З	6
З з	Земля́	З	7
И и	И́же	И	8
І і ї	И	И	10
К к	Ка́ко	К	20
Л л	Лю́дие	Л	30
М м	Мысле́те	М	40
Н н	Наш	Н	50
О о о	Он	О	70
П п	Поко́й	П	80
Р р	Рцы	Р	100
С с	Сло́во	С	200
Т т	Тве́рдо	Т	300
Ѹ ѹ ꙋ ꙋ ꙋ	Ук	У	400
Ф ф	Ферт	Ф	500
Х х	Хер	Х	600

Ѿ ѿ Ѡ ѡ	От (Оме́га)	Ѡ, ѡ читается с ударением и протяжно: «О-о-о!» Ѡ,ѡ, ѡ́ = о Ѡ,ѿ = от	800
Ц ц	Цы	Ц	900
Ч ч	Червь	Ч	90
Ш ш	Ша	Ш	
Щ щ	Ща	Щ	
Ъ ъ	Ер	Ь	
Ы ы	Еры́	Ы	
Ь ь	Ерь	Ь	
Ѣ ѣ	Ять	Е	
Ю ю	Ю	Ю	
Ꙗ ꙗ	Я	Я	
Ѧ ѧ	Я (юс малый)	Я	
(Ѫ ѫ)	(Юс великий)	(У; данная буква в современных славянских текстах не используется)	
Ѯ ѯ	Кси	КС	60
Ѱ ѱ	Пси	ПС	700
Ѳ ѳ	Фита́	Ф	9
Ѵ ѵ	Ижица	И или В: Без надстрочных знаков ѵ читается как В; с надстрочными знаками – ѷ,ѵ́,ѵ̀,ѵ̂ – как И.	

Итак, почитаем вместе:

Вѣ́рую во е҆ди́наго Бо́га Ѿца̀ Вседержи́теля. Ве́рую во Еди́наго Бо́га Отца́ Вседержи́теля.

И҆сконѝ сотворѝ Бо́гъ не́бо и зе́млю. Искони сотвори Бог Небо и землю.

Ѱалмо́мъ давы́довъ. Псалом Давыдов.

Се̑ бо въ беззако́нїихъ зача́тъ е҆́смь. Се бо в беззакониих зачат есмь.

Житїе преподо́бныхъ Ѯенефо́нта и Ма́рїи. Житие преподобных Ксенефонта и Ма́рии.

Мѵроно́сицы жены̀ съ мѵ́ромъ прише́дше ко́ гробꙋ̀ Твоемꙋ̀ Спа́се рыда́юще. Мироносицы жены́ с Миром пришедше ко́ Гробу Твоему, Спасе, рыдающе.

Ѡ҆ преблаже́нное Дре́во, на не́мъже распѧ́тсѧ Христо́съ, Ца́рь и Госпо́дь. О-о-о! требла-женное Древо, на нем же распятся Христос, Царь и Господь!

Ѡ҆ Ї҆ѡа́нна свѧта́гѡ Ѳева́нгелїѧ чте́нїе. От Иоанна святаго Евангелия чтение.

Ѳева́нгелїе ѿ Матѳе́ѧ. Евангелие от Матфея.

И҆ речѐ Бо́гъ, да бꙋ́детъ свѣ́тъ, и҆ бы́сть свѣ́тъ. И рече Бог: Да будет свет! – и бысть свет.

И҆ бы́сть ᲂу҆́тро, и҆ бы́сть ве́черъ, де́нь пѧ́тый. И бысть утро, и бысть вечер – день пятыи.

И҆ речѐ Бо́гъ ѕмі́ю, ꙗ҆́кѡ сотвори́лъ є҆сѝ сѐ, про́клѧтъ ты̀ ѿвсѣ́хъ ско́тъ, и҆ ѿвсѣ́хъ ѕвѣре́й земны́хъ. — И рече Бог змию: Яко сотворил еси се, проклят ты от всех скот, и от всех зверей земных.

2. Знаки «придыхания».

В начале слов над гласными принято ставить знак «лёгкого придыхания», похожий на запятую — ʼ. Этот знак никак не читается:

А҆вра́мъ, а҆га́рь, є҆гѵ́петъ – Авраам, Агарь, Египет.

Историческая справка. Знак лёгкого придыхания ʼ пришёл к нам из греческого письма, в котором существует еще и тяжёлое придыхание, в виде перевернутой запятой (ʽ). Этот знак изредка встречался и в древнеславянских текстах и означал краткий звук «й» перед соответствующей гласной. В настоящее время этот знак встречается только в букве и҆.

3. Знаки ударения.

В славянском языке используются три основных знака ударения: острое ´, тяжкое ̀, облегченное ̂.

Историческая справка. В древности эти знаки ставились над разными по интенсивности ударения слогами. Острое ударение ´(«оксия») ставилось в начале или середине слова, и ударный слог читался громко и быстро. Тяжкое ударение ̀ («вария») ставилось в конце слова над гласной (или над односложными словами, состоящими из одной гласной). Слог ударный при этом читался менее громко и протяжнее, чем под «оксией». Облегченное ударение ̂ («камо́ра») ставилось обычно над краткими словами и означало менее интенсивное ударение.

В настоящее время буквы под всеми этими знаки ударения читаются обычно – как ударные звуки, только под знаком ̀ длительность звука может увеличиваться в некоторых случаях, о чём скажем ниже.

Бо́гъ, Госпо́дь, ѕѣлѡ̀, ты̀, сѐ, є҆го̀. Бо́г, Госпо́дь, зело́, ты́, се́, его́.

Однако если знак тяжкого ударения ̀ стоит вместе со знаком придыхания ʼ над однобуквенным словом, то возникает сочетание, называемое «апостро́ф»: ᾽ – тогда это слово читается как протяжный ударный звук: и҆᾽ - «и́-и-и» (значит: «его»), є҆᾽ – «е́-э-э» (значит: «его»), ѧ҆᾽ – «я́-а-а» (значит: «их»), ю҆᾽ – «ю́-у-у» (значит: «её»).

Внимание! *Не путайте слова и҆ и и҆᾽: первое слово обозначает соединительный союз «И», а второе – местоимение «ЕГО» (первое читается без ударения и кратко, а второе – с явным ударением и протяжнее):*

И҆ꙗ́кѡ на Мѧ̀ ᲂу҆пова́, и҆ и҆зба́влю и҆᾽. покры́ю и҆᾽, ꙗ҆́кѡ позна́ и҆́мѧ Моѐ. воззове́тъ ко Мнѣ̀, и҆ ᲂу҆слы́шꙋ и҆᾽. Съ ни́мъ є҆́смь въ ско́рби, и҆змо̀у и҆᾽, и҆ просла́влю є҆го̀. долгото̀у дні́й и҆спо́лню и҆᾽, и҆ ꙗ҆́влю є҆мо̀у спасе́ніе Моѐ. –

Яко на Мя́ упова́, и избáвлю и́ («его» по-славянски), покры́ю и́ («его»), я́ко позна́ и́мя Моé; воззовéт ко Мнé, и услышу и́ («его»); с ни́м éсмь в ско́рби, изму́ и́(«его»), и просла́влю его́; долготу́ дни́й испо́лню и́(«его»), и явлю́ ему́ спасéние Моé.

Мно́ги ско́рби пра́ведным, и҆ ѿвсѣ́хъ и҆́хъ и҆зба́витъ ѧ҆᾽ Госпо́дь. —

Мно́ги ско́рби пра́ведным – и от всéх и́х избáвит я́ («их» по-славянски) Госпо́дь.

На первом уроке мы уже говорили о слове Ѡ҆. Эта буква («омега») использовалась в греческом языке для обозначения долгого звука «о-о-о». А знак над ней – это видоизмененное начертание того же сочетания придыхания и ту-

пого ударения ҃. Итак, междометие Ѡ читается как долгое ударное «О́-о-о!» и всегда ставится перед обращением или в качестве удивительного восклицания (в последнем случае иногда в виде междометия «О́-о-ле») :

Ѡпресла́вное чю́до. О́-о-о! преславное чудо!

Ѡвсепѣ́тая Ма́ти. О́-о-о! ВсепетаяМати!

Ѡле та́йны. О́-о-ле та́йны!

4. Простое титло.

Многие слова в славянском языке пишутся сокращённо. Для обозначения этих сокращений используется знак ҃, называемый «титло». Чаще всего титло пишется в словах, обозначающих нечто святое (вместо «большой буквы» в начале слова), а также в некоторых часто употребляемых словах. Эти слова (корни слов) надо запомнить.

А҃нгелъ, а҃гг҃лъ – а҃нгелъ.

Арха҃нг҃льскїи, арха҃гг҃льскїи – арха҃нгельскїи.

Бг҃ъ(бъ҃), бж҃е, бж҃їи – Бо́гъ, Бо́же, Бо́жїи.

Примечание. Часто истинный Бог пишется с титлом, а ложные боги (идолы) или люди, образно называемые богами, – без титла: Вси҃ бо́ѕи и҆зы̀къ бѣ́сове. («Все боги язычников – бесы»). Бг҃ъ богѡ́мъ («Бог богов»).

Бл҃гъ, бл҃гїи, бл҃годѧ́ть – бла́гъ, благїи, благодѧ́ть.

Бл҃годѧ́тель – благодѧ́тель.

Воскр҃се́нїе, воскр҃ѣнїе – воскресе́нїе.

Гдⷭ҇ь – Госпо́дь.

Дх҃ъ, дш҃а, дх҃о́вныи – Дꙋ́хъ, дꙋша̀, Дꙋхо́вныи.

Примечание. Часто Святыи Дух пишется с титлом, а прочие духи, для различения, – без титла: дх҃ъ бж҃їи и҆ дꙋ́хъ льстець – «Дух Божий и дух льстеца (дьявола)».

Дв҃дъ, дв҃дскїи, дв҃дѣвъ – Давы́дъ, давы́дскїи, давы́довъ.

Дн҃ь, дн҃їи, дн҃е́шнїи – де́нь, дні́и, дне́шнїи.

Дв҃а, дв҃ство, дв҃ственныи – Дѣ́ва, дѣ́вьство, дѣ́вьственныи.

Ї҃с (ї҃съ, редко встречается: ї҃ъ, ї҃ѵ), ї҃сѣ – І҆сꙋ́съ, І҆сꙋ́совъ.

І҆и҃ль, і҆и҃лѣвъ, і҆и҃льтѧнинъ – І҆зра́иль, І҆зра́илевъ, І҆зра́ильтѧнинъ.

Мр҃твъ, мр҃твыи – ме́ртвъ, ме́ртвыи.

Мл҃тва, мл҃твенныи, мл҃твенникъ – моли́тва, моли́твенныи, моли́твенникъ.

Мт҃и, мт҃рь, мт҃рьскїи – Ма́ти, Ма́терь, Ма́терьскїи.

Примечание. Слово «Мати» с титлом обычно пишется тогда, когда речь идет о Богородице; если речь идет о других матерях, то пишется обычно без титла.

Мр҃ї́ѧ, мр҃ї́амъ – Мари́ѧ, Марі́амъ.

Примечание. Слово «Мари́я» («Мариа́м») пишется с титлом, если речь идёт о Богородице. При этом ударение в слове Мари́я ставится на «и». Если же говорится о других женщинах, то пишется без титла и с ударением на «а» (Ма́рия, отсюда произошло просторечное «Ма́рья»): бг҃оро́дица мр҃ї́ѧ, но: мѵроно́сица ма́рїѧ магдалы́ни.

Мч҃никъ, мч҃нїе, мч҃и́тель, мч҃николю́бецъ – мꙋ́ченникъ, мꙋче́нїе, мꙋчи́тель, мꙋченнколю́бецъ.

Нб҃о, нб҃сѧ, нб҃сныи – Не́бо, небеса́, небе́сныи.

Нн҃ѣ – ны́нѣ.

Нш҃ь, нш҃ъ – на́шь, на́шъ.

Ѻ҃цъ (ѿц҃ъ), ѻ҃чє (ѿч҃є) – Оте́цъ, Отче.

Ѻ҃чь, ѻ҃чскїи – Оте́чь, Оте́ческїи (Отчий, Отцовский).

Ст҃ъ, ст҃ы́и, прест҃ъ, прест҃ы́и, ст҃ы́нѧ, ст҃олѣ́пныи, ст҃ьѣ̀, ст҃и́тсѧ – свѧ́тъ, свѧты́и, пресвѧ́тъ, пресвѧты́и, свѧты́нѧ, свѧтьѣ̀, свѧти́тсѧ.

Ст҃ль, ст҃льскїи – свѧти́тель, свѧти́тельскїи.

Сп҃съ, сп҃и́тель, сп҃е́нїе, сп҃е́ныи – Спа́съ, Спаси́тель, спасе́нїе, спасе́ныи.

Сн҃ъ, сн҃о́внїи, сн҃овство̀, вс҃не́нїе, сн҃отворе́нїе – Сы́нъ, сыно́внїи, сыновство̀, въсыне́нїе, сынотворе́нїе (два последних слова переводятся как «усыновление»).

Ѡщ҃е́нъ, ѡщ҃енныи, ѡщ҃е́нникъ, ѡсѡщ҃енїе, прѣѡсѡщ҃енныи – свѧще́нъ, свѧще́нныи, свѧще́нникъ, ѡсвѧще́нїе, прѣѡсвѧще́нныи.

Сл҃нце, сл҃нечныи – со́лнце, со́лнечныи.

См҃ерть, см҃ертныи, безсм҃ертенъ – сме́рть, сме́ртныи, безсмертенъ.

Оу҃чт҃ль – оучи́тель.

Оу҃чнкъ, оу҃чнцы̀, оу҃чн҃цы – оучени́къ, оу҃ченицы̀ («ученики»), оучени́цы («учени́цы»).

Хс҃ (хс҃ъ, х҃ъ), хв҃ъ – Христо́съ, Христо́въ.

Цр҃ь, цр҃скїи, цр҃е́въ – Ца́рь, ца́рьскїи, царе́въ.

Цр҃ковь, цр҃кви, цр҃ко́вныи – це́рковь, це́ркви, церко́вныи.

Чл҃къ, чл҃чь, чл҃чскїи – человѣ́къ, человѣ́чь, человѣ́ческїи.

Прочтём по-славянски несколько фраз, содержащих сокращенные слова под титлами.

Ѝсконѝ сотворѝ бг҃ъ нб҃о и҆ зе́млю. земля́ же бѣ̀ неви́дима и неѹкраше́на. и҆ тма̀ верхоу̀ бе́здны, и҆ дх҃ъ бж҃їи нош҃а́шесѧ верхоу̀ воды̀.

Хс҃ъ воскре́се и҆зъ мр҃твыхъ, см҃ертїю на сме́рть настѹпѝ, и҆ гро́бнымъ живо́тъ дарова̀.

Нн҃ѣ же хс҃ воста̀ ѿмр҃твыхъ, нача́токъ оу҃ме́ршимъ бы́сть. поне́же бо̑ чл҃ка ра́ди сме́рть бы́сть, и҆ чл҃ка ра́ди воскр҃се́нїе мр҃твымъ.

Ꙗ҆́кѡ по́ сѹхѹ ходи́въ і҆и҃ль по бе́здне стопа́ми, гони́телѧ фараѡ́на ви́дѧ потоплѧ́ема, бг҃ѹ побѣ́днѹю пѣ́снь поѥ́мъ, вопїѧ́ше.

Сказоу́ю же ва́мъ бра́тїе бл҃говѣ́ствова́нїе, є҆́же бл҃говѣ́стихъ ва́мъ, є҆́же и҆ прїѧ́сте, въ не́мъ же и҆ стои́те, и҆́мже и҆ спаса́етесѧ.

В следующем выпуске «Вифлеема» мы, Бог даст, продолжим изучение церковнославянских сокращенных слов, познакомимся с «буквенными титлами» и славянскими цифрами.

Преподобный Феодор Студит

О МОЛИТВЕ

(Из послания к Анне монахине)

Ты желаешь научиться, как следует тебе молиться. Этому Сам Господь научил словами: «Отче наш» **(Мф.6:9)**, - заповедав и то, чтобы не просили ничего временного, но – Царствия Его и Правды вечной. Кроме того, Отцами заповедано, во-первых, благодарить Бога, во-вторых, исповедовать пред Ним грехи, и затем просить прощения их и достижения других средств ко спасению.

Итак, когда ты намереваешься молиться, то благодари Господа и Владыку за то, что Он привел тебя из небытия в бытие, что избавил тебя от всякого заблуждения, призвав и удостоив быть причастницей ведения о Нем Самом, от заблуждения языческого, от заблуждения еретического, потом за то, что Он подготовил тебя к началу монашеской и равноангельской жизни после наслаждения общественной жизнью. Размышление об этом в достаточной мере расположит душу к сокрушению и пролитию слез. Отсюда — просвещение сердца, услаждение духа, стремление к Богу, а когда это пребывает в сердце, то прогоняется всякий порок.

Когда таким образом вознесешь благодарность Богу, исповедуйся пред Ним, говоря: "Ты знаешь, Владыка, сколько я грешила пред Тобою и сколько грешу каждый час", – припоминая такой-то и такой-то грех и ведением, и неведением, впрочем, не перечисляя без разбора то, что усиленным припоминанием может причинить вред душе. Отсюда произойдет у тебя благодать смиренномудрия с сокрушением сердца и страхом воздаяния Божия.

После этого проси, вздыхай, умоляй Господа твоего о прощении грехов и укреплении тебя на будущее время для угождения Ему, говоря: "Более, Господи мой, Господи, не буду прогневлять Тебя, более не буду любить ничего другого, кроме Тебя, поистине достойного любви; а если опять прогневаю, то, припадая к милосердию Твоему, молю даровать мне силу, чтобы я могла угождать Тебе".

Если явится тебе мысль совершить еще что-нибудь доброе, усердно проси о том. После того призывай Пресвятую Богородицу, чтобы Она помиловала тебя, святых Ангелов, того Ангела, который является хранителем жизни твоей, чтобы он охранял тебя и покровительствовал тебе, Предотечу, апостолов, всех святых и тех, кого ты особенно обычно призываешь, и того, память которого совершается в этот день.

В этом, кажется мне, состоит сила молитвы. И хотя каждый может молиться иными словами, а не одними и теми же постоянно, ибо и молящийся сам в себе не всегда говорит одно и то же, но сила молитвы необходима одна и та же для всех, по моему мнению.

Бодрствуй, молясь о должном, постоянно совершенствуясь и строгой жизнью представляя себя угодной Господу.

Преподобный отец наш Симеон Новый Богослов

О МОЛИТВЕ
(Слово девятое)

1. Самый большой грех есть молиться без страха Божия, без благоговения и внимания. Допускающие его не ведают, как должно, Бога. 2. Для того чтобы познать Бога, потребен Божественный свет. 3. Всякий человек грешит умом, словом и делом. Чтоб охраняться от грехов, надо прежде всего уврачевать ум.

Нет греха больше, как молиться без страха Божия, без внимания и благоговения. Кто молится или поет псалмы просто, как попало, с небрежностию и презорством, тот явно не знает, что такое есть Бог, не знает и страдает небрежением. Почему Бог, от Коего исходит и отпущение грехов, и всякое благо, хотел бы помиловать и его, но не может, а паче гневается. Лучше такому совсем не молиться, чем так молиться, то есть устами только. Душе не свойственно молиться устами, а умом, и тот, кто поет псалмы и молитвы творит, а ум его не заключает себя в молитву, которую он говорит, делает дело несообразное, почему подвигает на гнев Бога, Которому молится. Как ум видит и ум слышит, так надобно, чтобы ум же и молился посредством уст. Кто совсем не молится, тот не исполняет своего долга и остается должником Богу, но когда-нибудь он опомнится и может испросить себе отпущение долга у Бога, Коему должен. Тот же, кто молится кое-как, с небрежностию, подвигает на гнев Самого долгов Решителя Бога, Коему молится, ибо таковый устами Богу молится, а ум с бесами ведет беседу. От кого же после сего ожидать ему милости?

Итак, надобно с устною молитвою молиться Богу и умом. Но поелику невозможно, чтобы с устами и ум молился, если не получит он прежде просвещения и воздействия Святого Духа, то прежде всего другого надобно попещись о том, чтобы приять просвещение и благодать Святого Духа, дабы не молиться устами только и чрез то не быть в опасности вместо получения милости от Бога, подпасть гневу Его. Ибо нет другого греха, который бы так много прогневлял Бога, как тот, когда кто устами молитвы Ему творит, а умом помышляет неуместное и срамное. Таковый ум еще не возобладан Христом и не хочет быть обладаемым от Него, и поелику не хочет, чтобы царствовал над ним Бог, есть враг Царя Христа *(Лк.19:14)*.

2. Итак, не подобает молиться Богу без страха и благоговения. Кто не имеет страха и благоговения, пусть испрашивает прежде всего света страха Божия, да ведает, пред сколь страшным Богом предстоит он и молится, чтоб удостоиться за то получить просимое. Ибо кто познает, коль страшен есть Бог, тот преисполнится и страхом Божиим, и страх Божий научит его достодолжной молитве. Кто ж не познал сего, тот во тьме и не умеет молиться как должно. Пока солнце еще не воссияло и тьма покрывает землю, кто может видеть хорошо вещи? И тот, кто прошел грамматику, риторику и философию и обогатился познанием всего сущего, не может без света прочитывать книг, в которых содержатся такие уче-

ния, а новоначальный, который только приступил к такому учению, что может увидеть без света или чему может научиться? Ничему. Таким же образом и душе всякой потребен сокровенный свет Божественного ведения, да видит и познает и постигает силу и значение Божественных словес Псаломских. Ибо сей сокровенный свет Божественного ведения есть некая мысленная сила - властная, которая окружает и собирает подвижной ум, отбегающий обычно туда и сюда, в то время, когда слушает или читает Божественные оные словеса, и держит его в себе, да внимает тому, что читает или слушает. Если же не войдет в кого сей Божественный свет, то он устами будет произносить или читать молитву, и ушами слушать, а ум его будет оставаться бесплодным; и не только это, но он не будет стоять на одном, а будет кружиться там и сям и помышлять о том, о чем не подобает, держа притом ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чем думает, и позаботиться о том, в чем прельщается, не понимая, что состоит в сие время рабом мысленного тирана диавола, и им мысленно влачим бывает туда и сюда. Тем-то и бедственна и пагубна эта болезнь, что, тогда как враг мой влачит туда и сюда мой собственный ум, я думаю, что все эти кружения моего ума, все эти заботы и попечения суть мои собственные и неотложно необходимы для меня. Вот первая и величайшая из всех болезней душевных, для уврачевания которой, как первейшей, хуждшей и сильнейшей всякой другой болезни душевной, надлежит нам подвизаться до пролития крови. Ибо она препятствует нам молиться как должно и не позволяет молитве нашей восходить прямо к Богу; она есть большая и крепкая стена, которая мешает уму нашему приближаться к Богу, Который есть везде сый и вся исполняли. Сие омрачение души есть начало кромешной тьмы адской, и если не разгонит его Христос во всяком подвизающемся о спасении своем, то никто не узрит Господа. Почему и Давыд говорит: *о Бозе моем прелезу стену (Пс.17:30)*. И Христос Господь, прогоняющий сию тьму, возвещает: *Аз есмь Свет миру (Ин.8:12)*. Если не будет развеян и изгнан из души сей мрак прежде всякого другого зла, то тщетна вера всякого такого христианина, тщетно именуется он именем верующего, тщетны посты его и бдения, тщетно трудится он, вопия в псалмопениях своих.

3. Если камни нападают в какой-либо тесный канал или трубу и загородят их, то нельзя вынуть того камня, который на самом низу, ни того, который на средине, ни даже того, который близко к первому, если наперед не вынешь этого первого, а потом по порядку и другие. Это же самое бывает и с людьми. Тремя образами грешат люди: умом, словом и делом. Первый грех, грех умом, есть причина и всех тех грехов, в каких грешат словом и делом, ибо не ум заканчивает грех, а слово и дело заканчивают, что изобретает ум. Итак, из этих трех, чему прежде и более всего необходимо быть уврачевану от Христа? Очевидно, первому, то есть уму. Ибо когда уврачуется и освятится ум, когда придет он в доброе состояние и не будет сносить, чтоб сказано или сделано было что-либо Богу неугодное, тогда душа будет охранена и от всякого другого греха. Итак, сколько сил есть, надлежит нам подвизаться, да освятится Христом ум наш, восприяв благодать Святого Духа. Для этого одного Христос, будучи Бог, соделался Человеком, для этого распялся, умер и воскрес. Это, то есть освящение ума, и есть воскресение души в настоящей жизни, вследствие коего можно сподобиться и будущего воскресения телом к славе и блаженству.

Потщимся же прежде всего исправить ум свой, чтоб он стоял (трезвенно в себе), когда молимся или читаем и изучаем Божественные Писания. Ибо если не исправим ума, все другое тщетно, и душа наша никакого не восприемлет

преуспеяния. Многие, именующиеся христианами и не сущие таковыми воистину, не зная, что носят в душе своей эту великую и страшную болезнь, впадают в тщеславие и самомнение, думают, что они выше других братий, гордятся и превозносятся над однородными себе и презирают их, когда эта болезнь равняет их со всеми, ибо она обща всему роду человеческому, как общи всем тление и смерть. Эта болезнь нередко скорее врачуется в простейших и неученых, нежели как в ученых и умудренных наукою. Если скорее врачуются сии простейшие, то, очевидно, они лучше умудренных и ближе к Богу, Коим прежде познаваемы бывают и просвещаются, а потом сами Его познают. Впрочем, и каждому, по мере исправления ума его, дается мера ведения или познания как самого себя, так и Бога, то есть поколику исправляется, освящается и просвещается ум каждого, потолику он познает себя самого и Бога, Коему слава во веки. Аминь.

Епископ Михаил (Семенов)

Зачем нужны обряды?

Старообрядчество больше всего и чаще всего упрекают в «обрядоверии», то есть в упрямом поклонении обряду больше даже догмы. Их уважение к обряду склонны считать чуть ли не идолопоклонством.

Но, в самом деле, неужели обряд — что-нибудь несущественное, мало нужное в порядке духовной жизни? Мы уже писали коротенько о смысле обряда в первой статье. Говорили, почему старообрядчество должно было «духом восстать» против кощунственного покушения на святыню обряда. Теперь хочу сказать, для старообрядческой молодежи, главным образом, в чем смысл обряда.

Что такое обряд? Это «оболочка», одежда догмы, говорили мы. Теперь продолжим немного иначе: это закрепленная духовная жизнь, сильный момент христианской жизни, великое мгновение, остановленное, так сказать, навеки, в целях духовного воспитания.

В первой христианской церкви существовало общение во всем, люди имели всё общее и не было между ними нуждающихся... И вот настроение этих святых дней создало святой обычай, или обряд «агап» — вечерю любви.

Все христиане того времени были в постоянном любовном единении: не только имущество, но и сердце и душу они имели одну *(Деян., гл. 6)*. Святое настроение и «агап» этого общения душ закрепилось в одном сложном обряде, системе обрядов и литургии и вообще в богослужении.

Литургия в своих обрядах — вся символичное осуществление молитвы Господа к Отцу: *«Да все едино будут... яко и мы» (Ин, 17: 11-21)*. В древности и самая литургия носила название *«таинство общения»*, а Кирил Александрийский прямо называет ее общей связью, соединяющей всех.

«Литургия, — пишет Н.В. Гоголь, — нечувствительно строит и создает человека, и если общество еще совершенно не распалось, если люди не дышат полною, непримиримою ненавистью между собой, то сокровенная причина тому есть система обрядов — Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой и небесной любви к брату.»

Но литургия — нечто великое, необычайно глубокое. Но возьмите что-нибудь помельче, если позволительно так выразиться.

Возьмем такой некрупный обряд, как, например, «поклоны». Зачем это чи-

сто механическое движение?

Но вот рассказ «Луга духовного» (в нашей свободной передаче). Однажды пришел к авве Иоанну крестьянин и, рассказав про свою крайнюю нищету, просил у него в долг номисму (4 р.).

Старец сжалился над ним и занял денег в обители. Однако прошло два года, и крестьянин не являлся. Блаженный авва между тем узнал, что крестьянин ведет беспечную жизнь и не радеет о своей семье. Долго думал старец, как помочь горю. Призвав своего должника, он сказал ему:

— Возврати же мне долг, брат!

— Видит Бог, нечем мне заплатить тебе!

— А я вот помогу тебе уплатить. Теперь еще не скоро наступят полевые работы....

— Что ни прикажешь, я всё исполню.

— Когда только ты будешь свободен дома, приходи сюда и клади по тридцати поклонов, я буду давать тебе всякий раз по керате (18 к.).

И стал крестьянин очень часто приходить в монастырь и вместе со старцем класть земные поклоны.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивали старца. — Полезны ли для крестьянина одни земные поклоны? Ты бы лучше вразумлял его.. Мы думаем, что он христианин и сам знает свои обязанности.

— Духовная жизнь в нем угасла. Молитва оживит его веру и дух благочестия.

— Но ведь он пока кладет только поклоны.

— Плоду предшествует цвет, цвету — лист, листу — почка и оживление ветвей... Не занете ли, что дар молитвы — плод? Много нужно потрудиться, пока этот плод созреет. Поклоны — это первая окопка деревца... Человек — не мертвое орудие, а живое существо: среди поклонов проявятся начатки молитвенного духа. По капельке малой, малой, как живительный дождь, снизойдет молитвенный дар.. Как тому, кто не знает алфавита, вы дадите читать книгу?

И старец доказал свою правоту делом и продолжал упражнять крестьянина в поклонах. Когда бедняк был голоден, старец делил сним братски трапезу и отпускал его домой:, нагрузив сухарями на всё его семейство. Это было до тех пор, пока не сложилась сумма в двадцать четрые керата. Крестьянин возвратил долг старцу. Но мы видли и после этого крестьянина у старца. Он приходил уже добровольно молиться с ним... В деньгах крестьянин перестал нуждаться, потому что с той поры начал трезвую, трудолюбивую жизнь.

Поклоны — этот «маленький» обряд — вскрыли своей внутренней силой спавшее в душе сознание греха.

А другие обряды?

Глубоко содержание обрядов крещения. О них мы поговорим как-нибудь отдельно.

В пасхальном богослужении, например, есть бряд христосования. И кто знает, сколько душ «растопилось», сколько гневных движений растаяло в этом «обрядовом» поцелуе!

Накануне поста есть обряд прощения...

Какую силу примирения таит этот обряд в себе! А обряд брака, то есть, таинство брака в обрядовой стороне: какой откровение о семье дано здесь — имеющим уши слышать.

Но как? Каким образом происходит такое влияние обряда?

Я объясняю это так. Обряд в свое время создан великой мыслью, огромной духовной энергией, подъемом духовного настроения. Но всякая энергия

всегда сохраняется по закону, так сказать, “сохранения духовной энергии”. Как теплота, духовная сила обряда сохраняется в нем в скрытом состоянии.

Есть короткий рассказ Короленко «Мороз». Это фантазия. Автору кажется, что иногда от мороза слова замерзают, но вот пригреет солнце, думается ему, — и оттают слова, и сойдут в души святой силой.

В обряде застыли «слова» — святая сила. Для человека, которого еще не пригрело солнце благодати, они мертвы, безжизненны, но и для него они могут проснуться, «ожить».

В обряд нужно вглядеться, войти вглубь, чтбы его сила ожила для сердца. Равнодушные к самой религии, посещающие храм только урывками, остающиеся в нем всего на несколько минут, естественно, глухи к тому, что скрыто за одеждой обряда, и не бывают в состоянии постигнуть его существо и дух. Это люди «душевные», а не духовные, и над ними сбываются слова св. Апостола:

«Душевный человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, зане духовне востязуется» (1 Кор., 11,14).

Говорят, что обряд устарел, обветшал. Допустим на минуту. Но и тогда он свят, как метрвое тело покойной матери, которое мы целуем не с меньшей нежностью, чем живое.

Это ступени, по которым, скажем словами Мережковского, миллионы шли к Богу.

Пусть, снова допустим, обветшали ступени, все-таки целуй и лобызай след от ног святых миллионов. Но мог ли устареть и умереть обряд в самом деле?

Конечно, нет. Его душа вечно жива. Разве только мы можем умереть для обряда.

Нельзя забывать то, что сказано о происхождении обряда. «Обряд не может убивать духа. Дух создал его, и, как воспоминание о прежде пережитом религиозном настроении, он снова будит это настроение, и, если душа не спит, внешность и обряд снова одухотворяются для человека и становятся для него силой животворящей.»

Не нужно забывать, что обряд, как сказали мы, «видимый покров незримой тайны, незримой истины, живое тело живой души», вместе с тем есть, повторяем, «те ступени, по которым миллионы верующих века и века восходили к Богу.»

«Это одно уже должно было сделать их навсегда не только святыми и дать им навсегда силу благодатного освящения. Святая мысль, молитвенная деятельность, исторически так тесно соединилась с обрядом, что уничтожить обряд (если бы даже это было возможно психологически) *— значит разорвать ряд драгоценнейших ассоциаций, значит подвергнуть опасности самую мысль, связанную с обрядом и выраженную в нем, значит, убить в нем молитвенную деятельность».*

«Несли сосуд с драгоценной жидкостью. Все падают перед ней ниц, все целуют сосуд, заключающий эту драгоценную, живящую всех влагу, но восстают люди и начинают кричать: “Слепцы, чего вы сосуд целуете, дорога лишь живительная влага, в нем заключающаяся, дорого содежимое, а вы целуете стекло, простое стекло и стеклу приписываете святость... Идолопоклонники, бросьте сосуд, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло”. И вот разбили сосуд, живящая влага разлилась по земле и исчезла в земле, разумеется.... Сосуд разбили и влагу потеряли...».

Эта прекрасная легенда направлена против врагов обряда.

И.А.Кириллов

Сущность обряда

В журнале «Церковь» уже отмечалось печальное явление охлаждения старообрядческого молодого поколения к своим родным обрядам и обычаям. Явление это бесспорно печальное, вполне понятное в наши дни, особенно среди учащейся молодежи. Со всех сторон, на всех перекрестках громко кричат этой молодежи о всевозможных отвлеченных материях, философских системах, о свободе духа, свободной религии, и т.д. Действительно, трудно здесь молодому старообрядцу, подчас не могущему разобраться в этом отвлеченном хаосе, думать еще об обрядах, да еще не только думать, а исполнять их, что уже значительно труднее, чем только предаваться размышлению. Обряд кажется, по сравнению со всевозможными философскими системами и свободными религиями, таким маленьким, ничтожным, не стоящим внимания...

Прежде чем бесповоротно подписаться под этим приговором обряду, следует, по крайней мере еще раз проверить себя, так ли это, действительно ли, что обряд не стоит того, чтобы его исполняли?

Попытаемся ответить на поставленный вопрос.

Что такое обряд по существу? Каким образом он сформировался и что является его субстратом, его сутью?

В какой-либо области, — возьмем для простоты более узкую, например, механику, — произошло изобретение какой-нибудь машины. Первое время конструкция вновь изобретенной машины весьма примитивна, несовершенна, но потом, путем практического опыта создаются различные детали, в отдельности важного значения, может быть, и не имеющие, а в общем обусловливающие применимость нового изобретения к практической жизни.

Здесь, в данном случае, сумма практического опыта, претерпев различные видоизменения, отливается в окончательную форму, в виде какого-нибудь подшипника или гайки.

То же самое происходит и в других областях человеческой жизни. Но только в этих областях, как например, в бытовой, и, тем более в религиозной, труднее проследить и установить взаимную связь между какою-либо потребностью и выработанным ею обычаем или обрядом, которые можно сравнить с подшипниками и гайками, на которых движется наша внешняя и внутренняя жизнь.

Бытовой навык создал обычаи, которые благодаря своей видимой полезности всем понятны, и никто не вздумает при нормальных условиях их нарушать. Следовательно, нет причины, почему бы им придавать обязательный характер; потому в понятие обычая и не входит принцип неизменяемости, а раз обычай изменяем, обязательным для всех по этому самому он быть не может.

Совсем иначе обстоит дело в религиозной области. Здесь нет бросающейся в глаза непосредственной полезности, какая наблюдается в бытовой жизни. Благодаря различию в психологической организации людей, легко может случиться, что найдутся желающие изменить данный обряд. Последнее является недопустимым по следующим условиям: Церковь есть общество людей, объединенных одною верою в Бога, одними догматами; а раз это так, раз Церковь — общество, в ней должна быть известная дисциплина, без которой немыслимо никакое общество; потом сплошь и рядом может ошибиться и тот индивид, который вздумает переменить обряды, или, другими словами, изменить внешнее

выражение религиозного чувства. Изменение одним членом Церкви религиозных обрядов действует весьма заразительно на других, особенно на тех, кто еще не установился в своих религиозных убеждениях. Чреватая событиями русская история дает нам характерный пример вышесказанного.

До злополучного патриаршества Никона на Руси в непоколебимости и неизменяемости обряда никто не сомневался, но патриарх-новатор своею деятельностью разрушил это убеждение. Много зла причинил Никон своим искажением обрядов, но не меньше, если не больше, он сделал зла также и тем, что хотел одним словом, одним росчерком пера уничтожить одни обряды и создать другие, хотел низвести обряд в область явлений, созданных человеческой волей и ей подчиненных. Если стать относительно обряда на точку зрения нашей современной интеллигенции, т.е. признать его малозначащим, то мы вскоре будем иметь столько же религий, сколько людей.

Святые отцы Церкви, конечно, хорошо понимали значение религиозного обычая как внешнего выражения религиозного чувства, и вполне понятно, что они дали этому обычаю свою санкцию, свое утверждение, преобразив, таким образом, обычай в обряд, обязательный для всех верующих.

О значении обряда уже говорилось не раз на страницах журнала "Церковь", здесь же мы скажем несколько слов о значении обычая в русской жизни. В простонародной русской жизни обычай играет главную роль, служа или сильным стимулом, толкающим крестьянина на все те или другие поступки, или столь же могучим тормозом.

Начиная с рождения ребенка, в крестьянской семье обычай вступает в свою роль премьера. Родители ребенка знают, что они не могут предоставить новорожденному каких-либо удобств, и что появившийся новый член человечества будет, вероятно, возрастать на соске из черного хлеба; это за исключением тех случаев, когда новорожденный принадлежит к "деревенской буржуазии". Родители не смущаются этим, не терзаются, потому что так росли их деды, отцы и они сами, следовательно, это в порядке вещей, что и исключает массу житейских страданий.

Крестьянин женится. Он вперед знает, что с ним после брака особых перемен не произойдет, что разница будет только в числе рабочих рук в его семье, и поэтому не настраивает себя восторженно-ожидательным настроением, не старается всеми возможными для него силами сделать дни первого месяца своей супружеской жизни розовыми, благодаря чему и не наступает быстрого охлаждения, наблюдаемого так часто среди нашей интеллигенции, употребляя последний термин в общепринятом смысле, для которого самым страшным жупелом при заключении брака являются так называемые "супружеские будни". С наступлением последних интеллигентские птенчики часто с ужасом рвутся из своего "уютного гнездышка", превратившегося во время "будней" из счастливой Аркадии в самую обыкновенную квартиру, а иногда и просто комнату. Начинаются несогласия, объясняемые почти всегда несходством характеров, но никак не тем, что молодые люди до свадьбы слишком много думали о медовом месяце и совсем забыли о длинном ряде серых, будничных дней.

Эти дни при своем наступлении уже не скрашиваются супружескою любовью, под которой почти всегда подразумевается известное отношение мужчины к женщине, но никогда — естественное чувство доброжелательности, теплого дружества человека к человеку, вытекающее из взаимной поддержки друг друга на тернистом пути жизни.

Молодая крестьянская женщина, вышедшая замуж, довольно часто на второй или третий день после свадьбы идет на полевые работы вместе с мужем. За-

метим также, что большинство крестьянских браков заключается в конце июня и начале июля, т.е. в рабочую пору, когда бывают нужны лишние руки для тяжелого крестьянского дела. Подобное практическое соображение нисколько не умаляет или оскорбляет таинство брака, а, напротив, освящает его, делает именно «таинством», в противоположность большинству «интеллигентских» браков, заключающихся по так называемой «взаимной любви», сводящейся в конце-то концов к удовлетворению известных физиологических потребностей.

По этому же самому обычаю простые люди, прожив жизнь, (следует отметить, в большинстве случаев более длинную, и потому вполне логично предположить, более нормальную, нежели жизнь интеллигента), умирают.

Помните старушку-помещицу у Тургенева, которая по прочтении священником отходной имела достаточно силы воли и самообладания, чтобы достать из-под подушки рубль и расплатиться со священником за свою же отходную молитву!

«Да, удивительно умирают русские люди!» («Записки охотника», «Смерть»).

Здесь нет того чисто животного страха перед смертью, которым характеризуется в общем в наше время городская жизнь (если хотите — болезнь интеллигенции). Правда, и в деревне, конечно, боятся смерти, но если можно так выразиться, боятся храбро, мужественно, или, вернее, боится одно тело, которому это весьма свойственно, но «дух бодр».

У современного интеллигента как раз все наоборот: гораздо большее место занимает агония духа, психики, что, конечно, не служит доказательством того, что психика последнего (интеллигента) совершеннее и жизненнее психики простого русского человека.

Духовная, психическая жизнь русского народа довольно богата, доказательством чему служат многочисленные народные обычаи и религиозные обряды. Вся же сила, мощь русской психики обнаружилась в ряде исторических событий в половине XVII в., получивших название «Великого русского раскола».

У русских людей были свои традиции, свои обряды, веками выработанные и которые вполне соответствовали психико-религиозным чувствам души русских людей.

Русская интеллигенция, получившая свое начало или, вернее сказать, несколько популяризовавшаяся у престола Преобразователя России, с самого начала пошла «западным путем».

Другими словами, русская интеллигенция, приняв вовсе не необходимые формы западной мысли, а также и повседневной жизни, совершила ошибку: избрала не совсем правильный путь и осудила тех, кто не пошел за нею.

Кто может поручиться за то, что наша современная отсталость на пути прогресса есть не следствие монгольского ига, на которое принято сваливать многие несуразности текущей жизни, а есть прямое следствие психической ломки русского общества в середине XVII в. Неоспоримо, что Петр I много, очень много сделал для России на почве культуры и цивилизации, но все наши историки признают, что некоторые реформы Петра не имеют под собой разумной почвы, как, например, реформа бороды и платья. Условия нашего климата служат тому естественными доказательствами.

Выясняя значение обычая в жизни русских людей, мы этим хотели показать, что не меньшее имеет значение и обряд в религиозной жизни народа. Обряд не есть нечто оторванное от жизни, условное, произвольно созданное волей человека, а напротив, он органически связан с жизнью, опытом которой он выработался и которую он сам же обслуживает.

Резюмируя все вышесказанное, понятие обряда можно определить следующими словами: обряд есть узаконенный соответствующей властью обычай; последний же есть сумма опыта в данной области. Обычай в бытовой жизни, санкционированный гражданской властью, получает вид закона; обычай в религиозной жизни, получив санкцию от духовной власти, становится обрядом.

Гражданин, не исполняющий законов своего государства, терпит наказание, лишаясь тех или других прав; член Церкви, не исполняющий ее обрядов (законов), тем самым вычеркивает себя из списков ее духовных детей.

ОБ АВТОРЕ

Иван Акимович Кириллов *— православный старообрядческий писатель, экономист, автор крупных исследовательских работ, связанных со старообрядчеством, в которых, в частности, ставил задачу исследования связи старообрядческой этики с развитием капитализма в России. В 1911-12 гг. сотрудничал в журнале «Старая Русь», опубликовал там ряд статей, был секретарем журнала и его представителем в Москве. В 1920-х гг. отошел от церковно-общественной деятельности, занимался экономикой сельского хозяйства. С 1955 г. — доктор экономических наук. Был профессором Московского инженерно-экономического института. Самые известные его сочинения — «Третий Рим» (М., 1914), «Правда старой веры» (М., 1916). Публикуемая статья есть глава из последней книги.*

О крестном зна́мении

Среди всех церковных обычаев одним из древнейших и важнейших является Крестное знамение. Нет ни одного церковного Таинства, ни одного священнодействия без совершения знамения Креста. Святой Василий Великий пишет, что Крестное знамение – тайное апостольское предание. Все христиане древности ограждали себя именно двоеперстным крестным знамением, о чем свидетельствует безпристрастная история. Это Христово и апостольское крестное знамение доныне бережно сохраняется в Православной Старообрядческой Церкви.

Как же совершается Крестное знамение и что оно собою символизирует? Святые отцы учат так (блаженный Феодорит Кирский, преподобный Максим Грек, Стоглавый собор Русской Церкви):

Три перста (большой палец, мизинец и безымянный) сложить вместе – это символизирует Святую Троицу: не три Бога, но Один Бог в трех Лицах – Отец, и Сын, и Святый Дух.

Два оставшихся перста (указательный и средний) протянуть, слегка пригнув средний – это символизирует два естества (две природы) Христа Спасителя: Его Божество и Его человечество. Хри-

стос – Бог и Человек в одном Лице. Согбение перста означает, что Христос Бог добровольно унизил Себя ради нашего спасения, то есть сошел на землю и стал Человеком, оставаясь и Богом.

Итак, два перста означают Христа воплотившегося, а три – Святую Троицу безплотную. Крестное знамение - знак плотского страдания Христа на Кресте за наши грехи. На Кресте за нас распялся именно Христос, распялся Своею плотию. Другие лица Святой Троицы (Отец и Святый Дух) безплотны, они не распинались на Кресте.

Троица не распиналась. Поэтому творится Крестное знамение не тремя перстами, изображающими Святую Троицу, но двумя – теми, которыми символизируется Христос во плоти.

Итак, сложив персты по вышеписанному образу, мы совершаем Крестное знамение. Полагаем два перста на челе (на лбу) и этим исповедуем, что Христос – Глава Церкви и наш Глава, что Он сошел к нам именно с Небес.

Затем опускаем сложенную в двоеперстие руку на пуп (живот) – этим исповедуем, что Христос сошел с Небес на землю, вселился во утробу Девы Марии, родился от Нее, распялся и по плоти умер за нас (это изображается всем видом Крестного знамения), сошел своею Душею во ад и освободил души всех праведников из ада.

Потом поднимаем двоеперстие на правое плечо (сверху кладем на плечо, а не спереди на грудь!) Этим исповедуем, что Христос плотию воскрес из мертвых, восшел на Небеса и сел на Небесном престоле справа от Бога Отца.

Затем полагаем двоеперстие на левое плечо сверху (опять не на грудь! — ибо Христос на плечах Своих нес Крест на Голгофу). Этим мы исповедуем, что Исус Христос второй раз придет на землю, чтобы судить живым и мертвым, то есть поаведным и грешным. Праведников поставит по правую руку от Себя и дарует им вечную жизнь, а грешников поставить по левую руку и отошлет в вечные муки. И мы просим помиловать нас, избавить от левого жребия.

При этом и молитву Исусову творим: Господи Исусе Христе Сыне Божии, помилуй мя грешнаго (или: ...помилуй нас). Полагая руку на лоб, говорим: ГОСПОДИ. Этим исповедуем, что Христос – наш Бог и Господь, и сошел с Неба.

Полагая руку на пуп, говорим: ИСУСЕ ХРИСТЕ. Этим мы исповедуем Его плотское рождение, ибо на земле он получил имя Исуса, что значит: Спаситель.

Полагаем на правое плечо и говорим: СЫНЕ БОЖИИ. Сим исповедаем, что Он как Сын Божии сидит справа от Отца.

Полагаем на левое плечо и молим: ПОМИЛУЙ МЯ ГРЕШНОГО, или ПОМИЛУЙ НАС! Этим мы исповедуем, что мы имеем множество грехов и трепещем, боясь праведного за них наказания. Но надеемся на милость Божию и умоляем: помилуй нас, Господи, не поставь по левую руку от Себя на Страшном и праведном Твоем Суде! Креститься нужно так, чтобы тело явственно ощущало прикосновение перстов, а не махать рукою по воздуху.

Есть в Христианстве молитва «Символ Веры», в которой изложены основные догматы нашей веры: «Верую во Единаго Бога Отца Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единаго Господа Исуса Христа, Сына Божия единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век. Света от Света, Бога Истинна от Бога Истинна, рожденна, а не сотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек, и нашего ради спасения сшедшаго с Небес, и воплотившагося от Духа Свята, и Марии Девы вочеловечьшася. Распятаго за ны при Понтийстем Пилате, страдавша и погребенна, и воскресшаго в третии день по Писаниих. И возшедшаго на Небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою, судити живым И мертвым, Егоже Царствию несть конца.

И в Духа Святаго, Господа Истиннаго и Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и с Сыном спокланяема, и сславима, глаголавшаго пророки. И во едину святую Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино Крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвым, и жизни будущаго века. Аминь».

Как видим, основные положения этой важнейшей христианской молитвы символически выражаются через крестное двоеперстное знамение: троичность Бога (Отец, Сын и Святыи Дух), воплощение Христово, распятие, воскресение, вознесение на Небеса, второе пришествие его и суд над живыми и мертвыми. Крестное знамение есть зримый Символ веры! Символ веры нельзя изменять, это строго запрещено церковными правилами. Так и Крестное знамение строго запрещено изменять. Святые отцы Стоглавого собора говорят, что проклят человек, не крестящийся двумя перстами. Поэтому, братие, да будем внимательны и тщательны в совершении этого страшного для диявола и спасительного для нас знамения Креста. Ибо если человек с верой и благоговением его совершает, то от него диявол удаляется со страхом. А кто крестится неправильно или небрежно, о том написано святым Иоанном Златоустом: «Таковому маханию бесы радуются!»

Благодать распятого и воскресшего Господа Исуса Христа да будет со всеми нами! Аминь.

ПРИХОДНЫЕ И ИСХОДНЫЕ ПОКЛОНЫ

(«Малый начал»)

Продолжаем начатое в первом выпуске «Вифлеема» знакомство с христианскими молитвами. Мы уже познакомились с Молитвой Мытаря: «Боже, милостив...» С этой же молитвы начинаются и приходные и исходные поклоны в келье (дома) и в церкви (читаем вслух только выделенное жирным шрифтом):

Бо́же, ми́лостив бу́ди мне́ гре́шному (поклон[1]).

Созда́вый мя́ Го́споди, и поми́луй мя́ (поклон).

Без числа́ согреши́х, Го́споди поми́луй и прости́ мя гре́шнаго (поклон).

Досто́йно е́сть я́ко вои́стину блажи́ти Тя́ Богоро́дице: при́сно Блаже́нную, и Пренепоро́чную, и Ма́терь Бо́га на́шего. Честне́йшую Херуви́м, и Сла́внейшую вои́стину Серафи́м, без истле́ния Бо́га Сло́ва Ро́ждьшую, Су́щую Богоро́дицу Тя́ велича́ем (поклон всегда до земли).

Сла́ва Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху (поклон).

И ны́не и при́сно и во́ веки веко́м, ами́нь (поклон).

Го́споди поми́луй, Го́споди поми́луй, Го́споди благослови́ (поклон).

Отпу́стная молитва: **Го́споди Ису́се Христе́, Сы́не Бо́жии, моли́тв ра́ди Пречи́стыя Ти́ Ма́тере, си́лою Честна́го и Животворя́щаго Креста́, и святы́х А́нгел, Храни́тель на́ших, и все́х святы́х, поми́луй и спаси́ нас, я́ко Бла́г и Человеколю́бец. Ами́нь.** (Поклон без крестного знамения до земли; этот поклон адресован не Богу, а священнику: в церкви – настоятелю, а в келии или дома – заочно своему духовному отцу; поскольку священнику и прочим людям положено кланяться **без крестного знамения**, этот поклон делается «не крестясь», в отличие от основных 7 поклонов, и в счет поклонов не входит).

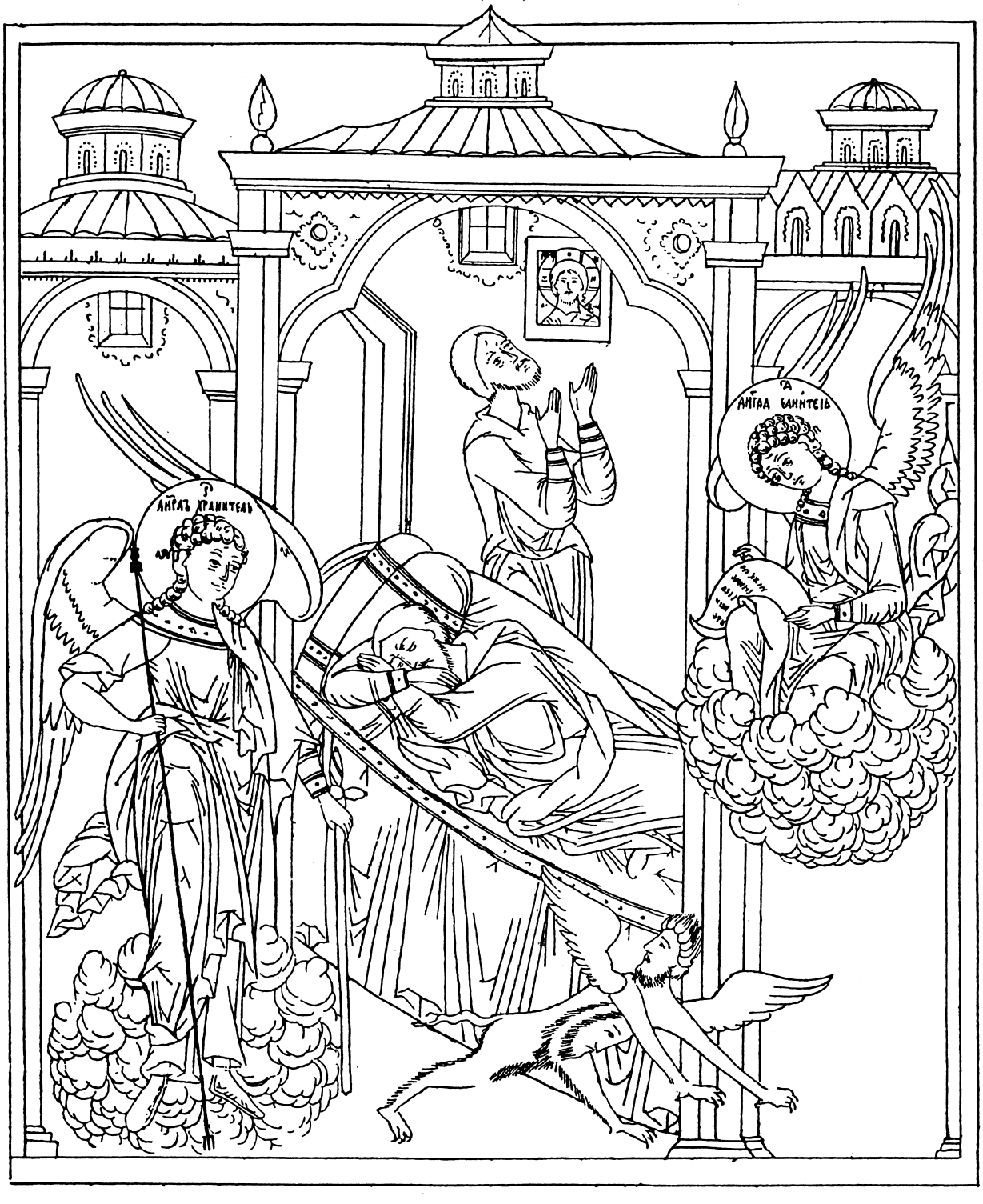
После этого по обычаю **повторяют Молитву Мытаря** (с тремя поясными поклонами).

По уставу, изложенному в предисловии к учебной Псалтыри (XVII век), каждый христианин должен молиться этот «семипоклонный начал», входя и выходя из дома (собираясь идти в церковь или по каким-то делам), входя в церковь и выходя из неё. В **будние** дни, если нет праздника, **все** эти поклоны полагаются **до земли**; в **воскресные и субботние** дни (а также **в праздники с полиелеосом или великим славословием** – это указано в Церковном календаре в 1-м выпуске «Вифлеема») все поклоны **поясные**, кроме поклонов по «Достойно есть» и на отпустной молитве. **В Великий же пост** все эти поклоны **в любые праздники земные**, кроме суббот и воскресных дней, а также праздника Благовещения Пресвятыя Богородицы.

Для лучшего понимания переведём эти молитвы на современный язык.

Молитва Мытаря: *Боже, будь милостив ко мне, грешному! Ты, Господи, создал меня – Ты меня и помилуй! Я весьма много согрешил, – Господи, помилуй и прости меня, грешного!*

[1] Где написано «поклон», нужно оградить себя крестным знамением и поклониться до пояса, а если «поклон до земли» – до земли: ладони положить рядом одну с другой на подручник (чистую подстилку на полу), колени поставить на пол, лбом прикоснуться к рукам, а потом опять встать в полный рост, а не оставаться на коленях.



Величание Пресвятой Богородице: *Воистину подобает ублажать Тебя, Богородица, – всегда блаженную, и пренепорочную, и Мать Бога нашего. Более почитаемую, чем Херувимы, и воистину более славную, чем Серафимы*[2]*, без нарушения девства родившую Бога Слова [Исуса Христа], истинную Богородицу – тебя величаем!*

Эта молитва направлена **против ереси Нестория**, учившего, будто Дева Мария родила не Бога, но человека, и запрещавшего называть Её Богородицею.

[2] Херувимы и Серафимы – названия Ангельских чинов.

Лжеучение Нестория отвергнуто святыми отцами на III Вселенском соборе. Пресвятая Дева во своей пречистой утробе вместила Бога, стала живым Престолом Владыки Ангелов, и поистине стала превыше всякой твари, выше всех Ангельских чинов. И о том, что Её подобает всем поколениям ублажать, Она сама пророчески провозгласила, по Евангелию: «И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, ибо призрел Он на смирение Рабы Своей, и вот, **отныне будут ублажать Меня все роды**; ибо сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его; и милость Его в роды родов на боящихся Его!» **(Лк. 1: 46-50)**.

Интересна история происхождения сей молитвы. Конечная часть её («Честнейшую Херувим») написана преподобным Козьмою, епископом Майумским, жившим в VIII веке. А начало сей молитвы было добавлено позже. В конце X века на Святой Горе Афон в келье подвизались старец и его ученик. Однажды старец ушел на воскресное всенощное бдение в церковь. Пока он отсутствовал, келью посетил некий монах и попросился к ученику на ночлег. В предрассветный час, когда инок и монах-пришелец молились перед иконой Божией Матери «Милостивая», пришло время воспеть, по обычаю, «Честнейшую херувим». Гость неожиданно предварил эту песнь величанием «Достойно есть». Красота песнопения удивила инока, и он попросил гостя записать начало молитвы. Но в келье не оказалось ни чернил, ни пергамена, потому незнакомец взял каменную плиту и стал писать на ней пальцем, как на вощеной дощечке. Закончив писать , он повелел всегда петь именно так, а сам внезапно исчез (по преданию, это был Архангел Гавриил). Инок продолжил петь это дивное величание, когда вернулся старец. О чудесном событии было сообщено патриарху и императору, и камень с начертанною молитвой был отправлен в Константинополь, а икона, которая стала называться «Достойно есть», хранится в афонском монастыре Протат. С тех пор песнопение «Достойно есть» перешло во всеобщее Богослужебное употребление.

Краткое славословие Пресвятой Троице: *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и всегда, и в вечные века, – воистину так!*

Как пишет блаженный Симеон, архиепископ Солунский, эта «песнь во славу Святой Троицы составлена святыми отцами... Мелетием и Флавианом, Антиохийскими патриархами... Это – против Ария[3] и Савеллия[4], нечестиво мысливших. «Слава» – против ариан: потому что едина слава Святой Троицы – и Троица единосущна. «Отцу и Сыну и Святому Духу» – против Савеллия, богохульно проповедовавшего, что Святая Троица есть единое Лицо. «Ныне и присно» и прочее – потому что Троица – Одна и Та же, существует всегда и есть неизменна, и слава Троицы есть ныне и всегда и будет вечно» **(Труды блаженнаго Симеона, архиепископа Фессалоникийскаго. Кн.1. Ответ 284)**.

Господи помилуй, Господи помилуй, Господи благослови. Трижды призывается имя Господа – «в честь Пресвятой Троицы, так как Троица – един Господь – и трижды говорится в честь Троицы: “Свят, свят, свят” (Господь)» **(Труды блаж. Симеона. Там же)**. И мы молимся, дабы Господь в Троице нас помиловал **(Пс. 50:1)** и благословил на молитву и все благие дела.

[3] Арий – еретик, учивший, что Сын (Исус Христос) – не Бог во плоти, а тварь Божия, то есть не признавал Святую Единосущную Троицу.
[4] Савеллий – еретик, сливавший три Лица Святой Троицы в одно и нечестиво учивший, будто вовсе нет Троицы, а одно и то же Лицо называется то Отцом, то Сыном, то Святым Духом.

Отпу́ст: Господи Исусе Христе, Сыне Божии, молитв ради Пречистой Твоей Матери, силой Честнаго и Животворящего Креста, и [ради молитв] святых Ангелов, Хранителей наших, и всех святых, помилуй и спаси нас, поскольку Ты – Благ и Человеколюбец.

Это – знаменитая и драгоценнейшая **Исусова молитва**, но только дополненная призыванием заступничества Пресвятой Богородицы и всех святых (о самой молитве Исусовой, Бог даст, мы напишем подробнее в следующих выпусках «Вифлеема»). Мы просим всеблагого и человеколюбивого Господа помиловать нас не ради наших собственных молитв, которые слабы и нечисты, ибо сказано: *«Неприятна похвала в устах грешника»* ***(Сирах. 16:9)****, – но ради пролитой Им на Кресте за нас Крови, а также ради пречистых молитв Его Матери («****ибо много может молитва Матери для умоления Владыки****», богородичен на 6 Часе), святых Ангелов, приставленных к нам от Него и ходатайствующих за нас пред Богом, по сказанному: «Ангелы их [верных] на Небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного»* ***(Мф. 18: 10)****, – и всех угодивших Богу святых, потому что «они, имея дерзновение к Любящему и Возлюбленному, могут и нас примирить и соединить с Ним»* ***(Творения блаж. Симеона. Кн.2. Ответ 87)***.

Аминь – «истинно так!» *– этим словом, как печатью, заключаются многие молитвословия, ибо мы должны молиться Богу с дерзновенной верой и твердой надеждой на получение просимого, как повелел Сам Господь: «Имейте веру Божию, ибо* ***истинно*** *(«аминь!») говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам:* ***всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» (Мрк. 11: 23-24).***

Итак, мы познакомились с «малым, или семипоклонным, началом». Этот молитвенный чин подобает совершать и востав от сна утром, и перед сном, – и выходя из дому, и возвращаясь в него, – и входя в церковь, и исходя из неё. И при начале и в конце всяких молитв в церкви и дома (вечернего и утреннего правила, церковной службы) по благочестивому обычаю Церкви совершается это краткое молитвословие ко Господу Богу нашему, Которому во Святой Троице подобает честь и слава ныне и вегда, и во́ веки веко́м. Аминь!

Ѹ҆́тренніѧ и҆ вечє́рніѧ молитвы

Вънача́лѣ творѝмъ прихо́дныѧ покло́ны. А҆́ще пра́здникъ, съ полїелеѡ́сомъ и҆лѝ славосло́вїемъ, и҆лѝ дѣнь воскре́сныи и҆лѝ сѹ́бота, всѝ прихо́дніи покло́ны быва́ютъ въ по́ѧсъ, кромѣ̀ по Досто́йно є҆́сть и по ѿпоу́стѣ. А҆́ще ли нѝ, всѝ до земли:

Бж҃е, ми́лостивъ бѹ́ди мнѣ̀ грѣ́шномѹ (покло́нъ).
Ѡ҆здра́вый мѧ̀ гдⷭ҇и, и҆ поми́лѹй мѧ̀ (покло́нъ).
Безъ числа̀ согрѣши́хъ, гдⷭ҇и поми́лѹй и҆ прости̑ мѧ̀ грѣ́шнаго. (покло́нъ).
Досто́йнѡ є҆́сть ꙗ҆́кѡ вои́стиннѹ блажи́ти тѧ̀ бцⷣе[1], при́снѡ блаже́ннѹю, и҆ пренепоро́чнѹю, и҆ мт҃рь бг҃а на́шего. честнѣ́йшѹю херѹві́мъ, и҆ сла́внѣйшѹю вои́стиннѹ серафи́мъ, безъ и҆стлѣ́ніѧ бг҃а сло́ва ро́ждьшѹю, сѹ́щѹю бцⷣѹ тѧ̀ велича́емъ (покло́нъ до земли).
Сла́ва ѻ҆ц҃ѹ, и҆ сн҃ѹ, и҆ ст҃о́мѹ дх҃ѹ(покло́нъ).
И҆ нн҃ѣ и҆ при́снѡ, и҆ во́вѣки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь. Го́споди поми́лѹй (два́жды), го́споди благослови̑ (покло́нъ).
Ѻ҆пѹ́стъ: Гдⷭ҇и і҆и҃се х҃е сы́не бж҃їи, моли́твъ ра́ди пречи́стыѧ твоеѧ̀ мт҃ре, си́лою честна́го и҆ животворѧ́щаго кр҃та, и҆ ст҃ыхъ а҆́нглъ храни́тель на́шыхъ, и҆ всѣ́хъ ра́ди ст҃ыхъ, поми́лѹй и҆ спси мѧ грѣ́шнаго, ꙗ҆́ко бла́гъ и҆ чл҃колю́бецъ. а҆ми́нь. (покло́нъ безъ кре́стнаго зна́менїѧ, до земли).

И҆ по се́мъ нача́лѣ (прихо́дныхъ покло́нѣхъ) благословлѧ́исѧ нача́ти слѹ́жбѹ, творѧ̀ три̑ покло́ны въ по́ѧсъ съ моли́твами:
Бж҃е, ѻ҆чи́сти мѧ̀ грѣ́шнаго и поми́лѹй мѧ̀(покло́нъ). Ѡ҆здра́вый мѧ̀ гн҃, и҆ поми́лѹй мѧ̀(поклон). Безъ числа̀ согрѣши́х, гн҃ прости̑ мѧ̀(поклон).
Посе́мъ глаго́ли ѹ҆́треннїѧ и҆лѝ вечє́рнїѧ мл҃твы. А҆́ще вели́кїи по́стъ (кромѣ̀ сѹбо́т и҆ воскр҃нїи и҆ пра́здниковъ), то̀ всѝ покло́ны на се́мъ моле́нїи земні́и:

За мл҃твъ ст҃ы́хъ ѻ҆ц҃ъ на́шихъ, гн҃ і҆и҃се х҃е сн҃е бж҃їи поми́лѹй на́съ. а҆ми́нь(покло́нъ всегда̀ въ по́ѧсъ).
Ѹ҆́тромъ, ѡ҆граждаѧ́сѧ кр҃тнымъ знаменїемъ, глаго́ли: Сла́ва тебѣ̀ бж҃е на́шъ, сла́ва тебѣ̀, всѧ́ческихъ ра́ди, (три́жды).
Бж҃е ѡ҆чи́сти мѧ грѣ́шнаго, ꙗ҆́кѡ николи́же бл҃го сотвори́хъ пред̾то́бою(покло́нъ),
но и҆зба́ви мѧ̀ ѿ лѹка́ваго, и҆ да бѹ́детъ во мнѣ̀ во́лѧ твоѧ̀(покло́нъ),
да не ѡ҆сѹжде́нно ѿве́рзѹ ѹ҆́ста моѧ̀ недосто́йнаѧ, и҆ восхвалю̀ и҆́мѧ твое̑ ст҃о́е, ѻ҆ц҃а̀ и҆ сн҃а и҆ ст҃а́гѡ дх҃а, ны́нѣ и҆ при́снѡ и҆ во́ вѣ́ки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь(покло́нъ). (Сі̑и три̑ покло́ны быва́ютъ до земли, кромѣ̀ воскр҃ныхъ, сѹбо́тныхъ и҆ пра́здничныхъ дне́й; ве́черомъ же все сі̑е не чита́емъ).
Ве́черомъ и҆ ѹ҆́тромъ, ѡ҆граждаѧ́сѧ лице̑ свое кр҃тнымъ зна́менїемъ, чита́емъ:
Ц҃рю нб҃ный, ѹ҆тѣ́шителю, дш҃е[2] и҆́стинный, и҆́же вездѣ̀ сы́й, и҆ всѧ̀ и҆сполнѧ́ѧ, сокро́вище бл҃гі́хъ, и҆ жи́зни подѧ́телю, прїиди̑ и҆ всели́сѧ в҃ны. и҆ ѡ҆чи́сти ны̑ ѿ всѧ́кїѧ скве́рны, и҆ спаси̑ бла́же дѹ́шѧ на́шѧ.
(А҆́ще ли великїи по́стъ (кромѣ̀ сѹбѡ́тъ и҆ воскр҃нїи и҆ пра́здникѡвъ), то̀ по «Ц҃рю нб҃ный» покло́нъ земны́и вели́кіи.)

Ѻ҆ц҃ы́и бж҃е, ст҃ы́и крѣ́пкїи, ст҃ы́и безсме́ртный, поми́лѹй на́съ.(три́жды, и҆ покло́ны три).
Сла́ва ѻ҆ц҃ѹ и҆ сн҃ѹ и҆ ст҃о́мѹ дх҃ѹ, и҆ нн҃ѣ и҆ при́снѡ и҆ во́вѣки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь.
Прест҃а́ѧ тро́ице поми́лѹй на́съ, гн҃ ѡ҆чи́сти грѣ́хи̑ на́шѧ. влады́ко прости̑ бе́зако́нїѧ на́шѧ. ст҃ы́и посѣти̑ и҆ и҆сцѣли̑ не́мощи на́шѧ, и҆́мене твоегѡ̀ ра́ди.

[1] Богоро́дице
[2] Дѹ́ше, а҆ не дѹ́ше̑, ѿсло́ва дѹ́хъ

Гдⷭ҇и помилꙋй, (три́жды).

Сла́ва ѻ҆ц҃ꙋ и҆ сн҃ꙋ и҆ ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ, и҆ ны́нѣ и҆ при́снѡ и҆ во́вѣки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь.

Ѻ҆ч҃е на́шь, и҆же є҆сѝ на́ нб҃сѣхъ. да ст҃и́тсѧ и҆́мѧ твоѐ. да прїи́детъ ца́рствїе твоѐ. да бꙋ́детъ во́лѧ твоѧ̀, ꙗ҆́кѡ на́ нб҃си и҆ на земли̑. хлѣ́бъ на́шь насꙋ́щный да́ждь на́мъ дне́сь. и҆ ѡ҆ста́ви на́мъ до́лги на́шѧ, ꙗ҆́кѡ же и҆ мы̀ ѡ҆ставлѧ́емъ должникѡ́мъ на́шымъ. и҆ не̑вѣди̑ на́съ во и҆скꙋше́нїе, но̑ и҆зба́ви на́съ ѿ лꙋка́вагѡ.

Гдⷭ҇и і҆ісꙋ х҃е сн҃е бж҃їи помилꙋй на́съ. а҆ми́нь. (покло́нъ въ по́ѧсъ).

Гдⷭ҇и помилꙋй, в҃ы (двана́десѧть).

Ѹ҆́тромъ чтѝ молитвꙋ:

Ѡ҆сна́ воста́въ, бл҃годарю̀ тѧ̀ всест҃а́ѧ тро́ице, ꙗ҆́кѡ мно́гїѧ ра́ди бл҃гости и҆ долготерпѣ́нїѧ непрогнѣ́вался на мѧ̀ грѣ́шнаго, и҆ лѣни́ваго раба̀ твоего̀, и҆ непогꙋби́лъ є҆сѝ мене̑ соѣ́закѡ́нїи мои́ми, но̑ человѣколю́бствова, и҆ внѣ̀ чаѧ̀нїи лежѧ́ща воздви́же мѧ̀, ᲂу҆́треневати и҆ славосло́вити держа́вꙋ твою̀ непобѣ́димꙋю. и҆ ны́нѣ вл҃ко[3] бж҃е престы́н, просвѣти̑ ѻ҆́чи сердца̀ моегѡ̀, и҆ ѿве́рзи мѝ ᲂу҆стнѣ̀ поꙋча́тисѧ словесе́мъ твои́мъ, и҆ разꙋмѣ́ти за́повѣди твоѧ̀, и҆ творити во́лю твою̀, и҆ пѣ́ти тѧ̀ во и҆сповѣ́данїи серде́чнѣмъ, воспѣва́ти же̑ и҆ сла́вити пречестно́е и҆ великолѣ́пое и҆́мѧ твоѐ, ѻ҆ц҃а́ и҆ сн҃а́ и҆ ст҃а́го дх҃а, ны́нѣ и҆ при́снѡ и҆ во́вѣки вѣко́мъ, а҆ми́нь.

Ве́черомъ же̑ сеѧ̀ мл҃твы не глаго́лемъ, но̑ глаго́лемъ:

Сла́ва ѻ҆ц҃ꙋ и҆ сн҃ꙋ и҆ ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ, и҆ ны́нѣ и҆ при́снѡ и҆ во́вѣки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь.

Пото́мъ и҆ ᲂу҆́тромъ, и҆ ве́черомъ глаго́лемъ:

Прїи́дѣте поклони́мсѧ царе́ви на́шемꙋ бг҃ꙋ (покло́нъ).

Прїи́дѣте поклони́мсѧ х҃ꙋ,[4] царе́ви и҆ бг҃ꙋ на́шемꙋ (покло́нъ).

Прїи́дѣте поклони́мсѧ и҆ припадѐмъ, къ самомꙋ гдⷭ҇ꙋ і҆сꙋ х҃ꙋ, царе́ви и҆ бг҃ꙋ на́шемꙋ (покло́нъ).

Та́же, ѱало́мъ, пѧтьдесѧ́тный.

Помилꙋй мѧ̀ бж҃е, по̑вели́цѣй ми́лости твоѐй. И҆ помно́жествꙋ щедрѡ́тъ твои́хъ, ѡ҆чи́сти бе́закѡ́нїе моѐ. Наипа́че ѡ҆мы́й мѧ̀ ѿ бе́закѡ́нїѧ моегѡ̀, и҆ ѿ грѣха̀ моегѡ̀ ѡ҆чи́сти мѧ̀. Ꙗ҆́кѡ бе́закѡ́нїе моѐ а҆́зъ зна́ю, и҆ грѣ́хъ мо́й предо мно́ю є҆́сть вы́нꙋ. Тебѣ̀ є҆ди́номꙋ согрѣши́хъ, и҆ лꙋка́вое предъ тобо́ю сотворихъ. Ꙗ҆́кѡ да ѡ҆правди́шисѧ въсловесѣ́хъ свои́хъ, и҆ побѣди́ши внегда̀ сꙋди́ти. Се̑ бо̑ въ бе́закѡ́нїихъ зача́тъ є҆́смь, и҆ вогрѣсѣ́хъ роди́ мѧ̀ ма́ти моѧ̀. Се̑ бо̑ и҆́стинꙋ возлюби́лъ є҆сѝ, безвѣ́стнаѧ и҆ та́инаѧ премꙋ́дрости твоѧ̀, ꙗ҆́вилъ мѝ є҆сѝ. Ѡ҆кропи́ши мѧ̀ и҆ссо́помъ, и҆ ѡ҆чи́щꙋсѧ. ѡ҆мы́еши мѧ̀, и҆ па́че снѣ́га ᲂу҆бѣ́люсѧ. Слꙋ́хꙋ моемꙋ̀ да́си ра́дость и҆ весе́лїе, возра́дꙋются ко́сти смире́нныѧ. Ѡ҆брати̑ лице̑ твоѐ ѿ грѣ́хъ мои́хъ, и҆ всѧ̀ бе́закѡ́нїѧ моѧ̀ ѡ҆чи́сти. Сердце чи́стѡ созижди во мнѣ̀ бж҃е, и҆ дх҃ъ пра́въ ѡ҆бнови̑ во ᲂу҆тро́бѣ моѐй. Не ѿве́рзи мене̑ ѿ лица̀ твоегѡ̀, и҆ дх҃а твоегѡ̀ ст҃а́гѡ не ѿи́ми ѿ мене̑. Воздаѧ́ждь мѝ ра́дость спасе́нїѧ твоегѡ̀, и҆ дх҃омъ влады́чнымъ ᲂу҆твердѝ мѧ̀. Нꙋ́чю бе́закѡ́нныѧ пꙋтѐмъ твои́мъ, и҆ нечести́вїи ко̑ тебѣ̀ ѡ҆братѧ́тсѧ. Ізбави̑ мѧ̀ ѿ кровѐй бж҃е, бж҃е спасе́нїѧ моегѡ̀, возра́дꙋется ꙗ҆зы́къ мо́й пра́вдѣ твоѐй. Гдⷭ҇и ᲂу҆стнѣ̀ мои̑ ѿве́рзеши, и҆ ᲂу҆ста̀ моѧ̀ возвѣстѧ́тъ хвалꙋ̀ твою̀. Ꙗ҆́кѡ а҆́ще бы̀ восхотѣ́лъ же́ртвы, да́лъ бы́хъ ᲂу҆́бѡ. всесожже́нїѧ не бл҃говоли́ши. Же́ртва бг҃ꙋ дх҃ъ сокрꙋше́нъ. срце̑[5] сокрꙋше́но и҆ смире́но, бг҃ъ не ᲂу҆ничижи́тъ. Ꙋ҆блажи̑ гдⷭ҇и бл҃говоле́нїемъ твои́мъ сі҃ѡна, и҆ да созижду́тсѧ стѣ́ны і҆ерусали́мскїѧ. Тогда̀ бл҃говоли́ши же́ртвꙋ пра́вды, возноше́нїе и҆ всесожига́емаѧ. Тогда̀ возложа́тъ на ѻ҆лта́рь твои́й тельцѧ.

И҆сповѣ́данїе правосла́вныѧ вѣ́ры, пе́рвагѡ собо́ра:

Вѣ́рꙋю во є҆ди́наго бг҃а ѻ҆ц҃а̀ вседержи́телѧ, творца̀ нб҃ꙋ и҆ земли̑, ви́димымъ же всѣ́мъ и҆ неви́димымъ. И҆ во є҆ди́наго гдⷭ҇а і҆сꙋ х҃а сн҃а бж҃їѧ, є҆диноро́днаго, и҆́же ѿ ѻ҆ц҃а̀ рожде́ннаго пре́жде всѣ́хъ вѣ́къ. Свѣ́та ѿ̀ свѣта, бг҃а и҆́стинна ѿ̀ бг҃а и҆́стинна, рожде́на а҆ не сотворе́на, є҆диносꙋ́щна ѻ҆ц҃ꙋ, и҆́мъ же всѧ̀ бы́ша. На́съ ра́ди человѣ́къ, и҆ на́шегѡ ра́ди спасе́нїѧ, сше́дшагѡ с҃ небе́съ, и҆ воплоти́вшагосѧ

[3] Влады́ко
[4] Христꙋ
[5] Сердце

ѿтъ дх҃а ст҃а, и҆ мр҃іи дв҃ы вочеловѣ́чьшасѧ. Распѧ́таго за ны̀ припонтѝйстѣмъ пила́тѣ, страда́вша и҆ погребе́на, и҆ воскре́сѣшаго в҆ тре́тїи дѐнь по писа́нїихъ. И҆ возше́дшаго на небеса̀, и҆ сѣдѧ́ща ѻ҆деснꙋ́ю ѻ҆ц҃а̀. И҆ па́ки грѧдꙋ́щаго со сла́вою, сꙋди́ти живы́мъ и҆ ме́ртвымъ, є҆го́же ца́рствїю нѣ́сть конца̀.

Втора́гѡ собо́ра:

И҆ въ дх҃а ст҃а́го, гдⷭ҇а и҆́стиннаго, и҆ животворѧ́щаго, и҆́же ѿ ѻ҆ц҃а̀ и҆сходѧ́щаго, и҆́же со ѻ҆ц҃е́мъ и҆ сн҃омъ съпокланѧ́ема, и҆ сосла́бима, глаго́лавшаго пророки. И҆ во є҆ди́нꙋ ст҃ꙋ́ю собѡ́рнꙋю, и҆ а҆пⷭ҇то́льскꙋю цр҃ко́вь. И҆сповѣ́дꙋю є҆ди́но креще́нїе, во ѡ҆ставле́нїе грѣхѡ́въ. Чаю воскресе́нїѧ ме́ртвымъ. И҆ жи́зни бꙋ́дꙋщагѡ вѣ́ка, а҆́минь.

Пото́мъ глаго́ли моли́твы, и҆лѝ ѱ҃а́мы, и҆лѝ покло́ны творѝ по си́лѣ. а҆́ще хо́щеши, моли́сѧ по нижепи́санномꙋ. а҆́щели не хо́щеши, преи҆дѝ сра́зꙋ ни́же, на молитвꙋ, Досто́йно є҆́сть.

Ц҃е дв҃о ра́дꙋйсѧ, ѡ҆бра́дованнаѧ мр҃іе, гдⷭ҇ь[6] с҆ тобо́ю, бл҃гослове́нна ты̀ въ жена́хъ, и҆ бл҃гослове́нъ пло́дъ чре́ва твоегѡ, и҆́кѡ родила̀ є҆сѝ хⷭ҇а спⷭ҇а[7], и҆зба́вителѧ дш҃а́мъ на́шымъ (трѝжды с покло́ны).

Ѿ всепѣ́таѧ мт҃и, ро́ждьшаѧ всѣ́хъ ст҃ы́хъ ст҃ѣ́йшее сло́во, ны́нѣшнее приноше́нїе прїе́мши, ѿ всѧ́кїѧ напа́сти и҆зба́ви всѣ́хъ, и҆ грѧдꙋ́щїѧ и҆змѝ моу́ки, вопїѧ́щыѧ ти̑, а҆ллилоу́їа (трѝжды с покло́ны земны́ми).

Непобѣди́маѧ и҆ боже́ственнаѧ си́ла честна́гѡ и҆ животворѧ́щаго креста̀ госпо́днѧ, не ѡ҆ста́ви мѧ̀ грѣ́шнаго, ѹ҆пова́ющаго на тѧ̀ (покло́нъ).

Пресвѧ́таѧ вл҃ще моѧ̀ бц҃е[8], поми́лꙋй мѧ̀ и҆ спⷭ҇и мѧ̀, и҆ помози́ мѝ нн҃ѣ в҆ жи́зни се́й, и҆ во и҆хо́дъ дш҃и̑ моеѧ̀, и҆ в҆ боу́дꙋщемъ вѣ́цѣ (покло́нъ).

Всѧ̑ небе́сныѧ си́лы, ст҃ѣ́и а҆́нгли и҆ а҆рха́нгли, херꙋви́ми и҆ серафи́ми, поми́лꙋйте мѧ̀, и҆ помоли́тесѧ ѡ҆ мнѣ̀ ко́ господꙋ бг҃ꙋ, и҆ помозите мѝ нн҃ѣ в҆ жи́знисе́й, и҆ во и҆хо́дъ дш҃и̑ моеѧ̀, и҆ в҆ боу́дꙋщемъ вѣ́цѣ (покло́нъ).

А҆́нгле хв҃ъ[9] храни́телю мо́й ст҃ы́и, поми́лꙋй мѧ̀ и҆ помоли́сѧ ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ ко́ гдⷭ҇ꙋ[10] бг҃ꙋ, и҆ помозѝ мѝ нн҃ѣ в҆ жи́зни се́й, и҆ во и҆хо́дъ дш҃и̑ моеѧ̀, и҆ в҆ боу́дꙋщемъ вѣ́цѣ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃ы́и вели́кїи і҆ѡа́нне, прⷪ҇ро́че и҆ предоте́че господе́нь, поми́лꙋй мѧ̀, и҆ помоли́сѧ ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ ко́ гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ, и҆ помози́те мѝ нн҃ѣ в҆ жи́зни се́й, и҆ во и҆хо́дъ дш҃и̑ моеѧ̀, и҆ в҆ боу́дꙋщемъ вѣ́цѣ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и сла́вніи а҆пⷭ҇то́ли, проро́цы и҆ мч҃нцы, свѧти́телїе, преподо́бніи и҆ пра́ведніи, и҆ всѝ ст҃і́и, поми́лꙋйте мѧ̀ и҆ помоли́тесѧ ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ ко́ гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ, и҆ помози́те мѝ нн҃ѣ в҆ жи́зни се́й, и҆ во и҆хо́дъ дш҃и̑ моеѧ̀, и҆ в҆ боу́дꙋщемъ вѣ́цѣ (покло́нъ).

Зате́мъ чита́й трѝжды:

Гдⷭ҇и і҆сⷭ҇е хⷭ҇е сн҃е бж҃їи, поми́лꙋй мѧ̀ грѣ́шнаго (покло́нъ).

Сла́ва гдⷭ҇и крестоу̀ твоемоу̀ честно́мꙋ (покло́нъ).

Пресвѧ́таѧ госпоже бц҃е, спⷭ҇и мѧ̀ грѣ́шнаго раба̀ твоего̀ (покло́нъ).

А҆́нгле христо́въ, храни́телю мо́й ст҃ы́и, спⷭ҇и мѧ̀ грѣ́шнаго раба̀ твоегѡ̀ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и а҆рха́нгли и҆ а҆́нгли, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃ы́и вели́кїи і҆ѡа́нне, проро́че и҆ предоте́че, крⷭ҇ти́телю гдⷭ҇нь, моли̑ бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃ы́и сла́вныи проро́че И҆лїе̑, моли̑ бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и пра́ѻтцы, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и проро́цы, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и а҆по́столи, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и сла́вніи а҆по́столи и҆ є҆ѵангели́сти матѳе́е, ма́рко, лꙋ́кѡ и҆ і҆ѡа́нне бг҃осло́ве, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и сла́вніи верхо́вніи а҆пⷭ҇ли пе́тре и҆ па́ѵле, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

Ѻ҆ст҃і́и вели́цїи трїе̑ ст҃лїе̑, васи́лїе вели́кїи, григо́рїе бг҃осло́ве и҆ і҆ѡа́нне ѕлатоꙋ́сте, моли́те бг҃а ѡ҆ мнѣ̀ грѣ́шнѣмъ (покло́нъ).

[6] Господь
[7] христа спаса
[8] Богоро́дице
[9] христо́въ
[10] ко Господꙋ

Отлю хвъ николе, моли бга ѡ мнѣ грѣшнѣмъ (поклонъ).

Прпбнїи[11] и богоносцїи ѻцы наши, пастырїе и оучителїе вселеннѣи, молите бга ѡ мнѣ грѣшнѣмъ (поклонъ).

Отцїи вси, молите бга ѡ мнѣ грѣшнѣмъ (поклонъ).

Затемъ помолисѧ стомоу своемоу, егоже имѧ носиши.

Затѣмъ читаи трижды, съ поклоны, молитвоу ѡ здравїи:

Милостиве ги, спаси и помилоуи рабъ своихъ, імкъ[12] (назови имена живыхъ, ѡ комъ хощеши помолитисѧ: первосвѧтителѧ цркви, своего дховнаго ѻца, родныхъ и близкихъ; поклонъ въ поѧсъ).

И ізбави ихъ ѿ всѧкїѧ скорби, гнѣва и нужды (поклонъ въ поѧсъ).

О всѧкїѧ болѣзни, дшевныѧ и телесныѧ (поклонъ).

И прости имъ всѧкое согрѣшенїе, вольное и невольное (поклонъ въ поѧсъ).

И дшѧмъ нашымъ полезнаѧ сотвори (поклонъ въ поѧсъ).

Затѣмъ читаи трижды, съ поклоны, молитвоу злоупокои:

Покои ги дшѧ оусопшихъ рабъ своихъ, імкъ (назови имена оумершихъ православныхъ хртїанъ, ѡ комъ хощеши помолитисѧ; поклонъ въ поѧсъ).

И елика в житїи семъ ꙗко чловѣцы согрѣшиша, ты же ꙗко чловѣколюбецъ бгъ, прости ихъ и помилоуи (поклонъ въ поѧсъ).

И вѣчныѧ моуки избави (поклонъ въ поѧсъ).

Небесномоу царьствїю причастники оучини (поклонъ въ поѧсъ).

И дшѧмъ нашымъ полезнаѧ сотвори (поклонъ въ поѧсъ).

Затѣмъ читаи молитвы:

Ги, или словомъ, или дѣломъ, или помышленїемъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилоуи мѧ и прости мѧ, млти твоеѧ ради (поклонъ земныи).

Все оуповаїе мое, к тебѣ возлагаю, мти бжїѧ, сохрани мѧ во своемъ си кровѣ (поклонъ).

Оуповаїеми бгъ, и прибѣжище мое хсъ, и покровительми есть дхъ стыи (поклонъ).

Аще не великїи постъ, чти посемъ млтвоу:

Достойно есть ꙗкѡ воистинноу блажити тѧ бцѣ, присно блаженноую, и пренепорочноую, и мтрь бга нашего. честнѣйшоую херовимъ, и славнѣйшоую воистинноу серафимъ, безъ истлѣнїѧ бга слова рождьшоую, соущоую бцоу тѧ величаемъ (поклонъ до земли всегда).

Аще ли великїи постъ (кромѣ соботъ и воскрснїи и праздниковъ), вмѣсто сеѧ молитвы творимъ седмь надесѧть земныхъ поклоновъ:

а҃. Честнѣйшоую херовимъ, и славнѣйшоую воистинноу серафимъ, безъ истлѣнїѧ бга слова рождьшоую, соущоую бцоу тѧ величаемъ (поклонъ земныи великїи).

Именем господним блгви, оче.

За молитвъ стыхъ ѻцъ нашихъ, ги исе хе сне бжїи, помилоуи нас. амиинь (поклонъ всегда въ поѧсъ).

Млтва стаго ефрема сирина:

в҃. Ги и владыко животоу моемоу, дхъ оунынїѧ и небрежнїѧ, сребролюбїѧ и празднословїѧ ѿжени ѿ мене (поклонъ земныи великїи).

г҃. Дхъ же цѣломоудрїѧ и смиренїѧ, терпѣнїѧ и любве, даруими рабоу твоемоу (поклонъ земныи великїи).

д҃. Еи, ги царю, даждь ми зрѣти моѧ согрѣшенїѧ, и еже не ѡсоуждати брата моего, ꙗкѡ блгословенъ еси вовѣки, амиинь (поклонъ земныи великїи).

И дрогихъ двана́десѧть метанїи, или поклонѡвъ земныхъ излегка, глѧ въ себѣ:

е҃-ѕ҃. Ги исе хе сне бжїи, помилоуи мѧ грѣшнаго (двѧжды, съ земными поклоны).

[11] преподобнїи
[12] имѧ рекъ

з҃. Бж҃е, милостивъ бꙋди мнѣ грѣшномꙋ (поклонъ земный).
и҃. Бж҃е, ѡ҆чисти грѣхи мѡѧ̀, и҆ помилꙋй мѧ̀ (поклонъ земный).
ѳ҃. Ѡ҆здавый мѧ̀ гн҃и, помилꙋй (поклонъ земный).
і҃. Без числа̀ согрѣшихъ, гн҃и прости̑ мѧ̀ (поклонъ земный).
а҃і҃–в҃і҃. паки повторѧ́ются сіи ѕ҃ поклонѡвъ.
в҃і҃. Затемъ глаголемъ вышеписанꙋю мл҃твꙋ ст҃агѡ є҆фре́ма сирина (в҃–д҃), и҆ поклонъ є҆динъ великій:
Гн҃и, и҆ влко животоу̀ моемоу̀, дꙋхъ оу҆ныніѧ̀ и҆ небреженіѧ̀, сребролю́біѧ и҆ празднословіѧ ѿжени̑ ѿ мене̑. дх҃ъ же цѣломꙋдріѧ̀ и҆ смиренію̀, терпѣніѧ̀ и҆ любве̑, да́рꙋй ми̑ рабꙋ твоемꙋ. є҆й, гн҃и цр҃ю, да́ждь ми зрѣ́ти моѧ̀ согрѣшенія̀, и҆ є҆же не ѡ҆ꙋжда́ти бра́та моего̀, ꙗ҆́кѡ бл҃гословенъ є҆сѝ во вѣ́ки, а҆ми́нь (поклонъ земный великій).
Пото́мъ, и҆ въ по́стъ, и҆ не въ по́стъ, глаго́ли заключи́тельныѧ моли́твы:
Сла́ва ѻ҆ц҃ꙋ, и҆ сн҃ꙋ, и҆ ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ (поклонъ).
И҆ нн҃ѣ и҆ при́снѡ, и҆ во вѣ́ки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь (поклонъ).
Гн҃и помилꙋй, гн҃и помилꙋй, гн҃и бл҃гсвѝ (поклонъ).
Ѡ҆пꙋ́стъ: Гн҃и і҃се х҃е сы́не бж҃іи, моли́твъ ра́ди пречи́стыѧ твоеѧ̀ мт҃ре, и҆ преподо́бныхъ и҆ бг҃оно́сныхъ ѻ҆те́цъ на́шихъ, и҆ всѣ́хъ ра́ди ст҃ы́хъ, помилꙋй и҆ спсѝ мѧ̀ грѣ́шнаго, ꙗ҆́ко бла́гъ и҆ человѣколю́бецъ. а҆ми́нь.
Зате́мъ проще́ніе (наклони́вшись до земли̑, не крестѧ́сь, чита́й):
Ѡ҆сла́би, ѡ҆ста́ви, ѡ҆пꙋ́сти бж҃е, согрѣше́ніѧ на́шѧ, во́льнаѧ и҆ нево́льнаѧ, ꙗ҆̀же въ сло́вѣ и҆ въ дѣ́лѣ, и҆ ꙗ҆̀же въ вѣ́дѣніи и҆ не вѣ́дѣніи, и҆ ꙗ҆̀же во ᲂу҆мѣ̀ и҆ въ помышле́ніи, ꙗ҆̀же во дни̑ и҆ въ нощѝ, всѧ̀ мѧ̀ прости̑, ꙗ҆́ко бла́гъ и҆ человѣколю́бецъ.

Воста́въ, чита́й мл҃твꙋ сію̀:
Ненави́дѧщихъ и҆ ѡ҆би́дѧщихъ на́съ, прости̑ гн҃и человѣколю́бче (поклонъ въ по́ѧсъ).
Бл҃го творѧ́щымъ, бла́го сотвори̑. бра́тіѧмъ и҆ всѣ́мъ сро́дникѡмъ на́шымъ, и҆̀же и҆ оу҆єдини́вшимсѧ, да́рꙋй и҆̀мъ всѧ̀ и҆̀же ко спасе́нію проше́ніѧ, и҆ живо́тъ вѣ́чный (поклонъ въ по́ѧсъ).
Въ болѣ́знехъ сꙋ́щыѧ посѣти̑ и҆ и҆сцѣли̑, в҃ темни́цахъ сꙋ́щихъ свободи̑. по вода́мъ пла́вающымъ прави́тель бꙋди, и҆ и҆̀же въ пꙋте́хъ ше́ствꙋющымъ, и҆спра́ви и҆ поспѣши̑ (поклонъ въ по́ѧсъ).
Помѧни̑ гн҃и и҆ плѣне́ныѧ бра́тію на́шю, є҆диновѣ́рныхъ правосла́вныѧ вѣ́ры, и҆ и҆зба́ви и҆̀хъ всѧ́каго ѕла́го ѡ҆бстоѧ́ніѧ (поклонъ въ по́ѧсъ).
Поми́лꙋй гн҃и, да́вшихъ на́мъ ми́лостыню, и҆ заповѣ́давшихъ на́мъ недосто́инымъ моли́тисѧ ѡ҆ ни́хъ, прости̑ и҆̀хъ и҆ поми́лꙋй (поклонъ въ по́ѧсъ).
Поми́лꙋй гн, трꙋжда́ющихсѧ и҆ слꙋжа́щихъ на́мъ, ми́лꙋющихъ и҆ пита́ющихъ на́съ, и҆ да́рꙋй и҆̀мъ всѧ̀, и҆̀же ко спасе́нію, проше́ніѧ, и҆ живо́тъ вѣ́чный (поклонъ въ по́ѧсъ).
Помѧни̑ гн҃и пре́жде ѿше́дшіѧ ѻ҆ц҃ы̀ и҆ бра́тію на́шю, и҆ всели̑ и҆̀хъ и҆дѣ́же присѣща́етъ свѣ́тъ лица̀ твоегѡ̀ (поклонъ въ по́ѧсъ).
Помѧни̑ гн҃и и҆ на́шю хꙋ́дость и҆ оу҆бо́жество, и҆ просвѣти̑ на́шъ оу҆́мъ, свѣ́томъ ра́зꙋма ст҃а́гѡ є҆ва́нгеліѧ твоегѡ̀, и҆ наста́ви на́съ на стезю̀ заповѣ́дей твои́хъ, мл҃твами пречи́стыѧ твоеѧ̀ мт҃ре, и҆ всѣ́хъ ст҃ы́хъ твои́хъ, а҆ми́нь (поклонъ въ по́ѧсъ).

Послѣ́ди же̑, прекрести́вѣсѧ, глаго́ли мл҃твꙋ честно́мꙋ крестꙋ:
Да воскре́снетъ бг҃ъ, и҆ разсы́пꙋтсѧ врагѝ є҆гѡ̀, и҆ да бѣжа́тъ ѿ лица̀ є҆гѡ̀ ненави́дѧщии є҆го̀. ꙗ҆́кѡ и҆счеза́етъ дымъ, да и҆счезнꙋ́тъ. ꙗ҆́кѡ та́етъ воскъ ѿ лица̀ ѻ҆гнѧ̀, та́кѡ да погибнꙋ́тъ бѣ́си ѿ лица̀ любѧ́щихъ бг҃а и҆ зна́менающихсѧ кре́стнымъ зна́меніемъ (ѡ҆гради̑ себе̑ кре́стнымъ зна́меніемъ). И҆ да возвесели́мсѧ рекꙋ́ще: ра́дꙋйсѧ кресте господе́нь, прогонѧ́ѧ бѣ́сы си́лою на тебѣ̀ пропѧ́тагѡ гн҃а на́шегѡ і҆с҃а х҃а, во а҆́дъ сше́дшагѡ и҆ попра́вшагѡ си́лꙋ дїа́волю, и҆ да́вшаго на́мъ кре́стъ свои́ честны́и на прогна́ніе всѧ́кого сꙋпоста́та. Ѡ҆ пречестны́и и҆ животворѧ́щїи кре́сте господе́нь, помога́й ми̑ со пресвѧ́тою госпожею̀ бц҃ею, и҆ со всѣ́ми ст҃ыми небе́сными си́лами, всегда́: и҆ нн҃ѣ, и҆ при́снѡ, и҆ во вѣ́ки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь.

И та́кѡ помоли́всѧ, и҆ предѡ́чистивъ себѐ, цѣлоу́и крⷭ҇тъ свои́, и҆́же но́сши на пе́рсѣхъ свои́хъ, и҆ зна́менавсѧ (прекрести́всѧ) и҆́мъ, гл҃и:

Гдⷭ҇и і҆и҃се хе҃ сы́не бж҃іи, бл҃гословѝ и҆ ѡ҆стѝ и҆ сохранѝ мѧ̀, си́лою крⷭ҇та̀ живоно́снагѡ тⷭ҇и.

И творѝ и҆схо́дныѧ покло́ны:

Бж҃е, ми́лостивъ бꙋ́ди мнѣ̀ грѣ́шномꙋ (покло́нъ).

Созда́выи мѧ̀ гдⷭ҇и, и҆ поми́лꙋй мѧ̀ (покло́нъ).

Безъ числа̀ согрѣши́хъ, гдⷭ҇и поми́лꙋй и҆ прости̑ мѧ̀ грѣ́шнаго (покло́нъ).

Досто́йнѡ є҆́сть ꙗ҆́кѡ воі҆́стинꙋ блажи́ти тѧ̀ бцⷣ҇е, при́снѡ блаже́ннꙋю, и҆ пренепоро́чнꙋю, и҆ мт҃рь бг҃а на́шегѡ. честнѣ́йшꙋю херꙋви́мъ, и҆ сла́внѣйшꙋю воі҆́стинꙋ серафи́мъ, безъ и҆стлѣ́нїѧ бг҃а сло́ва ро́ждьшꙋю, сꙋ́щꙋю бцⷣꙋ тѧ̀ велича́емъ (покло́нъ до земли̑ всегда).

Сла́ва ѻ҆ц҃ꙋ, и҆ сн҃ꙋ, и҆ ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ (покло́нъ).

И нн҃ѣ и҆ при́снѡ, и҆ во́вѣки вѣкѡ́мъ, а҆ми́нь(покло́нъ).

Гдⷭ҇и поми́лꙋй, гдⷭ҇и поми́лꙋй, гдⷭ҇и бл҃гвѝ (покло́нъ).

Ѻпꙋ́стъ: Гдⷭ҇и і҆и҃се хе҃ сы́не бж҃іи, моли́твъ ра́ди пречи́стыѧ твоеѧ̀ мт҃ре, си́лою честна́го и҆ животворѧ́щаго крⷭ҇та̀, и҆ ст҃ы́хъ а҆́нгелъ храни́тель на́шихъ, и҆ всѣ́хъ ра́ди ст҃ы́хъ, поми́лꙋй и҆ сп҃сѝ мѧ̀ грѣ́шнаго, ꙗ҆́ко бла́гъ и҆ чл҃колю́бецъ. а҆ми́нь. (покло́нъ безъ кре́стнаго зна́менїѧ, до земли̑).

(А҆́ще пра́здникъ, и҆лѝ дн҃ь воскре́сный и҆лѝ сꙋбо́та, всѝ сіѝ покло́ны въ по́ѧсъ, кромѣ̀ по Досто́йно є҆́сть и҆ по ѿпоу́стѣ. а҆́ще ли ни, всѝ до земли̑.)

И по ѡ҆бы́чаю па́ки творѝ трѝ покло́ны, въ по́ѧсъ:

Бж҃е, ми́лостив бꙋ́ди мнѣ̀ грѣ́шномꙋ(покло́нъ).

Созда́выи мѧ̀ гдⷭ҇и, и҆ поми́лꙋй мѧ̀ (покло́нъ).

Безъ числа̀ согрѣши́хъ, гдⷭ҇и поми́лꙋй и҆ прости̑ мѧ̀ грѣ́шнаго(покло́нъ).

Иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго, Толкование на псалом пятидесятый.

Содержание: Давыд воспевает этот псалом, содержащий в себе исповедь в двух преступлениях: в убийстве Урии и в прелюбодеянии с Вирсавиею. Он указывает и всем людям спасительный путь покаяния, как некое искусство непрестанно одерживать победу над врагом. Ибо всегда заботящийся о покаянии и совершающий его оказывается победителем непрестанно нападающего (врага). Вводит в псалом и пророчество о будущем общем избавлении от грехов в святом крещении, говоря: окропиши мя, и учение о служении духом. Наконец показывает, что сохранен у него дар пророчества, потому что не просит даровать ему оный, как лишенный уже дара, а умоляет только не отнимать дара, говоря: не отыми от мене.

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей. Поелику грех велик, то просит у Бога и великой милости. ***И по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое***. Божии только щедроты могут омыть руки, оскверненные убийством. Но, чтобы еще более уяснить сказанное, говорит: *(4)* ***наипаче омый мя***. И здесь просит о полноте очищения, чтобы из всего была видна важность прегрешения. Или: поелику Нафан сказал уже ему о прощении греха, и различные бедствия много уменьшили оный, то говорит теперь: имею нужду в очищениях и омовениях, чтобы совершенно была истреблена и глубоко внедрившаяся скверна.

Наипаче омый мя от беззакония моего, т. е. от беззакония убийства, ***и от греха моего очисти мя***, т. е. от греха прелюбодеяния. Должно же знать, что грех есть отпадете от добра, а беззаконие — погрешение против Божественного Закона. Таково начало и греха и беззакония. В этом они и сходны между собою. Ибо согрешающий уклоняется от цели, которая в природе его и сообразна с нею, а цель человеческой природы — жить по разуму, избегая неразумия. Но и беззаконный также, живя невоздержно, погрешает против закона, какой дан ему в естестве. А посему и ученик Христов, Апостол Иоанн, справедливо сводит во едино и грех, и беззаконие, сказав: *Всякий, делающий грех, делает и беззаконие (1 Ин. 3, 4)*. Иначе сказать: грех сходен с беззаконием, потому что всякий, поступающий беззаконно, грешит.

Яко беззаконие мое аз знаю. И это сказал об убийстве. И грех мой предо мною есть выну. Всюду обносит с собою памятование о грехе прелюбодеяния, потому что не оставляет его грех сей и не отступает от него, но всегда пребывает с ним и мучит его.

Тебе Единому согреших, и лукавое пред Тобою сотворих. То есть, от очей всякого человека скрывшись в беззаконии, не укрылся от Твоих только

очей. Потому и говорит: и *лукавое пред Тобою сотворих*. Воспользовавшись от Тебя многим, воздал за сие противоположным тому. Впрочем, не то разумеет, будто бы не сделал несправедливости Урии: ибо можно ли было сказать сие? Но говорит, что дерзнул на величайшее беззаконие пред Богом, Который избрал его и из пастуха соделал царем, или, поелику, укрывшись от очей всякого, не укрылся от очей Божиих, а напротив того, обличен пророком, или, поелику, как царь, не подлежал закону человеческому, но, как Богочестивый, был повинен единому Богу, или, поелику не обличил его никто из людей, вразумил же единый Бог, то говорит: *Тебе, единому согреших:* ***яко да оправдишися во словесех Твоих***. Ты меня, преступившего закон, обличил чрез пророка. Ты праведен, Ты всегда избавлял меня от врагов, Ты почтил меня царским саном и даром пророчества, а я — мерзок и убийца. ***И победиши внегда судити.*** Это — признание, или исповедание в грехах.

Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Первоначальным намерением Божиим было, чтобы мы рождались не чрез брак и тление, преступление же заповеди ввело брак вследствие беззакония Адама, т. е. вследствие уклонения от данного ему Богом Закона. Итак, все, рождаемые от Адама, зачинаются во грехах, подпадая осуждению Прародителя. А сказанное: и во гресех роди мя мати моя — означает, что общая всем нам Матерь — Евва — первая породила грех, как возжелавшая удовольствия. Потому и о нас, подпадших осуждению Матери, говорится, что и мы рождаемся во грехах. Давыд показывает, как человеческая природа изначала в преступлении Еввы подпала греху, и как рождение стало подлежать проклятию. Ведет же слово от времен первобытных, желая показать величие Божия дара.

Се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоея явил ми еси. Смысл речи таков: Ты, Господи, Ты, Который — истина, любишь истину, и хочешь, чтобы мы пребывали в истине, очистишь нас от древнего греха, и очистишь иссопом, так что убедимся паче снега. Иссопу же уподобляет действенность Святого Духа, как возгревающую нас и очищающую всякую в нас скверну. А очищение совершится *иссопом*, т. е. Святым Духом; потому что иссоп есть растение очищающее. Наконец, словами: *безвестная и тайная премудрости Твоея явил ми еси*, – дает разуметь, что Бог открыл ему Духом Святым все, что будет, и что положил Он в Своей премудрости.

Окропиши мя иссопом и очищуся. Сказав: Ты дал Божественные законы и уставы, присовокупляет еще большее: Ты даровал в законах некие очищения и чрез окропление иссопом. С этою же целью и нам ныне даруй нечто подобное, так как Ты — тот же Бог. Или, может быть, прикровенно говорит о некоем таинстве. Моисею в Египте повелено было кровь овнюю иссопом воскропить на пороги *(Исх. 12, 22)*, а мы искуплены наиболее Честною Кровию. Итак, поелику воскропление крови служило охранением, чтобы живущие в доме не потерпели чего от погубляющего [ангела], то Давыд справедливо, делая таинственное напоминание о той крови, говорит: *окропиши мя иссопом*, – прикровенно разумея будущее очищение всех Кровью истинного Агнца – Христа, вожделевая сподобиться сего очищения, которое одно может очистить совершенно и соделать *белее снега.*

Слуху моему даси радость и веселие. Духом предуготовишь меня снова к тому, чтобы слышимо было мною радование и веселье, какое будет в последние

времена. Что же это такое, как не ве́дение будущего воскресения, о котором и учил, сказав: *возрадуются кости смиренныя*? Когда же *возрадуются* согнившие *кости* наши? Не по воскресении ли, когда, как говорит другой пророк, кости наши *яко трава прозябнут (Ис. 66, 14)*? ***Возрадуются кости смиренныя.*** Возрадуется крепость души моей, потому что прежде немоществовала она под грехами.

Отврати лице Твое от грех моих. Снова обращается к исповеданию.

Сердце чисто созижди во мне, Боже. Обнови, говорит, обветшавшую душу мою, расстроенную грехом. ***И дух прав обнови,*** то есть, утверди, ***во утробе моей***. Это значит то же, как если бы сказать: приведи в безопасность ум мой, чтобы уже нелегко было ему впасть в грех.

И Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Снова молится, чтобы Дух пророческий сошел на него. Ибо Он оставил его по причине греха.

Воздаждь ми радость спасения Твоего. Это относится ко всему человеческому роду. *Радостью спасения* называет пришествие Господне, по сказанному Симеоном: *яко видеста очи мои спасение Твое (Лк. 2, 30)*. Молится же, чтобы и ему быть причастником оного. ***И Духом Владычным утверди мя.*** Духа, Которого прежде назвал Правым, здесь именует Владычным.

Научу беззаконныя путем Твоим. Как скоро избавишь меня от греха, и потом даруешь мне Духа Твоего Святого, — снова буду учить законопреступных, чтобы ходили путями Твоими.

Избави мя от кровий Боже, Боже спасения моего. Снова возносит моление, чтобы избавиться от осквернения, в какое впал убийством Урии, или лучше сказать, избавиться от кровей, то есть, от кровавых жертв, как показывают последующие слова псалма, в которых сказано: *Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо*, и так далее. ***Возрадуется язык мой правде Твоей.*** Симмах перевел это так: «возглаголет язык мой милостыню Твою». Получив отпущение грехов, не буду молчать, но не престану воспевать Тебя и поведаю милости Твои. Поскольку отменил Ты подзаконные жертвы, которые не могут даровать отпущения грехов, то по сему самому принес я Тебе жертву, какую возлюбил Ты; а это — жертва, приносимая покаянием и сердцем сокрушенным.

Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона. Сионом называет здесь Церковь. Ибо, когда Бог и Отец благоволил *возглавить всё* о Сыне Своем *(Еф. 1, 10)*; тогда и Церкви Своей даровал благие обетования Свои. ***И да созиждутся стены Иеросалимския.*** Стенами Иеросалимскими именует святых священнослужителей, ограждающих Церковь Его.

Тогда благоволиши жертву правды. Когда, говорит, ублажишь Сиона и созиждутся стены Иеросалимские, тогда и будут приносимы жертвы, жертвы не кровавые, но жертвы правды, т. е. хвалы. ***Возношение и всесожегаемая***, и под всесожжениями разумеет приношение правды и бескровной жертвы. ***Тогда возложат на олтарь Твой тельця***, то есть, тельцов правды, так чтобы все было от правды, были и жертвы правды, и приношения правды, и всесожжения правды, и тельцы правды.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь!

Поучение из жития святого отца Нифонта

О русалиях[1]

Однажды блаженный Нифонт шёл на утреню в церковь Святой Богородицы, и увидел шедшего мимо церкви демона, князя бесовского, и с ним двенадцать бесов. Ужаснулись бесы, услышав церковное пение, и, исполнившись зависти, с яростью начали пенять князю своему, говоря: «Видишь ли, как славится Исус, Сын Марии, от Своих рабов в церкви Ея? Как только мы услышали эти песнопения, ужас объял всех нас. О! горе нам окаянным, ибо потеряны наши сила и крепость! Ибо до тех пор, пока Исус был на земле, князь наш был в силе, и мы с ним крепко побеждали христиан. Когда же евреи вооружились на Исуса и распяли Его, с тех пор сокрушилась сила наша. Ибо Исус, связав царя нашего, повелел заключить его в огненной глубине – и Ангелам Своим повелел стеречь его, и с той поры сила нашего царя сокрушилась, и власть наша была попрана!»

Так пеняли бесы князю своему, а он сказал им: «О том ли вы печалитесь, что Исус славится в церкви Марии? Нисколько о том не скорбите, ибо пение это скоро завершится, и многие люди начнут прославлять мирскими песнями и плясками нас во угождение нашему царю! Теперь же немного подождите и увидите, как начнут нас славить, а об Исусе нерадеть!»

И после окончания Литургии пошёл (некий) человек, подпрыгивая с сопелями, и за ним много народа пошло: одни пели и рукоплескали, а другие плясали. И увидев это, окаянные бесы возрадовались радостью великою и пошли с ними и стали прельщать: одних на игру и пляски, и других – на песни.

Блаженный Нифонт всё это видел: поющих и скачущих бесы связали одною верёвкой и тащили. И вот, некоторый муж богатый, которого научил бес, выглянул из терема и повелел перед собою плясать и играть; и, взяв сребреник, дал сопельщику. Тот положил его в сумку. Бесы же, вынув монету, послали её ко отцу своему сатане в бездну, сказав посланному бесу: «Иди и скажи отцу нашему, связанному Исусом Назарянином: Этот дар послал тебе Алазивон князь — в твою честь, отче! Ибо мы, рабы твои, многих соблазнили христиан – врагов наших!» Так сказав, дали диаволу сребренник, поданный за игру сопельщику, и лукавые бесы возвеселились. И пошёл посланный бес во адово жилище и принёс погибельный дар сатане. А сатана, приняв, сильно обрадовался и сказал: «Я всегда принимаю жертвы от идолослужителей, но они не могут так меня обрадовать, как сия, от христиан приносимая!» И сказав так, снова возвратил сатана сребреник посланному бесу и добавил: «Поспеши возвратиться к пославшему тебя, и понуждайте христиан на пьянство, и на игры, и на пляски, и на прочее, что я люблю!»

И скоро пришёл бес к пославшим его и передал сказанное сатаною. Снова вложили серебро и медь в сумку сопельщику. И возрадовались бесы о слове сатаны и начали многих прельщать.

Видев же это душевными очами, блаженный Нифонт плакал сильно о прельщении христиан; и потом поведал это всем нам на пользу, прославляя Бога. Мы же, возлюбленные, услышав это от блаженного Нифонта, да бежим от проклятых игр бесовских! Более же всего, братия, удалимся от плясания, чтобы нам не быть осуждёнными вместе с диаволом в вечный огонь! Ибо Господь, любящий нас, сильно желая нашего спасения, явил все это Своему угоднику Нифонту, чтобы мы не впали в сети диавола.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

(Книга «Златоуст», слово 91:
поучение в Неделю 13-ю по памяти всех святых.)

[1] Играх.

Слово иже во святых отца нашего Иоанна Милостиваго

О Петре Мытаре, как тот продал себя ради Христа.

Во Фригийской Африкии был некто Петр мытарь. Это был человек очень суровый, он никогда не помогал нищим, о церквах Божиих и не вспоминал, и от просящих милостыню даже отворачивался. Но вот что сделал благий Человеколюбец Бог, который не хочет смерти грешникам, но старается всех спасти, каждого тем путём, который только Ему ве́дом.

Однажды сидели на улице калеки и нищие. И стали они хвалить дома милостивых горожан и благодарить за них Бога, а немилостивых укорять. Дошла речь и до этого Петра, который был очень немилостивым. И один из них сказал: «Сегодня я получу от него милостыню». Тут же нашлись желающие побиться об этом об заклад и посмотреть, как он это сделает. Они пошли к дому Петра и стали ждать. Когда показался Петр, который шёл с ослом, запряжённым в повозку с хлебами, тот нищий, который бился об заклад, стал громко кричать и просить у него милостыню. Тот же не нашёл под рукой камня, взял хлеб с повозки, швырнул его в лицо нищему и пошёл дальше. А нищий подхватил хлеб и пошёл к друзьям и сказал им, будто из рук Петра принял этот хлеб, и возблагодарил Бога за милость его. Через два дня Петр тяжело заболел и не осталось в нём духа. И начали Ангелы взвешивать его дела и не нашли добрых дел, чтобы положить против дел злых, кроме одного того хлеба, который он дал нищему и тот – невольно. Тогда говорят ему Ангелы: «Ступай, убогий Петр, и приложи что-нибудь к этому хлебу, чтобы не забрали тебя темнообразные бесы и не ввели в муку вечную». Тогда вошла душа его снова в тело. И с тех пор он стал милостивым: раздал всё имение своё нищим и освободил рабов. Только одному рабу он сказал: «Пойдём со мной во Иерусалим поклониться животворящему Гробу и святым страстям Господа нашего Исуса Христа, и там продашь меня и раздашь цену мою нищим, а сам будешь свободен. Послушайся меня. Если же ты меня не послушаешься, я тебя самого продам.»

Когда они пришли в Иерусалим и поклонились святым местам, продал раб господина своего одному богобоязненному мужу, Зоилу, и цену его раздал нищим. И работал Петр то на кухне, то в винограднике и различными страданиями мучил своё тело до тех пор, пока Бог не открыл его тайну.

Однажды, когда в дом тот пришли гости, приехавшие из Африкии, и сидели за обедом у его господина, Петр вносил и выносил блюда. Гости узнали его и начали говорить между собой: «Да это точно Петр!». Тогда они рассказали господину его, что он был великим вельможей в Африкии, но раздал имение нищим и освободил всех своих рабов.

А Петр в это время стоял за дверью, и когда он услышал, что о нём рассказали гости, то поставил блюдо и вышел из дома. Привратник того дома был глухонемым: он открывал и закрывал ворота только по знаку рукой. Подойдя к нему, Петр говорит: «Во имя Господа нашего Исуса Христа отвори!». Привратник отвечает ему: «Вот я, Господи!» – и отворяет ему ворота.

Тогда вышел Петр и убежал от славы человеческой. А бывший глухонемой вбегает к господину и говорит: «Господин, только что вышел от нас великий раб Божий. Когда он говорил мне: “Во имя Господа Исуса Христа отвори ворота!” – я увидел, как пламя вышло из его уст и коснулось ушей моих и языка, тогда я услышал его и заговорил».

Они тут же вышли за ним и искали его, и, не найдя, прославили Бога, прославляющего святых Своих, и Ему слава ныне и присно и в во веки веком! Аминь.

Слово о Евлогии монахе и о нищем расслабленном

Некий схоластик[1] по имени Евлогий, подвигнутый любовью к Богу, отвергся от житейской суеты и раздал всё имение своё, оставив себе только немного скудного имущества и золота. Работать же он не мог и стал черноризцем. Но из-за лености не смог ни жить с братией в монастыре, ни один сидеть в затворе.

Тогда нашёл на улице некоего калеку брошенного, у которого не действовали ни руки, ни ноги, а один только язык. Евлогий же пообещал Богу, сказав: «Господи, ради имени Твоего я возьму этого расслабленного и упокою его до дня его смерти, чтобы и мне ради этого спастись. И дай мне, Господи, терпение, чтобы ему служить». И подошёл к расслабленному и сказал ему: «Хочешь ли, чтобы я взял тебя и упокоил?». И сказал ему расслабленный: «Да, Господин». И сказал Евлогий: «Пойду приведу осла и возьму тебя отсюда». И с великою радостью согласился расслабленный. И привёл он осла, и взял его, и привёз в дом свой. И пребывал в заботах о нём, во всякой нужде его. И пробыл расслабленный в доме Евлогия лет пятнадцать. Евлогий же служил ему, словно отцу и любил его сильно, обмывая и питая, и нося своими руками. И после пятнадцати лет позавидовал им диявол, желая лишить Евлогия награды, а расслабленного — покоя, и начал развращать расслабленного. И стал расслабленный гневаться и говорить хульные слова (к Евлогию. — Ред.): «Эй, хромой! Эй, хро-

[1] Ритор, адвокат.

мой! Ты убежал от своего господина, украв его имущество! Ты раб господина своего и обокрал его. И, под видом ухода за мной, хочешь укрыться, как будто милостивый, взяв меня в свой дом, и ради меня хочешь спастись!».

Евлогий же просил, утешая его сердце: «Нет, господин, не говори так. Но скажи мне, какое зло я тебе сделал, и я покаюсь». Расслабленный же так отвечал: «Не хочу твоих милостей, вынеси меня на улицу и брось, не желаю твоих забот!». Евлогий же сказал: «Прошу тебя, утешься от этой печали». Расслабленный же разгорячаясь ещё более гневом, кричал на него: «Хватит мне терпеть твоё лукавство, мне не нужна такая жизнь! Я хочу есть мясо!». И терпеливый Евлогий принёс ему мяса. Увидев это, он снова закричал: «Не могу быть с тобой один, но хочу видеть народ!». Сказал ему Евлогий: «Я приведу множество братьев». Он же опять гневно завопил: «Горе мне окаянному! Я твоего лица не хочу видеть, а ты мне ещё приводишь подобных тебе дармоедов!». И возмутился, и скверным голосом закричал: «Не хочу, не хочу! Но на перекрёстки хочу, брось меня там, где меня нашёл! Если бы я мог двигать руками, то удавился бы или лучше зарезался!» — ибо так его разжёг бес.

Тогда Евлогий ушёл и отправился к черноризцам и спросил их: «Что мне сделать, ибо этот расслабленный привёл меня в отчаяние?!». И спросили его: «Чем?». Он ответил: «Зло мне делает, и не знаю, что делать. Может, бросить его? Но Богу обещался и боюсь. Если же не брошу, будет день и ночь меня терзать, и не знаю, что ему сделать». И сказали ему они: «Иди с ним к Великому Антонию и расскажи ему; и что он тебе скажет, то и сделай. Бог тебе скажет через Антония, и возвестит тебе».

Евлогий же, поклонившись, послушался их. Обманув больного, положил его в лодку и отправился в путь ночью. И принёс его в монастырь к Великому Антонию, и тот спросил его, зачем он пришёл. Рассказать же повелел ему при всех братиях. По повелению же Великого Антония Христов раб Евлогий рассказал при всех: «Этого расслабленного я нашёл брошенным на перекрёстке, и никто о нём не заботился и не помиловал его. Я молил Бога, чтобы дал мне благодать терпения к нему. Чтобы, ухаживая за ним, и я спасся через него, и он получил от меня уход. И вот, с тех пор мы вместе лет пятнадцать, как и твоей благости всё открылось. Но не знаю, какое он зло от меня потерпел за столько лет, раз так сильно меня мучает ныне. Не хотел я бросать его, но он сам меня заставляет. Поэтому я пришёл к твоей святыне, да научишь меня, что мне нужно делать, и помолишься обо мне, ибо он мне люто досаждает.»

Сказал ему Великий Антоний тяжким и яростным гласом: «Бросишь ли, Евлогий, — но не отбросит его Христос! Ты его бросишь, но поставит его Господь лучшим тебя!». И, услышав это, Евлогий ужаснулся.

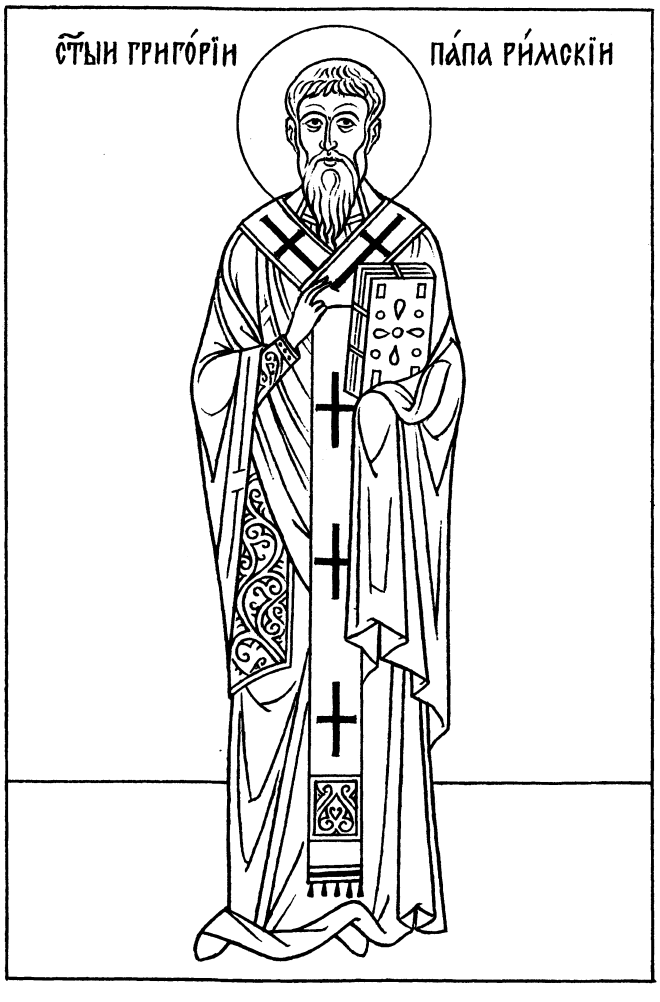
Оставив же Евлогия, Великий Антоний начал словом бичевать расслабленного, сказав ему: «Калека и расслабленный! Недостойный неба и земли! Не перестанешь ли гневать Бога и брата своего?! Не знаешь ли, что Христос служит тебе? Как ты смеешь на Христа браниться?! Не Христа ли ради поработил себя он служить тебе?» Поругав и его словами, ненадолго их оставил. И потом научил обоих, сказав им: «Не развращайтесь, чада, никогда, но идите с миром. И не разлучайтесь друг от друга, но отбросьте всю печаль, которую на вас навёл бес. И с честью и любовью возвратитесь в келью, в которой жили, ибо искушение вам пришло от сатаны, поскольку я знаю, что вы оба недалеки от кончины и будете достойны венцов от Христа — он через тебя, а ты через него. Итак, с этого времени ничего злого не помышляйте, чтобы, когда придёт Ангел и не найдёт вас обоих на том месте, вы не были лишены венцов!»

И они прилежно тотчас пришли в свою келью, и пребыли в ней сорок дней в совершенной любви. И умер блаженный Евлогий. Потом же в третий день умер и расслабленный, и отошёл в вечный покой к Богу, Которому слава ныне и всегда и во веки веком. Аминь.

(Пролог, сентября в 13-й день, листы 50 об. — 53).

Св. Григорий Двоеслов, папа Римский

О кончине Сервула, разбитого параличом



В той галерее, чрез которую проходят идущие в церковь блаженного Климента, был некто по имени Сервул... Он был беден имением, но богат заслугами и долгое время страдал болезнью. Его можно было узнать по тому, что до конца жизни он лежал разбитый параличом.

Мало сказать, что он не мог стоять, он не мог даже привстать на постели или сидеть; не мог поднести к устам свою руку; не мог поворотиться на другой бок. При нем находились для служения мать с братом; милостыню, которую получал он, их же руками раздавал бедным. Никогда не учился он грамоте, но купил себе Библию и, принимая в больницу благочестивых людей, постоянно заставлял их читать пред собою. Таким образом, он изучил все Св. Писание, хотя решительно не знал грамоты, как я сказал.

Сервул в болезни всегда воспевал Богу благодарственные гимны и песни, днем и ночью. Но когда уже наступило время вознаграждения его за такие страдания, члены тела его ожили. Узнавши о близости своей смерти, Сервул попросил посетителей и живших в больнице встать и пропеть с ним псалмы в ожидании его кончины. Во время этого предсмертного пения с ними он вдруг с великим криком и ужасом прервал голоса поющих, сказав: "Молчите! Неужели не слышите, какие хвалы воспеваются на небе?"

В то самое время, когда он устремил слух сердца своего к хвалебным песням, которые слышал он внутри себя, святая душа его разрешилась от тела. При исходе ее вокруг разлилось такое благоухание, что присутствовавшие почувствовали невыразимую сладость и чрез то ясно узнали, что душу Сервула приняли на небе с хвалебными песнями. При этом событии был наш монах, который доселе находится в живых и с великим плачем свидетельствует, что пока тело умершего не предали погребению, благоухание не переставало исходить из ноздрей его.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Протоиерей Валерий Шабашов,
г. Верещагино Пермского края.

Староверы[1]
Мемуарный цикл очерков

За други своя
(Рассказ старой казачки)

То, что сегодня вам поведаю, я услышал на Пасхальной седмице 1974 года в станице Кавказская Краснодарского края от старой казачки Ляпилиной Мелании.

Немножко о самой Меланье. Ей тогда было уже далеко за 80. Она была третьей женой казачьего есаула станицы Кавказской Матфея Ляпина. Меланья была его третьей женой, а он у неё был вторым мужем. Причем от всех трех жен Матвей имел детей, и Меланья от обоих также имела детей. Видите, какая сила жизни в этих людях, а ведь они пережили революцию, Гражданскую войну, коллективизацию. И это несмотря на то, что тогда везде грохотало, гремело, убивало. Две первые жены у Матвея погибли в водовороте этих событий, и первый муж Меланьи тоже погиб. И тем не менее они искали друг друга! И не только Матвей Меланью искал, но все духовно бодрые люди не останавливались на том, что случилась трагедия, несчастье, кто лишился жены, кто – мужа, они продолжали искать друг друга, продолжали жить. Не просто устраивали свои взаимоотношения, они рожали детей, и Россия полна была народом.

И вот что услышал я от этой Меланьи... Я задал ей вопрос: «Меланья Ивановна, расскажи мне о казаках». Она говорит: «Что о казаках-то рассказать? Казаки — народ верующий.

На любом круге (казачьем собрании) обязательно выносили хоругви, пели стихеру престолу этого храма станицы. Все это проводилось со священником. Да, казаки все

[1] Журнальный вариант. Газетный вариант опубликован в газете «Старовер Верхокамья» в 2010-2011 г. (Здесь и далее в сносках – примечания редакции, если не указано иное.)

были старообрядцами. Было у них разделение: одни принимали священников от Белой Криницы, а другие — от Синода (беглопоповцы – прим. ред). Но не было таких казаков, казачьих станиц, которые были бы без священника.

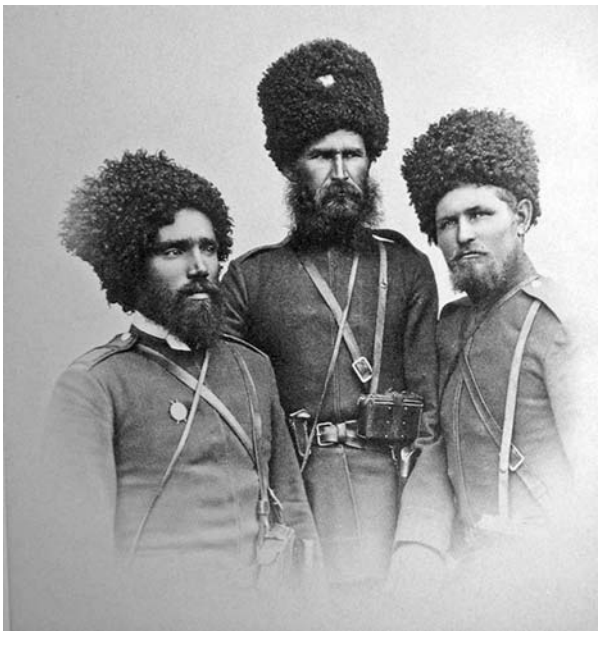
У казаков всех были кисеты, но в кисетах этих они носили не табак, а родную земельку со своей станицы. Когда казак погибал где-то на чужбине, то священник вынимал этот кисет и посыпал из этого кисета на могилку этого казака — все немножко уже родная земля. Чтоб от казака пахло табаком или вином!? Да его в строй не поставят, это же горе великое казаку!

Казака готовили семь лет, с 14 до 21 года. Это был настоящий воин-профессионал. И только по достижению 21 года он становился строевым казаком, находясь в этом положении 20 лет. Но перед тем как его поставить в строй, он должен был быть женатым и иметь хотя бы одного младенца. Пока же казак не женился, его в строй не ставили.

Если в семье казака был только один сын, то он на обоих ушах имел небольшие серьги, и при повороте головы по команде «Равняйсь!» командир видел, что это единственный сын у родителей. Его, конечно, в первый ряд никогда не ставили.

Если же в семье были хотя бы одна-две дочери, то у казака на правом ухе была серьга. По команде «Равняйсь!» он показывал правое ухо, и командир знал, что его можно поставить во вторую очередь, но ни в коем случае не в первый ряд, не посылать его в разведку. То есть казаки берегли, любили друг друга.

Чтобы показать свою преданность Священному Писанию, Пресвятой Троице, казаки во время чтения Евангелия слегка вынимали шашку из ножен, показуя, что они – настоящие защитники Православия.



В наше время немало русских людей принимают ислам и различные сектантские протестантские учения. Одни оттого, что христианство «беззубое», не может защищаться, а другие, смирившись с «беззубством» христианства, стали его губителями, приняв учение всевозможных сект.

Надо напомнить изречение Евангелия. Когда готовился Господь к своим Крестным страданиям, Он сказал Своим ученикам: *«Когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу. Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно»* ***(Лк.22: 35-38)***. Но когда апостол Петр с таким мечом выскочил вперед Христа защитить Его, Христос повелел ему вложить меч в ножны; этим Он как бы пояснил: «Петр, ты неправильно понял. Меня не надо защищать. Я буду вас защищать, когда будут у вас различные печали. Я сказал о том мече, который вы возьмете для защиты ближних своих». И сказано потому в Евангелии: *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* ***(Ин. 15:13)***.

Многие проходят это место Священного Евангелия, ссылаясь на различные толкования. И до такой степени боятся этого места, в котором благословляется самим Господом иметь оружие защиты ближних, защиты христианского Отечества от поганых!

Меланья рассказывает, когда в 20-м году сломили уже Добровольческую армию, она забилась в Крым: «Пощады станицам не было. И вот хромые, безрукие, искалеченные старики, женщины, дети – все бежали со всех станиц на Тамань, чтобы оттуда переправиться в Керчь, в спасительный Крым. Многие тысячи людей садились в лодки, в основном туда сажали калек, детей и совсем дряхлых стариков. Остальные мужчины и женщины для страховки плыли рядом с лодками, время от времени цепляясь за них, отдыхая.

И вдруг раздается крик: «Ратуйте! Ратуйте!». Видим: «лава» конная несется, беспощадная. Мы знаем, что никто не будет пощажен: ни мал, ни стар, на калека, ни здоровый. Все закричали, стали бросаться в лодки. Лодки начали тонуть. В это время наш батюшка, отец Ияков, человек уже в летах, велел причалить снова лодку к берегу. На веслах сидели его сыновья. Вышел из лодки и, не говоря ни слова, стал подниматься на берег, где стояло кем-то брошенное орудие. Вместе с ним шли два его сына – поповичи – и матушка. Они подошли деловито к орудию, развернули в сторону «лавы». Отец Ияков скомандовал: «Заряжа-а-а-й!». И этот семейный орудийный расчет начал прямой наводкой бить по коннице. Уже через пару минут «лава» споткнулась об эту защиту, поданную Богом через отца Иякова громадной массе людей. Люди воспрянули духом, стали выходить из воды, тоже выстраиваться в своеобразную «лаву». Когда кончились несколько снарядов, которые там были, калеки, старики, женщины, дети с криком «С нами Бог!» бросились с палками, камнями, ружьями и саблями, у кого они были. И «лава» красноармейская совсем развернулась и скрылась в степи.

Сегодняшние наши люди, зачумленные еретическими учениями, совершенно перестали понимать Священное Писание. Даже в тех местах, где сказано о врагах, это враги твои личные. Но нигде не сказано, чтобы христианин имел мир с врагами Божьими. Любящий мир, имеющий любовь к миру, является врагом Божьим. Любовь к миру есть вражда на Бога, поэтому удивительно, как эти толкователи толкуют необходимость любви с врагами Божьими. Христианин должен прощать 77 раз брату своему. Спросил апостол Петр: «Господи, сколько прощать брату моему, 7 ли раз в течение дня?». И сказал Господь: «Сколько раз

попросят, столько и прощай». Но прощать должен брату своему, а не врагу Божьему.

Здесь кстати привести пример и из древней церкви. Покровитель христолюбивого воинства святый великомученик Димитрий был заключен в темницу за то, что он был выявлен как христианин. Понимали, что его принудить к отречению от Христа невозможно. Так они что сделали, эти гонители! Они стали через поганого Лия, громадного воина, мучить христиан. Лий на виду у всех увечил христиан, потом бросал их на копья. Святому великомученику Димитрию говорили: «Тебе не жалко тех, которых Лий убивает?». И тогда пришел к нему в темницу некий юноша Нестор и говорит: «Благослови меня, я защищу братию нашу».

Святой великомученик Димитрий призвал Имя Господне и силу Божию на этого юношу. Нестор пришел на арену и сказал: «Я христианин!». Тогда все засмеялись. Лий начал к нему подходить, чтобы разорвать его на куски на виду у всех. И Господь дал такую силу Нестору, что он приподнял этого великана и бросил на копья окружающих его воинов. Тот скончался в мучениях.

Нет большей любви, чем положить жизнь за друзей своих.

Трижды расстрелянный

Да воскреснет Бог, и разыдутся врази Его!

...В моих руках – две фотографии. Первая, где я посреди старцев, и – это моя первая Пасха в сане священника в 1980 году в Минусинске. Каждому из этих старцев более 80-ти лет. О каждом из них можно написать книгу. Впереди, по правую руку от меня, – Семён Иларионович Кузнецов, уставщик[2]. Вот другая фотография, она связана тоже с Кузнецовым.

Фото 1. *На снимке (слева направо)*:

1 ряд: 1. *Иосиф, 1926 г.р., участник ВОВ;* **2**. *Андрей, 80 лет, 10 лет ГУЛАГа по ст. 58;* **3**. *Логин Федорович Овчинников, 10 лет ГУЛАГа по ст. 58;* **4**. *Семен Илларионович Кузнецов, 95 лет;* **5**. *Иподьякон Иван Петрович Голубцов, 85 лет, 10 лет ГУЛАГа по ст. 58;* **6**. *Василий;* **7**. *Михаил;* **8**. *Карп;*

2 ряд: 1. *Петр Гаврилович, уставщик (Омск);* ***2***. *Нестор Петрович Голубцов, уставщик (Кызыл-Тува);* ***3***. *Анатолий Васильевич Ударцов, уставщик (Барнаул);* ***4***. *Григорий Семенович Носков, уставщик;* ***5***. *Яков Васильевич, 5 лет ГУЛАГа по ст. 58;* ***6***. *Тимофей (Красноярск);* **7**. *Памфил, инвалид ВОВ;* ***8***. *Иван Миков, 90 лет, 10 лет ГУЛАГа по ст. 58.*

[2] Уставщик – церковнослужитель, отвечающий за правильный порядок чтения и пения на службе.

Это церковь в Нижнем Новгороде на улице Гоголя; сейчас она снесена, на её месте стоит пятиэтажный дом. Церковь располагалась на откосе ниже нижегородского кремля. В центре на фото архиепископ Иосиф (Моржаков), вместе с Семёном Иларионовичем они были одного Чернухинского прихода. Только Моржаков родился в Пиявочном, а этот из починка Илларионовка. Рядом с ним протоиерей Пётр Селин, оба отсидели по десять лет по печально знаменитой 58-ой статье. А это Михаил Павлович, величайший бас. А это (крайний слева) мой первый духовник, сын владыки Иосифа, будущий протоиерей отец Фёдор Моржаков. А вот Иван Петрович Хистов, бессменный председатель нижегородской общины с 1945 по 2000 год. Это Иосиф Петрович, уставщик, знаменитый бас, голос у него был необыкновенный. А это Константин Павлович, тоже бас, позади клирошане. Фотография эта сделана в 1963 году. Здесь не сама Пасха, а около Пятидесятницы.

Фото 2. *Нижний Новгород, 1963 г. На снимке (слева направо):*
***1 ряд : 1**. Диакон Федор Моржаков; **2**. Неизвестно; **3**. Архиепископ Иосиф (Моржаков); **4**. Протоиерей Петр Селин; **5.** Протодиакон Михаил Павлович.*

Обе фотографии интересны исторически. Владыка Иосиф, протодьякон Михаил Павлович и Семён Иларионович были одного прихода и вместе учились пению в Нижнем Новгороде. Там их один знаменитый уставщик-головщик[3] взял к себе в обучение. После этого нижегородский епископ Иннокентий (Усов) взял к себе Семёна Кузнецова в келейники, и он везде сопровождал владыку, будущего митрополита Белокриницкого. Потом владыка отправил Семёна в Москву, где при Старообрядческой архиепископии у Рогожского кладбища был открыт Старообрядческий институт (фактически, духовная старообрядческая академия). Там Семён прошёл курс обучения, а в 1914 году все выпускники пош ли добровольцами на Первую мировую войну: тогда был и среди старообрядчества патриотический подъём на защиту России.

[3] Головщик – руководитель церковного хора.

В чине младшего офицера Семён Иларионович попадает в армию генерала Самсонова, которая осенью 1914 года развивает наступление в сторону Мазурских озёр, и там вся армия попадает в окружение. Перестали поступать и боеприпасы, и снаряжение, всё отрезано, в «котле» армия ещё пытается сопротивляться.

Помощи никакой – и командующий объявил, что армия сдаётся немцам. Семён Илларионович рассказывал:

"...Долбили нас из пушек, пулемётов, сидели мы в окопах, несли потери, но старались держаться. И вдруг – пронзительная тишина, обстрел закончился. Мы в недоумении. Некоторое время спустя прибывает штабной офицер, вызывает знаменосца и говорит: «Знамя сдать в штаб! Сейчас прибудут на позиции немцы, приготовиться к сдаче оружия»! К этому моменту командир полка уже погиб, как и многие офицеры, да и по численности это уже был не полк. Это всё на моих глазах. Тут меня словно что-то подбросило из окопа, вылез на бруствер, встал во весь рост, винтовку наперевес в боевое положение и, сколько было духу и силы, запел: «Всеми-ирную сла-а-аву...»:[4]

Всемирную славу, от человек прозябшую и Владыку рождьшую, Небесную Дверь, воспоем Марию Девицу, безплотным песнь, и верным удобрение.Та бо явися Небо и Церкви Божественая, Та преграждение вражды разрушивши, смирение введе и Царство отверзе. Тоя убо имуще верное утвержение, поборника имамы из Нея рождьшагося Господа. Дерзайте убо, дерзайте, людие Божии; ибо Той победит враги, яко всесилен.

Неожиданно знаменосец вырывает из рук штабиста знамя полка, разворачивает и встаёт рядом со мной. Мы вдвоём двинулись на позиции немцев. Все, кто были в окопах, начинают вылезать, присоединяются к нам и в одну шеренгу во весь рост пошли на врага. Раненые тоже стараются не отставать. Произошло чудо! Немецкие солдаты при нашем приближении выскакивали из окопов и бросались наутёк, бросая оружие. Какой страх нашёл на них! Удивительно, ведь немцы из пушек, пулемётов могли нас разметать за несколько минут... Бегство неприятеля придало нам ещё сил, мы прошли окопы немецкие, и только тогда по нам стали стрелять".

За этот подвиг Семён Иларионович был награждён Георгием, его представили к очередному офицерскому званию. Потом были ещё три Георгия, перевод в батальон Георгиевских кавалеров при императоре Николае II...

После царского отречения от престола, революционных событий в октябре 1917 года Семён оставил армию и отправился домой. "Иду я пешком домой (железной дороги ещё не было до Арзамаса), гляжу: одна

[4] Это Богородичен, то есть песнопение, посвященное Пресвятой Богородице.

деревня вся пьяная, другая в хмелю. Спрашиваю у мужиков: «Что случилось»? Те отвечают: «Ты что, солдат, не знаешь, ведь революция!» А оказывается, просто в Арзамасе разгромили и разграбили винно-водочный завод, и вся округа отмечала «новую жизнь»". Побыв некоторое время дома, Кузнецов отправился в Нижний Новгород к владыке Иннокентию.

Осенью 1918 года начался известный «красный» террор, направленный, в том числе и против духовенства. Чекисты окружили однажды резиденцию владыки, выпускали только мирских. Из рассказа Семена Иларионовича:

"Посовещавшись, мы приняли решение переодеть владыку в простого человека и удачно вывели его из здания, а я остался вместо него. Владыка удалился из Нижнего Новгорода, а потом перебрался в Кишинёв... Чекисты ворвались в комнату владыки, глядят, сидит человек в епископской мантии, арестовали меня и отвели в нижегородскую тюрьму. В камере смертников были собраны представители бывшей городской аристократии. А ночью ко мне подходит седовласый старец и говорит: «Ты вроде в архиерейской одежде, но ведь не похож на архиерея!» Пришлось поведать, что действительно так. «Слушай, ведь нас всех здесь расстреляют, а ты притворись пьяненьким и молись Богу. А там уж, что Господь положит!» Я снял с себя архиерейское облачение и улёгся в нижнем белье на нары. Под утро конвоиры стали выводить арестованных на расстрел. Спохватились, видимо, там чекисты – одного не хватает. Заходит конвоир с винтовкой в камеру, давай меня прикладом толкать, вставай, мол. Я без особого труда вырвал у него винтовку, навернул по спине как следует, так что вылетел солдат пулей из камеры. Забегают уже несколько солдат с начальником конвоя, винтовки на меня направили. Я тоже винтовку не опускаю: «Вы что, мужики, на меня ополчились?» — «Как что, на расстрел тебя!» Потом посмотрели на моё исподнее бельё и спрашивают: «А ты кто такой?» Отвечаю: «Я солдат, Семён Кузнецов, иду с войны, вчера маленько в кабаке перебрал, а очнулся, меня вот этот толкает, а больше ничего не помню». Начальник рассердился, заорал: «Выдать ему шинель, шапку, обутки и катись, мужик, отсюда подальше!» Так я в первый раз избежал расстрела".

Как-то я спросил у Семёна Иларионовича: «Почему ты не воевал в гражданскую войну ни за белых, ни за красных?» А он мне ответил: «Белые ли, красные ли, это одно и то же: все они против царя были».

Потом Семён Иларионович вернулся в Нижегородскую губернию, в свою Чернуху, женился. В 1921 году жена его Ольга умерла от тифа, остался Семён Иларионович с годовалым сыном Василием. Ему подсказали добрые люди, что в соседнем селении овдовела Евфросиния Михайловна, у которой тиф скосил мужа и четверых детей. Из дома, мол, не выходит, посоветовали сходить и посвататься, может, и пойдёт замуж: каково мужику одному с дитятей. Пришёл вдовец в это селение, зашёл в избу к ней, перекрестился: «Господи Исусе ..., мир дому!» Вышла Евфросиния и спрашивает, что, мол, ему надо. «Ты – вдова, я овдовел, вот с ребёнком остался, давай сойдёмся». Хозяйка отвечает: «Ты что, Семён, я в сорока днях как овдовела, а ты сватаешься?» – «Ну, хорошо, мне вот косить надо, посиди с Васяткой». Ефросинья согласилась: «Хорошо, с Васяткой посижу».

Вечером после косьбы заходит и говорит:

– Спаси Христос, Ефросинья, давай Васятку.

– Нет, Семён, Васятку я тебе не отдам!

– Как это, не отдашь, а я?

– Ну тогда ладно, оставайся!

После Петра и Павла они завенчались, когда у обоих 40 дней вышло. Стали жить, Евфросиния ему ещё пять детей родила. Детям дали имена умерших детей Евфросинии, а младшую дочку Семён назвал Ольгой – в честь умершей жены.

Прошло несколько лет. В 1929 году стали закрывать церкви, началась коллективизация. В Великий четверток, чтобы сорвать Пасхальную службу, приказано было всех головщиков, старост, священников, дьяконов арестовать и отвести в Нижний Новгород в тюрьму.

“Собрали нас, сидим в Арзамасе в тюрьме, не понимаем, за что арестовали. Ранним утром в пятницу пока ещё город спал, выгнали конвоиры арестованных и повели в Нижний Новгород. Когда светло стало, дошли мы до реки Серёжи. Вдруг начальник конвоя истеричным голосом закричал: «Этап, стой! Конвой, в штыки! Кто из арестованных хочет пройти в Нижний по мосту, снимайте кресты и вешайте мне на руку. Кто не хочет по мосту, Бог вам в помощь, идите через реку»! Как через реку?! Весна ведь, лёд уже слабенький, кое-где вода уже на лёд вышла. Река эта хоть и маленькая, но если даже не утонешь, измочишься, замёрзнешь, не дойдёшь до Нижнего! Это верная смерть! Некоторые заколебались, упали на колени, стали просить о пощаде, один дьякон подошёл к начальнику, снял свой крест и у всех на виду повесил его на руку чекиста. Тут я не выдержал, перекрестился размашисто, повернулся к реке и запел: «Волною морскою...»:[5]

> Волною морскою Скрывшаго древле гонителя, мучителя, под землею скрыша спасенных дети; но мы яко отроковица, Господеви поем, славно бо прославися.

Все повернулись ко мне, кто на коленях был – поднялся, и целый хор подхватил ирмос. Пели страстные ирмосы из канона, которые поются перед Пасхой. Тут мне как Господь открыл: тропочка натоптанная по льду, кто-то не хотел зимой по мосту ходить. Продолжая петь, я пошёл по тропинке, и все гуськом за мной на противоположный берег. Когда уже почти все были на другом берегу, а хвост на середине реки, я увидел, как один из конвойных подбежал к начальнику, выхватил у него крест, надел его на себя, сорвал с трусливого дьякона скуфью, взамен напялил ему шлем, сунул ему винтовку и бросился к реке догонять ушедший этап. Начальник конвоя такого вынести уже не мог, стал ругаться, стрелять в воздух, заматерился и, потеряв всякую рассудительность, бросился прямо по реке вдогонку. Конвой – за ним. Когда они добежали до середины реки, лёд не выдержал, проломился и все оказались в полынье. Не стали мы ждать конца развязки и разошлись, кто куда. Мы, чернухинцы, пошли в Нижний Новгород в эту самую церковь (фото №2). Подошли мы уже к Пасхальной утрене, в храме тогда служил отец Иоанн Моржаков. Вскоре запели «Христос воскресе», промолились всю Пасхальную службу. После окончания службы подошли под благословление к отцу Иоанну, рассказали ему всё. Он дал нам денег и сказал: «Уносите ноги!» Мы сели в поезд и отправились в Томск, к владыке Тихону. Он нам рассказал, что и тут неспокойно, и посоветовал перебраться в Минусинск.”

Семён Иларионович решил перевезти свою семью, но летом 1932 года начались аресты и в Минусинской епархии. Возглавлял её тогда епископ Мину-

[5] Этот ирмо́с (песнопение) повествует о том, как бежавшие от преследовавшего египетского войска пророк Моисей и ведомый им народ прошли, как по суше, через Красное море, а фараон и его воины потопли в нем.

синский и Уренхайский Арсений. В один из воскресных дней незадолго до арестов владыка Арсений сказал Кузнецову: «Семён, поднимай людей, и уходите в Уренхай (современный город Тува)!»

Начальником там был Тока́, в крещении Сергий, выросший в старообрядческой семье и женатый на староверке. Он был благосклонен к староверам и помогал им. В своё время, в 20-е годы, была в Красноярском крае армия Щетинкина. Штабс-капитан Щетинкин, возглавлявший эту армию, выступал сначала за Учредительное собрание, но потом, после расстрела этого собрания Колчаком в Омске, перешёл на сторону красных. Армия эта была полупартизанская с множеством разногласий внутри. И вот эта армия входит в Туву, где столкнулась с кержаками. В Знаменке Кахемского района пьяные щетинкинцы зарубили шашками старообрядческого священника, матушку и сына с невесткой. Это убийство подняло староверов Уренхая на борьбу с бандитской армией, и они изгнали щетинкинцев из республики. Тока (Сергей) был уже тогда одним из руководителей Тувы и всячески поддерживал староверов. Его жена-староверка Елена умерла рано, и Сергей сошёлся с тувинкой. После повторной женитьбы он стал скрывать свою принадлежность к старообрядчеству.

Зная эту благосклонность тувинского начальства, владыка Арсений и посоветовал людям уходить в этот край. С Семёном Иларионовичем ушли в Туву около 20-ти тысяч человек. В основном они расселились в Кахемском районе, были и в Кызыле, Туране, строили церкви. Там был поставлен священник, отец Иоанн, но ему трудно молиться литургию, сказывалась недостаточная под¬готовка. Владыка Арсений и отправил туда Кузнецова, наставляя его: «На тебе ответственность, Семён. Чтобы там литургию служили!»

Начались аресты, хватали и увозили в неизвестном направлении и до сих пор не найдено место казни ни владыки Арсения, ни священников[6]. Вслед за священниками пошла волна репрессий против людей, близких к Церкви: детей священников, уставщиков, головщиков и т.д. Всех этих людей отправили на Беломорканал на десять лет.

«Помню, как я был в одной семье в Кызыле. Его звали Архип, её Христина Евсеевна, дочь священника. Им тогда было уже по 96 лет, семья была большая, человек десять. Христина Евсеевна свидетельствовала: “Архипа на «десятку» отправили, а нас, жён, детей, стариков, – на плоты, и по Енисею вниз, за город Енисейск (бывший губернский центр). Лето, жара, хоть и течение, да плоты медленно двигались. Продуктов немного было у нас, воды — сколько хочешь, пей из реки. Но начали у нас умирать дети и старики. Приставать к берегу нам не давали — везде были по берегам выставлены посты из местных активистов, поддерживавших советскую власть. Страшное зрелище на плотах! Лежали вздувшиеся, уже смердящие тела этих несчастных ребятишек, стариков. Мы непрестанно молились. И Господь хранил нас — все наши семеро детей живыми доплыли. За Енисейском сняли нас с плотов и стали распределять по спецпоселениям. Что они из себя представляли? Это одна изба, где жили несколько милиционеров, постоянно сменявшие друг друга и лес, тайга кругом... Никакой дом нам уже срубить времени не было, плыли долго, оказались там уже к концу лета. Стали строить землянки. Выкапывали ямы под бугорком, настилали сверху лесины, закладывали дёрном, на вход самодельные двери навешивали. Вот таким и было наше первое зимовье.

[6] По воспоминаниям старожилов, было тогда 20 священнослужителей. Двоих я ещё застал, а отца Прокопия, отсидев¬шего в лагерях двадцать лет, я сам исправлял (исповедовал и причастил перед смертью. – Ред.). Перед моим приездом преставился отец Фёдор, Фёдор Фёдорович, как его все величали; он тоже отсидел в общей сложности пятнадцать лет. Среди старообрядцев края было много тех, кто получил по десять лет; отсидев свой срок, они тут же автоматически получали ещё 5- 7 лет. (Прим. о. Валерия Шабашова.)

Ладно ещё успели насобирать грибов, орехов. Благо ещё река рядом – рыбу ловили. Тем и жили зимой. Молились постоянно. Пришла весна. Начался Великий пост. Некоторые женщины не выдерживали, продавали себя за банку тушёнки. Я же говорила своим детям: «Ребятишки, поститесь»! И вот удивительно, что все, кто пропостились, к Пасхе остались живы! А те, кто бегали за банкой тушёнки, к ужасу, все умерли и дети их тоже... Весной начали распахивать огороды, завели какую-то скотинку, образовалось подобие колхоза. Но сущность осталась та же – спецпоселение, комендатура рядом. Мужики наши, получившие по 10 лет, были отправлены на фронт в штрафбаты. А мы оказались в заложниках, попробуй, не согласиться! Удивительно, но все, кто нас притеснял, да Бога забывал, давно уже покинули этот мир!"»

Добрался Семён Иларионович с семьёй до Тувы, наладил службу в церкви, построил дом для священника, несмотря на то, что своего угла ещё не было. По каждой буковке, по возгласу с Божьей помощью выучил отца Иоанна служить литургию. На большие праздники со всей округи собирались на моленье.

В 1941 году, незадолго до войны, умирает Тока, который руководил Тувой. Новая власть под давлением Москвы приняла решение выселить около двух тысяч семей староверов. Сами тувинцы приходили просить прощения у выселенцев за то, что приходится выполнять такой приказ: «Мы вас до границы проводим, а там, как будто передадим официально, а вы не мешкайте и сразу уходите»! Так и поступили. Как только тувинцы ослабили бдительность, староверы растворились в тайге.

Началась война с Германией. Старший сын Василия ушел на войну, а остальные семейщики Семёна Иларионовича снова проживали в Минусинске. Семён искали, хотели арестовать; он прятался летом в тайге, а к зиме попытался наведаться домой. Но в доме у Евфросинии чекисты сделали засаду, и когда хозяин пришёл из тайги, его схватили, арестовали. Запомнилось ему, как составляли протокол: «При себе имеет особо опасное оружие!» — это написали про лестовку[7]! *(Как священник я могу засвидетельствовать, что лестовка — самое страшное оружие против бесов, ведь беса из пистолета, пушки не расстреляешь, а вот лестовкой, молитвой отобьёшься!)*

"Приводят меня в отделение НКВД г. Минусинска. Сижу, жду... Приходит начальник, ему докладывают: «Задержан опасный диверсант Кузнецов!» Провели меня в кабинет, остались мы с ним наедине, спрашивает он меня: «Что, Кузне¬цов, от нас бегаешь»? — «Я бегаю? Вот у вас во дворе стоит метла. Так ты возьми эту метлу, и своих помощников ей-то и разгони всех. Они же меня полгода поймать не могли. Если бы я действительно был немецким диверсантом, то за эти месяцы я бы вам сколько делов бы наделал!» Начальник удивился, глаза вытаращил... А потом и говорит: «Так, Кузнецов... Ты нам уже не нужен!» — «Как это — не нужен?!» — «Сын твой воюет в Красной Армии, отзывы командиров о нем хорошие. А тебя мы уже расстреляли. Вот тебе документы на другое имя, распишись в получении и будь свободен, чтобы тебя не видно и не слышно было...» Расписался я в бумагах – и спиной к двери попятился. Подумал тогда, что стрелять в затылок будет, в глаза-то страшно смотреть, когда убиваешь. У двери поклонился: «Благодарствую, гражданин начальник.» Не выстрелил, и за дверями никто не задержал, уже, значит, указание получи-

[7] Старообрядческие кожаные четки для счета молитв.

ли меня пропустить. Так в 1941 году я остался живым, но официально расстрелянным."

Прошла война, вернулся с фронта сын Василий, жену Анну из Германии привёз. **"Спрашиваю у него: «Как ты жену нашёл?» Он мне и рассказал: «Выбили мы фашистов из одного немецкого посёлка, а навстречу нам девчонки русские выбежали, как оказалось — угнанные на работу. Бросились они к нам, кричат: «Не оставляйте нас!» Анна на шее у меня повисла: «Возьми меня с собой!» Вот так и привёз её в далёкий Минусинск".**

В 1946 году в Минусинске начали организовывать церковную общину: **"Верующие обратились ко мне: «Семён Иларионович, похлопочи, ты у нас самый грамотный, а мы тебя поддержим!» Сунулся я в администрацию, а там меня опознали, потом был суд — и вляпали мне 25 лет «за подделку документов». На допросе не стал я выдавать того начальника, который документы мне выправил. Оказался в Черногорске, недалеко от Абакана, где был лагерь для поволжских немцев. Мне было тогда уже за 60 лет. Терять уже нечего, по сроку я уже до 90 лет сидеть буду. Молился, постился, на праздники на работы не выходил. Ходил в праздник по лагерю и пел молитвы. Начальнику лагеря и доложили об упрямом церковнике, «Шаляпиным» меня прозвали. Вызвали на Страстной седмице к начальнику лагеря, он меня и спрашивает: «Это тебя Шаляпиным называют? Пропой что-нибудь!»[8]**

«Да что же пропеть?» — «Пасху петь умеешь?» — «Умею». — «Так спой!» А я ему отвечаю: «Сейчас идет Страстная седмица, и не Пасху поют, а "Волною морскою" петь надо. А вот будет Пасха, приглашай, спою. Да вот только помещение, гражданин начальник, неподходящее для пения. Икон нет, кому я буду петь? Слух твой услаждать?» – «Как ты разговариваешь, что ты за человек такой?!» — «Вот такой я и есть — Семён! Семён — не хамелеон, зимой и летом одним цветом, за что и здесь!»

Проходит Страстная седмица, Великая суббота. Отбой. Приходит конвой: «Кузнецов, на выход!» Поклонился я всем, попрощался, думаю: «Вот, подерзил с начальником, — в расход меня!» А приводят меня снова в кабинет начальника лагеря. Глазам не верю! Святые образа стоят! Свечи лежат; понюхал — восковые! И всё лагерное начальство собралось. Поначалу оторопел, а начальник мне и говорит: «Вот, Кузнецов, обещался петь Пасху, — пой!» Ладно, зажёг свечи, у каждого образа поставил, ещё остались — я их раздал всем этим начальникам. Взял свечу и запел:

> Да воскре́снет Бог, и разы́дутся врази́ Его́! Христо́с воскре́се из ме́ртвых, сме́ртию на́ смерть наступи́, и гро́бным живо́т дарова́!

Пою службу и думаю: «Видно, последнее это пение в моей жизни!» Стараюсь петь медленнее, побольше стихов на Пасхальном каноне пою, чем Уставом положено. Но как ни тяни — конец всё же будет... Служба закончилась, стоят все, молчат. И я молчу, не знаю, что делать... Поворачиваюсь к ним и говорю: «Христос воскресе!» А они все дружно, по-военному: «Воистину воскресе!» Начальник лагеря тут затрепетал: «Все свободны, а ты, Кузнецов, задержись!» Когда все вышли, он мне и

[8] О силе голоса Семёна Илларионовича говорит такой случай. Однажды, до революции, он с владыкой Иннокентием объезжал епархию на пароходе по Волге. Владыка попросил его: "Семёнушка! Пропой «Господи возвах»!" — "Как же пропеть, владыко, люди же кругом?!" — "Не стесняйся, прославь Господа, Бог благословит!" — Семён Иларионович и запел: ***«Господи, возвах к Тебе, услыши ны, Господи!»…*** Тут же капитан с мостика через рупор кричит: «Кто пропел на правом борту, немедленно перейти на левый борт и спеть ещё раз, а то перевернёмся!» — все пассажиры сбежались на правый борт посмотреть на певца... Я застал его уже 95-летним старцем, и несмотря на почтенный возраст, он так прекрасно и понятно читал «Апостол», что иногда казалось, что читал не по-церковнославянски, а по-русски. Каждое слово, каждое ударение выделял, каждую запятую, вкладывал всю свою душу в чтение. *(Прим. о. Валерия Шабашова.)*

говорит: «Ну, Россия, не здесь тебе место!» И действительно, через три месяца меня освобождают подчистую.

Вернулся домой, Ефросинья встретила меня, увидела, остановилась, крестится: «Свят, свят, свят, — не подходи, лукавый!» Пошёл тогда к соседям, попросил удостоверить, что я кость и плоть имею. Не привидение же я! Не сразу Ефросинья поверила, что я не сбежал".

Стали староверы собираться на регулярное моленье у Кузнецовых. В 50-е годы освободился отец Феодор, стал их окормлять. Какое отношение к священнику! При посторонних обращались только «Фёдор Фёдорович»!

Однажды двое бандитов, выследив, когда в доме была только хозяйка, ворвались к Кузнецовым, стали сгребать иконы и книги. Евфросиния вступилась, бандюги же избили пожилую женщину, выбили глаз, сломали рёбра и закинули под кровать. В этот момент заходит хозяин, — и этот 90-летний старик вступил в схватку со здоровыми мужиками!

"Один из разбойников вырвался, убежал, а второго я за горло держал, пока сыновья не подоспели. Когда хозяйку мою из больницы выписали, я ей говорю: «Ефросиньюшка, давай уж не будем больше у нас собираться».

А она мне отвечает: «Семён, чего ради я глаз-то потеряла? Рёбра-то мне за что пересчитали? Нет, будем собираться и ещё больше будем молиться!»"

В 1978 году община добилась официальной регистрации, но, к великому сожалению, отец Феодор умирает, выхлопотали меня[9] в Москве. Как всё организовал Семён Иларионович! За три месяца под его руководством дети и внуки Кузнецовы выстроили храм вместимостью до 200 человек!

Удивительна была и кончина Семёна Иларионовича. Когда отмолились Успение, он ушёл под клирос. Вдруг падает икона, Семён Иларионович поднимает её, а это Симеон Богоприимец. Это же его святой! Посмотрел Семён Иларионович, погладил иконку, поцеловал, поставил на место и сказал: «Вот и за мной пришли!» Через два месяца он ослеп, люди приходили прощаться, а, он умирая, спрашивал, кому какой поклон передать. Умер в октябре месяце, в воскресенье под Казанскую. Чувствуя приближение смерти, говорил близким: «Оставьте со мной Анфису, она сумеет прочитать канон на исход души, а все остальные идите в храм, нечего тут сидеть возле меня».

Таковы была жизнь и успение раба Божьего Симеона, который всю свою жизнь посвятил служению Богу.

[9] Отца Валерия.

Христос в гостях у мужика

Н.С. Лесков. *Рисунок И.Е.Репина.*

Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, я сам слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и вам передам его же словами.

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в эти места прибыл за крепостное время в России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим простую, русскую[1]. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было. Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда восемнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непостыдного. За что он прибыл по суду за поселение – об этом по нашему положению, щадя человека, не расспрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекуном был в его сиротство да и растратил, или взял, почти все наследство. А Тимофей Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию Создателя, грех сего безумия не до конца совершился – Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большого наказания ему не было, как из первогильдийных купцов сослан он к нам на поселение.

Именье Тимошино хотя девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью еще жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела, и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он все книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришли мы друг другу по сердцу.

Родители мои попервоначалу не очень меня к нему пускали. Он им мудрен казался. Говорили: «Неизвестно, какой он такой и зачем ото всех прячется. Как бы чему худому не научил». Но я, быв родительской воле покорен, правду им говорил, отцу и матери, что ничего худого от Тимофея не слышу, а занимаемся тем, что вместе книжки читаем и о вере говорим. Как по святой воле Божией

[1] То есть рассказчик – старовер.

жить надо, чтобы образ Создателя в себе не уронить и не обесславить. Меня стали пускать к Тимофею сидеть сколько угодно, и отец мой сам к нему сходил, а потом и Тимофей Осипов к нам пришел. Увидали мои старики, что он человек хороший, и полюбили его, и очень стали жалеть, что он часто сумрачный. Вспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, – весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда и читать не хочет, да и в глазах вместо всегдашней ласки – гнев горит. Честности он был примерной и умница, но к делам за тоскою своею не брался. Но скуке его Господь скоро помог: пришла ему по сердцу моя сестра, он на ней женился и перестал скучать, а начал жить да поживать и добра наживать, и в десять лет стал у всех в виду как самый капитальный человек. Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые. Чего еще надо? Кажется, все прошлое горе позабыть можно, но он, однако, все-таки помнил свою обиду, и один раз, когда мы с ним вдвоем в тележке ехали и говорили во всяком благодушии, – я его спросил:

– Как, брат Тимоша, всем ли ты теперь доволен?

– В каком, – спрашивает, – это смысле?

– Имеешь ли все то, чего в своем месте лишился?

А он сейчас весь побледнел и ни слова не ответил, только молча лошадью правил.

Тогда я извинился.

– Ты, – говорю, – брат, меня прости, что я так спросил... Я думал, что лихое давно... минуло и позабылось.

– Нужды нет, – отвечает, – что оно давно... минуло, – все помнится...

Мне его жаль стало, только не с той стороны, что он когда-нибудь больше имел, а что он в таком омрачении: Святое Писание знает и хорошо говорить умеет, а к обиде такую память хранит. Значит, его святое слово не пользует.

Я и задумался, так как во всем его умнее себя почитал и от него думал добрым рассуждением пользоваться, а он зло помнит... Он это заметил и говорит:

– Что думаешь?

– А так, – говорю, – думаю что попало.

– Нет: ты это обо мне.

– И о тебе думаю.

– Что же ты обо мне думаешь?

– Ты, мол, не сердись, я вот что про тебя подумал. Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?

Тимофей не осерчал, но только грустно омрачился в лице и отвечает:

– Ты святое слово приводить не сведущ. Не сведущ, – говорит, – ты и в том, какие на свете обиды есть, коих стерпеть нельзя, – и рассказал мне, что он не за деньги на дядю своего столь гневен, а за другое, чего забыть нельзя.

– Век про это молчать хотел, но тебе, – говорит, – как другу моему откроюсь.

И открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал.

– Разве, – говорит, – все это можно простить. Я его в жизнь не прощу.

– Ну да, – отвечаю, – обида твоя велика – это правда, а что Святое Писание тебя не пользует, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили и даже

своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мною оправдать.

А я ответил:

– Тимоша! Ты умник, ты начитан и все знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не все разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое, а в Новом – яснее стоит: «возлюби да прости», и это мне нравится, как злат ключ, что всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме:

– Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего? И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

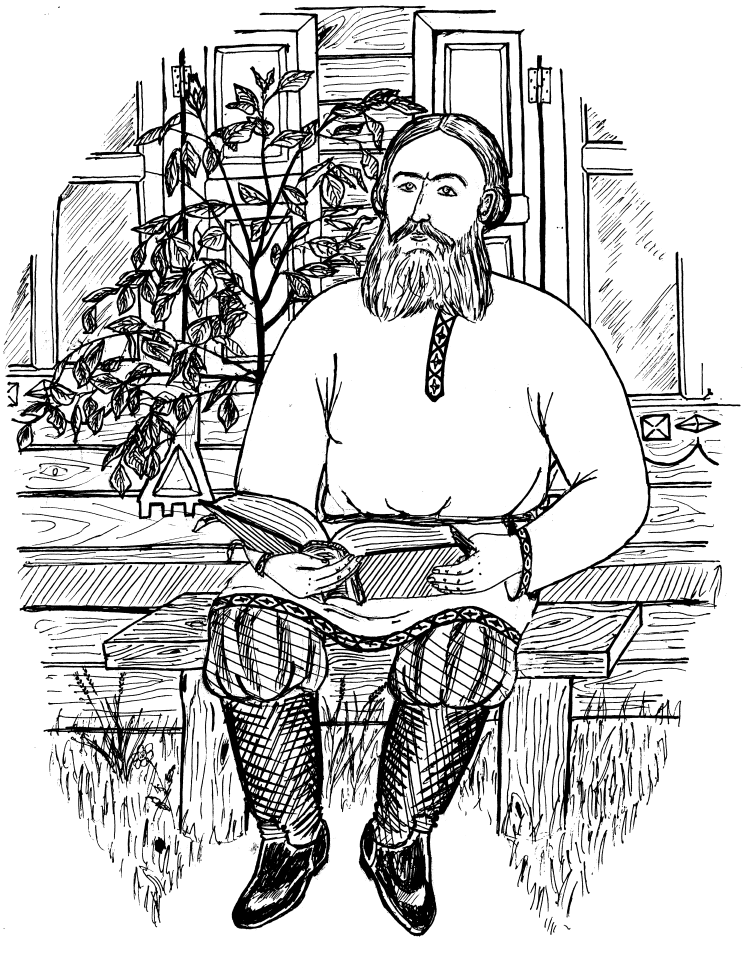
– Последуй, – говорю, – лучше сему, а то я опасаюсь, что «многие книги безумным тя творят».

– Ты, – говорю, – ополчись на себя. Пока ты зло помнишь – зло живо, – а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покое жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

– Не могу, оставь, мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а шло время, и убыло еще шесть лет, и во все это время я за ним наблюдал и видел, что все он страдает, что если пустить его на всю свободу, да если он достигнет где–нибудь своего дядю, – забудет он все Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст Божий. Стал уже он помалу показываться, ну так верно и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева. Но только шло это – удивительно.



***

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шестнадцатый год, и прошло пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трех детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы розаны и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Все место перед домом было розанами покрыто, и через их запах был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам

охорашивал свои розаны и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут иногда молился.

Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собой Евангелие. Поглядел розаны, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его, так жаль, что он заплакал. Вот тут в эту самую минуту и случилося чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил.

– Гляжу, – говорит, – вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой бедности...

И наполнились все глаза мои слезами, и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так вроде забытья или обморока, и воскликнул я: «Господи! Если бы Ты ко мне пришел – я бы Тебе и себя самого отдал».

А ему вдруг в ответ откуда-то в ветерке розовом дохнуло:

– Приду!

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает:

– Как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

– Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом в Писании?

А Тимофей говорит:

– В Писании есть: «Все Тот же Христос ныне и во веки», – я не смею не верить.

– Что же, – говорю, – и верь.

– Я велю что день на столе Ему прибор ставить.

Я плечами пожал и отвечаю:

– Ты меня не спрашивай, смотри сам лучшее, что к Его воле, а в приборе Ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

– Сказано, – говорит. – «Сей грешники приемлет и с мытарями ест».

– А и то, – отвечаю, – сказано: «Господи! Я не достоин, чтобы Ты взошел в дом мой». Мне и это нравится.

Тимофей говорит:

– Ты не знаешь.

– Хорошо, будь по-твоему.

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек, – он, да жена, да трое ребяточек, – всегда у них шестое место в конце стола почетное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не все открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию «для первого гостя», а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.

Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова в розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье, но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь Свое обещание сдержит – придет. Открывал мне Тимофей так, что «всякий день, – говорит, – я молю: «ей, гряди, Господи!» – и ожидаю, но не слышу желанного ответа: «ей, гряду скоро!»

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении. Однако Божие смотрение о том было иначе.

***

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

– Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен и тут только спросил:

– Какое же ты имеешь в этом уверение?

– Ныне, отвечает, только что я помолил: «Ей, гряди, Господи!» – как вся моя душа во мне всколыхнулася и в ней словно трубой вострубило: «Ей, гряду скоро!» Завтра Его святое Рождество – и не в сей ли день Он пожалует. Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя страхом трепещет.

Я говорю:

– Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чем этом судить не умею и Господа видеть не ожидаю, потому что я муж грешник, но ты нам свой человек – мы к тебе придем. А ты если уповательно ждешь столь великого Гостя, зови не своих друзей, а сделай Ему угодное товарищество.

– Понимаю, – отвечает, – сейчас пошлю услужающих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных – кто в нужде и бедствии. Явит Господь дивную милость – пожалует, так встретит все по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

– Тимофей, – говорю, – кто может учредить все по заповеди? Одно не разумеешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако, если все это столь сильно «трубит» в душе твоей, то да будет так, как тебе открывается. Если Господь придет, Он все, чего недостанет, пополнит, и если ты кого Ему надо забудешь, Он сам приведет.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званый стол. Так он звал, чтобы всех дождаться. Застали большие хоромы его полны людей, всякого нашенского, сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест, – и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют. А на дворе уже смеркалося, да и ждать больше было некого: все послы домой возвратилися, и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась метель и вьюга, как светопреставление.

Одного только гостя нет и нет, – который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за стол садиться, потому что совсем темно понадвинуло и все мы ждем в сумраке при одном малом свете от лампад перед иконами.

Тимофей ходил и сидел и был, видно, в тяжкой тревоге. Все упование его поколебалось, – теперь уже видное дело, что не бывать «великому Гостю».

Прошла еще минута, и Тимофей вздохнул, взглянул на меня с унылостью и говорит:

– Ну, брат милый, – вижу я, что либо угодно Господу оставить меня в посмеянии, либо прав ты: не умел я собрать всех кого надо, чтоб Его встретить. Будь о всем воля Божия: помолимся и сядем за стол.

Я отвечаю: – Читай молитву.

Он стал перед иконою и вслух зачитал: «Отче наш, Иже еси на небесех», а потом «Христос раждается, славите, Христос с небесе, срящите, Христос на земли...»

И только это слово вымолвил, как что–то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошел шум по широким сеням, и вдруг двери в горницу сами вскрылися настежь.

Все люди, сколько тут было, в неописанном страхе шарахнулись в один угол, а многие пали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, – неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая как из снега рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем, такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидал это – вскричал:

– Господи! Вижу и приму его во имя Твое, а Ты Сам не входи ко мне: я человек злой и грешный, – да с этим и поклонился лицом до земли. А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей покорностью тронуло, и воскликнул всем вслух:

– Молитесь: Христос среди нас! – А все отвечали:

– Аминь, – то есть «истинно».

Тут внесли огонь, – я и Тимофей восклонились от полу, а белой руки уже не видать, – только один старик остался.

Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик – может быть, вы и сами догадаетесь, – это был враг Тимофея, дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него пошло прахом, и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту метель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

– Но вдруг, – говорит, – кто-то неведомый осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на Моем месте и поешь из Моей чаши», – взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

– Я, дядя, твоего Провожатого ведаю: это Господь, который сказал: «Аще алчет враг твой – ухлеби его, аще жаждет – напой его». Сядь у меня на первом месте – ешь и пей во славу Его и будь в дому моем во всей воле до конца жизни.

С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем. Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце тоже может быть такими яслями, если оно исполнит заповедь: «Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас», – и Христос придет в сердце его, как в убранную горницу, и сотворит себе там обитель.

Н. С. Лесков

Приложение

Преподобный Викентий Лиринский

Памятные записки Перегрина о древности и всеобщности кафолической веры против непотребных новшеств всех еретиков

Преподобный Викентий Лиринский[1]

Памятные записки Перегрина[2] о древности и всеобщности кафолической веры против непотребных новшеств всех еретиков

ЧАСТЬ I

I. Писание говорит и увещевает: *вопроси отцов твоих*[3], *и скажут тебе, старцев твоих, и возвестят тебе* ***(Втор. 32:7)***, *также: к словам мудрых прилагай ухо твое* ***(Притч. 22:18)***, *и еще: сын мой, сих речей не забывай, слова же мои да сохраняет сердце твое* ***(Притч. 3:1)***. Думается мне, Перегрину, меньшему из всех рабов Божиих, что будет очень не бесполезно, если я то, что благоговейно принял от святых отцов, с помощью Божией изложу письменно, как весьма нужное по крайней мере для собственной немощи, потому что при наличии [записи], путем постоянного перечитывания ее явится возможность восстанавливать мою слабую память. К занятию этому побуждает меня не только польза труда, но и время, в которое живем, и место, в котором находимся. **Время** побуждает тем, что похищает все человеческое и этим налагает на нас долг взаимно похищать у него нечто полезное для жизни вечной, особенно когда и ожидание приближающегося страшного суда Божия заставляет быть ревностнейшими в деле религии, и коварство новых еретиков требует множества забот и осторожности, а **место** – тем, что мы, убегая многолюдства и шума городского, живем в отдаленной деревушке и притом в уединении монастырском, где без большого развлечения можно совершать воспеваемое в псалме: *упразднитесь, и разумейте, что Я – Господь* ***(Пс. 45:11)***. Кроме того, это занятие сообразно и с самым намерением нашим; ибо, поносившись несколько времени по разным несчастным водоворотам мирской военной служ-

[1] Преподобный Викентий Лиринский – святой отец, живший в V веке. Его «Памятные записки» содержат учение Церкви о необходимости тщательного сохранения Церковного Предания, ибо оно является основой Православной Веры.
[2] Перегрин – странник (псевдоним автора).
[3] Тексты приводились в том виде, в каком приводятся они в настоящих записках.

бы, мы сокрылись наконец, по внушению Христову, в безопаснейшую во всякое время пристань религии, чтобы здесь, отложив надмения суеты и гордости, чрез умилостивление Бога жертвою смирения христианского – избежать не только кораблекрушений настоящей жизни, но и огней будущего века.

Но приступлю уже, о имени Господни, к предстоящему делу, то есть к записи того, что предано и вверено нам для хранения предками, только не как надменный сочинитель, но лучше как достоверный повествователь, соблюдая при этом то правило письма, чтобы вкратце передать отнюдь не все, а только кое-что необходимое. И языком не красивым и обработанным, но простым и обыкновенным, чтобы сообщаемое мною представлялось большею частию намеком, а не раскрытием. Писать пышно и обстоятельно предоставляю тем, кто надеется на свои дарования или кого побуждает к такому письму обязанность. Для меня же достаточно будет приготовить самому себе, в пособие памяти, или лучше сказать, забывчивости своей, памятную записку, которую впрочем, при содействии Господа, постараюсь каждодневно исправлять и пополнять понемногу, припоминая узнанное мною. Но об этом последнем предуведомил я с тою целью, чтобы если случайно пропавшее у меня попадется в руки святых[4], они не порицали в нем смело ничего, что заметят заслуживающим, согласно обещанию, исправления.

II. Итак, я с большим усердием и со всевозможным тщанием часто старался узнать от весьма многих преблагочестивых и преученых мужей: **как** мне некоторым верным и как бы общим и правильным путем **отличать истину веры кафолической от лживости уклонения еретического?** На это все они давали мне всегда такой обыкновенно ответ: если я или другой кто захочет узнать обманы и избежать сетей вновь являющихся еретиков и пребыть в здравой вере здравым и целым, то должен оградить веру свою, при помощи Божией, двумя средствами: ***во-первых, авторитетом Закона Божественного (Священного Писания), а во-вторых Преданием кафолической Церкви.*** Но, быть может, кто-нибудь спросит: ведь канон Писаний совершенен и с избытком достаточен на все. Почему же нужно присоединять к нему авторитет разумения церковного? – Потому, что **Священное Писание, по причине возвышенности его, не все понимают одинаково**, но иный толкует глаголы его так, а иный иначе, так что представляется возможным извлечь из него столько же смыслов, сколько есть голов. Так, иначе изъясняет его Новациан, иначе Савеллий, иначе Донат, иначе Арий, Евномий, Македоний, иначе Фотин, иначе Аполинарий, Прискиллиан, иначе Иовиниан, Пелагий, Целестий, иначе наконец Несторий. А потому-то именно, что существует такое множество изворотов крайне разнообразного заблуждения, весьма **необходимо направлять нить толкования пророков и апостолов по правилу** (norma) **церковного и православного понимания.** В самой же кафолической Церкви особенно должно заботиться нам о том, чтобы **содержать то, чему верили повсюду, всегда, все**; ибо истинно и в собственном разуме кафолическое, как показывает значение и смысл наименования сего[5], – то, что все вообще объемлет. Но это будет наконец тогда, когда мы последуем **всеобщности, древности, согласию**; а всеобщности последуем мы тогда, когда **признаем истинною ту только веру, которую исповедует вся по Земному шару Церковь**; а древности - тогда, когда **никак не отступим от тех мыслей, которые, несомненно, одобрены святыми предками и отцами нашими; а согласию – тогда,**

[4] Т.е. христиан.

[5] Catholicae, а catholicus (по-гречески «кафоликос», от «кафа» и «олос») значит всеобщий, всецелый, повсеместный. Так называлась первоначально Вера и Церковь христианская, в отличие от учения и обществ еретических и раскольнических, а с того времени, как Церковь стала ограждать Веру свою от ересей и расколов Соборами Вселенскими, название это сделалось равнозначующим слову православный («ортодоксос»).

когда в самой древности последуем определениям и мыслям всех или по крайней мере большинства священников и вместе учителей.

III. Как же поступить православному христианину, **когда какая-нибудь частица Церкви отсечется от общения со всеобщей верой?** Как иначе, если не **предпочесть зараженному и поврежденному члену здоровье всего тела**?

А если вновь явившаяся какая-нибудь зараза покусится пятнать не частичку уже только Церкви, но всю вместе Церковь? И тогда он должен позаботиться **пристать к древности, которая не может уже быть обольщена никаким коварством новизны**.

А если в **самой древности узнана будет погрешность двух или трех человек** или одного какого-нибудь города, или даже одной какой-нибудь области? Тогда он всемерно должен постараться – **безрассудству или невежеству немногих, где бы ни были они, предпочесть решения древле-всеобщей Церкви[6] вообще**.

А если что-нибудь таковое откроется там, где **нельзя найти такого решения**? Тогда он должен постараться **сличить между собой и обсудить собранные мнения предков, тех только, которые, хотя [жили] в разные времена и в разных местах, но непременно пребывали в вере и общении с единой кафолической Церковью и были уважаемыми учителями, и если дознает что, касательно возникшего вопроса, не один только или двое, но все вместе единодушно содержали, передавали письменно, сообщали живым голосом открыто, часто, твердо**, то пусть уразумеет, что **этому должно верить без всякого сомнения**.

IV. Но, чтобы положения наши были очевиднее, долгом считаем пояснить каждое из них примерами и раскрыть несколько пространнее, дабы, по заботливости о неумеренной краткости, не унизить предметов беглостью речи. Во времена Доната[7], от которого получили имя свое донатисты[8], значительнейшая часть Африки впала в безумные заблуждения его[9] и, забыв о славе, благочестии, исповедании, предпочла Церкви Христовой нечестивое безрассудство одного человека. Тогда из всех христиан, какие только были в Африке, возмогли быть целыми в святилищах кафолической веры только те, кои, прокляв непотребный раскол, вступили в общение со всеми Церквами мира, – оставляя потомкам истинно прекрасный образец того, как именно впредь должно благочестно предпочитать здравомыслие всех сумасбродству одного человека или меньшинства.

Также, когда яд арианства коснулся не частички уже какой-нибудь, но почти всего мира, так что после того, как совращены были, частью насильно, а частью обманом, все почти епископы латинского языка, умы как-то затмились, не видя, чему прежде всего следовать в столь расстроенных обстоятельствах, тогда ни один из современных истинных любителей и чтителей Христа нисколько не потерпел от отравы яда того потому, что **вновь открывшемуся вероломству предпочитал древнюю веру**. Опасное время это с избытком показало, сколь **великое бедствие причиняется введением нового учения**. Тогда потрясены были не только малые, но и величайшие вещи; ибо не одни родства, свойства, дружества, семейства, но и города, народы, области, нации, вся, наконец, империя Римская была поколеблена и подвигнута совер-

[6] Universalis Ecclesiae, а ниже (п. XXVII, XXIX) говорится universalis Concilii, всеобщего собора: что, очевидно, все равно.
[7] Сделавшегося известным с 329 года.
[8] Первоначально они назывались принадлежащими к партии Маиорина.
[9] Донат учил, что Церковь состоит из одних совершенных, что ее нет нигде, кроме Африки и притом донатистов, что крещение и рукоположение в таинстве священства должно повторять над тем, кто пожелает вступить в их общество.

шенно. Ибо как скоро непотребная новизна арианская, как беллона какая или фурия, овладев прежде всего императором[10], покорила потом новым законам высших сановников придворных, то смело и безпрепятственно начала после того расстраивать и потрясать все: частное и общественное, священное и мирское, нимало не отличать доброго и истинного, но как бы с возвышенного места поражать всякого, кого только хотела. Тогда жены были обезчещены, вдовицы обнажены, девственницы осквернены, монастыри разрушены, клирики разорены, левиты[11] наказаны, священники сосланы в ссылку, тюрьмы, темницы, рудокопни наполнены святыми[12], наибольшая часть которых, по удалении из городов чрез изгнание и ссылку, посреди пустынь, пещер, зверей, скал, мучились, страдали и изнемогали от наготы, голода, жажды. А все это не по той ли единственно причине, что тогда **вместо Небесного учения вводились суеверия человеческие, хорошо основанная древность подкапывалась беззаконной новизной, установленное старшими нарушалось, узаконненое отцами отменялось, определенное предками ниспровергалось, страсть непотребной и недавно явившейся пытливости не удерживала себя в чистейших границах освященной и нерастленной древности**?

V. Подумают, что мы воображаем это по ненависти к новизне и по любви к старине? Кто только думает так, тот должен поверить по крайней мере блаженному Амбросию. Сей, оплакивая горестное время то, во второй книге **(о Вере, гл. 4)** к императору Грациану говорит: "Но довольно уже, всемогущий Боже, омыли мы ссылкой своей и кровью своей убиения исповедников, ссылки священников и непотребство столь великого нечестия. Довольно ясно стало, что **кто решится нарушить веру, тот не может быть безопасным**"[13].

Он же и в третьей книге того же сочинения говорит: "Итак, **будем хранить заповеданное предками** и не дерзнем, по невежественному безрассудству, повреждать печати, доставшиеся по наследству. Известную запечатанную книгу пророческую **(Апок.5:1-10)** не дерзнули разгнуть ни старцы, ни Власти, ни Ангелы, ни Архангелы: право раскрыть ее прежде всех предоставлено одному Христу. Дерзнет ли кто из нас распечатать книгу священническую, запечатанную исповедниками и освященную уже мученичеством многих? Кого вынудили распечатать ее, те после запечатали ее наконец, осудив обман[14], а кто не дерзнул тронуть ее, те стали исповедниками и мучениками. **Как можем мы отвергать веру тех, чью победу прославляем?**"

Да, прославляем, досточтимейший Амбросий, действительно, говорю, прославляем и, прославляя, дивимся. Ибо кто настолько безумен, что не возжелает, при бессилии совершенно уподобиться [мученикам], – [хотя бы] следовать тем, кого ничто не отторгло от защиты веры предков, – ни угрозы, ни ласкательства, ни жизнь, ни смерть, ни Двор, ни воинство, ни император, ни империя, ни люди, ни демоны? – тем, говорю, кого[15] за приверженность к Боголюбезной древности сподобил Господь такого дара, что чрез них восстановил Церкви повергнутые, оживил народы, умершие духовно, возвратил достоинство священникам низверженным, изгладил непотребные пачкания, а не писания, недавнего нечестия свыше стекшим к епископам источником слез верующих; наконец весь почти мир, потрясенный свирепой бурей внезапной ереси, отвлек **от недав-**

[10] Констанцием.
[11] Т.е. диаконы.
[12] Т.е. христианами, не перешедшими на сторону арианской ереси.
[13] Св. Амбросий Медиоламский. De fide lib. 2, cap. 4: opp. p. 3. f. 109 v. 1516 г.
[14] Разумеются епископы, которых император Констанций вынудил отречься от православия в Аримин (в 359 г.), и которые после раскаялись в этом и осудили богохульства ариан.
[15] Разумеются епископы, которых император Констанций вынудил отречься от православия в Аримин (в 359 г.), и которые после раскаялись в этом и осудили богохульства ариан.

ней неверности к древней вере, от нового сумасбродства к древнему здравомыслию, от новой тьмы к древнему свету?

Но в этой сверхъестественной силе исповедников мы должны заметить особенно то, что они **в отношении к самой древности церковной взялись тогда защитить не часть какую-нибудь, но всеобщность**. Да и не пристойно бы было, чтобы такое множество знаменитых мужей защищали с великим усилием ошибочные и несогласные между собою догадки одного или двух человек, или же подвизались за какой-либо безрассудный замысел какой-нибудь области: напротив, следуя решениям и определениям всех священников святой Церкви, наследников апостольской и кафолической истины, они пожелали лучше самих себя предать, нежели древнюю всеобщую веру. Оттого-то и сподобились они приобрести такую славу, что их достойно и праведно почитают не только исповедниками, но и первыми из исповедников.

VI. Итак велик, поистине сверхъестествен и достоин того, чтобы неутомимо размышлял о нем всякий истинный православный, пример блаженных мужей тех! Они, подобно седмисвещному светильнику, седмеричным лучезарным светом Святого Духа предначертали потомкам достопримечательнейший образец того, как сокрушать впредь авторитетом освященной древности дерзость непотребной новизны в отношении к каждому суесловию заблуждений. Но это отнюдь не новость. В Церкви всегда процветал обычай, что **чем Боголюбивее был кто, тем скорее выступал против новых вымыслов**. Примеров на это весьма много везде. Но, чтобы не говорить много, мы позаимствуем один какой-нибудь пример и лучше всего из истории Апостольского престола[16], дабы яснее дня видно было всем с какой силой, с каким усердием, с каким жаром защищали всегда целость однажды принятой религии блаженные преемники блаженных Апостолов.

Некогда почтенной памяти Агриппин, епископ Карфагенский, вопреки Божественному Канону, вопреки правилу (regula) всеобщей Церкви, вопреки мнению всех сосвященников, вопреки обычаю и уставам предков, первый из всех смертных выдумал, что еретиков, возвращающихся в общение с Церковью, надобно перекрещивать. Высокоумие это наделало столько зла, что не только для всех еретиков послужило образцом к поруганию святыни, но и некоторым из православных подало повод к заблуждению. Тогда против новости этой заговорили со всех сторон, и все священники, каждый со свойственным ему тщанием, оберегали себя от нее. Тогда же преимущественно пред прочими товарищами своими, хотя и вместе с ними, противостал предстоятель Апостольского престола блаженной памяти папа Стефан, поставляя себе, как полагаю, в честь – превзойти всех прочих преданностью вере настолько, насколько превосходил их важностью места. Наконец, в письме, посланном тогда в Африку, он определил следующее: «**да не вводится ничего нового, кроме того, что предано**»[17]. Святой и благоразумный муж понимал, что **правило благочестия – допускать только то, чтобы все, принятое отцами по вере, верою же запечатлено было и от сынов**, что наш долг – **не религию вести, куда захотели бы, но следовать, куда она поведет**, и что христианской скромности и достоинству свойственно **не свое передавать потомкам, но хранить принятое от предков**!

Какой же был тогда исход всего дела? – Какой другой, кроме общепринятого и обыкновенного? Именно: **древность была удержана, а новизна отвергнута**. Но тогда, может быть, ничто не покровительствовало означенной вы-

[16] Древней Римской церкви, к которой принадлежал и сам автор.
[17] Означенное письмо Стефана не дошло до нас; но приведенное из него изречение сохранилось у св. Киприана (твор. т. 1, с. 301-302. Киев, 1860 г.).

думке? Напротив, на её стороне было столько сильных дарований, такое обилие красноречия, так много защитников, столько правдоподобия, столько цитат из Божественного Закона, только понятых, разумеется, на новый и худой лад, – что её, по моему мнению, никаким образом нельзя было опровергнуть; разве уж сами изобретшие и защищавшие ее с таким усилием сознались бы, к чести своей, в ее новизне. Что же наконец последовало? Какое влияние имели самый собор Африканский[18] или решение его? По милости Божией, никакого; но все, как сновидения, как басни, как нелепости, отменено, отвергнуто, попрано.

И – о чудный оборот обстоятельств! – виновники того мнения признаются православными, а последователи – еретиками, учителя разрешаются, а ученики осуждаются, писатели сочинений будут сынами царствия, а защитники оных подвергнутся геенне. Ибо кто столь безумен, что усомнится в том, что светило всех святых, епископов и мучеников, блаженнейший Киприан, и прочие товарищи его будут царствовать со Христом во веки? Или, напротив, кто столь нечестив, что станет отрицать, что донатисты и прочие заразители, хвастающиеся тем, что перекрещивают по авторитету собора того, навсегда будут гореть с диаволом?

VII. Я полагаю, что такое решение состоялось по вдохновению Божию, в первую очередь по причине коварства тех, которые, **умышляя составить ересь под чужим именем, всегда почти стараются найти малоизвестное сочинение какого-нибудь древнего мужа, по неясности своей как будто благоприятствующее их учению, чтобы таким образом показать, что проповедуют, что бы там ни было, не они первые и не они одни**. Непотребство таковых я признаю заслуживающим сугубого отвращения; во-первых потому, что они не боятся подносить другим яд ереси, а во-вторых потому, что они непотребной рукой, так сказать, выставляют на ветер память всякого святого мужа, как будто прах какой, и что **надлежало погребсти молчанием, о том разглашают чрез не умирающую никогда молву**. Они в точности подражают зачинщику своему Хаму. Сей не только не позаботился прикрыть наготу досточтимейшего Ноя, но рассказал еще о ней другим для посмеяния. Этим-то и привлек он к себе такую немилость оскорбленного благочестия, что за его собственный грех прокляты даже потомки его. Он вовсе не похож на блаженных братьев, которые не захотели ни своими очами видеть, ни другим показать наготу досточтимейшего отца, но, как пишется, обратившись лицом назад, прикрыли его, и тем показали, что они **и не одобрили, и не выставили напоказ погрешности святого мужа**, и потому-то получили в дар блаженное благословение на потомков **(Быт. 9:20-27)**.

Но возвратимся к цели. Итак, **мы крайне должны бояться греха изменять веру и осквернять религию**. Да отвратит нас от него не только благочиние постановления церковного, но и воззрение авторитета апостольского! Всем известно, как сильно, как грозно, как жестоко поносит блаженный апостол Павел тех, кои с удивительной легкостью чрезвычайно скоро перешли от призвавшего их в благодать Христову, *к иному благовествованию, которое [впрочем] не иное* ***(Гал. 1:6,7)****; которые избрали себе учителей по своим прихотям, отвращают слух от истины, обратились к басням* ***(2 Тим. 4:3,4)****, подлежат осуждению за то, что отвергли прежнюю веру* ***(1Тим.5:12)****; коих обольстили те, о которых тот же Апостол пишет к римским братиям: молю же вас, братия, остерегайтесь от творящих распри и раздоры, помимо учения, которому вы научились, и уклоняйтесь от них. Ибо тако-*

[18] Третий, постановивший перекрещивать еретиков, возвращающихся в общение с Церковию.

вые Господу нашему Исусу Христу не служат, но своему чреву, и ласкательством и красноречием прельщают сердца простодушных ***(Рим. 16:17,18)****. Они вкрадываются в дома и обольщают жёнок, утопающих в грехах, водимых различными похотями; они всегда учатся и никогда не могут дойти до познания истины* ***(2Тим. 3:6,7)****; они - пустословы и обманщики, развратители целых домов, учащие тому, чему не должно, из постыдной корысти* ***(Тит.1:10,11)****; они - люди поврежденного ума* ***(1Тим.6:5)****, невежды в вере* ***(2Тим.3:8)*** *гордые* ***(2Тим.3:2)*** *и ничего не знающие, но зараженные страстью к стязаниям и словопрениям; они чужды истины, думающие, будто благочестие служит для прибытка* ***(1Тим.6:4,5)****, притом же и праздные, привыкают ходить по домам и не только праздные, но и болтливые и любопытные, говорящие то, чего не должно* ***(1Тим.5:13)****; они, отвергая добрую совесть, потерпели кораблекрушение в вере* ***(1Тим.1:19)****; их непотребные пустословия много споспешествуют нечестию и слово их как рак распространяется* ***(2Тим.2:16,17)****. Но хорошо и то, что о них пишется: но не много успеют: ибо безумие их обнаружится пред всеми, как и с теми случилось* ***(2Тим.3:9)****.*

VIII. Когда некоторые из таковых, ходя с продажными заблуждениями своими по областям и городам, пришли наконец к галатам, и когда галаты, выслушав их, преисполнились каким-то отвращением к истине и, изрыгая манну апостольского и кафолического учения, услаждались гадостью еретической новизны, тогда Павел так выказал авторитет апостольской власти, что с величайшей строгостью определил: *но если мы или ангел с неба благовестит вам сверх того, что мы благовестили, анафема*[19] *да будет* ***(Гал.1:8)***. Что значат слова его: *но если мы?* Что значит, что не говорит он лучше: *но если я?* Вот что: хотя бы Петр, хотя бы Андрей, хотя бы Иоанн, хотя бы наконец весь сонм Апостолов благовестил вам что-нибудь такое, чего мы не благовестили, анафема да будет. Ужасная строгость! Чтобы утвердить непоколебимость прежней веры, Апостол не пощадил ни себя, ни прочих соапостолов! Мало сего! Он говорит: *если ангел с небесе благовестит вам паче, чем мы благовестили, анафема да будет.* Чтобы охранить однажды преподанную веру, недостаточно было упомянуть о естестве человеческого свойства, если бы не обнял он и ангельского превосходства! *Если мы*, говорит, или *ангел с небесе*. Не то значит это, будто святые и небесные Ангелы могут погрешать; но вот что говорит он сим: если бы случилось даже невозможное, – **кто бы ни был тот, кто покусится изменить однажды преданную веру, анафема да будет**! Быть может, слова эти высказаны им мимоходом или вырвались у него невольно как-нибудь, а не предписаны по изволению Божию? Отнюдь нет. В последующей речи он с великой силой внушает то же самое, повторяя[20] сказанное: *как мы и прежде сказали, и ныне снова говорю: если кто благовестит вам сверх того, что вы приняли, анафема да будет* ***(Гал.1:9)***. Не сказал он: *если кто благовестит вам сверх того, что вы приняли*, да будет благословен, похвален, принят, но – *анафема да будет*, да будет то есть отделен, отлучен, извержен, чтобы лютая зараза одной овцы не запятнала ядовитой смесью невинного стада Христова.

IX. Это предписано, может быть, только галатам? Если так, то, значит, и далее упоминаемое в том же послании, именно: *если живем Духом, Духом и да ходим; не бывайте тщеславны, друг друга раздражая, друг другу завидуя* ***(Гал.***

[19] Анафе́ма – проклят, или отлучен.
[20] «Кто говорит в другой раз то же, сим показывает, что он подумавши то сказал, и прежде порассудив в уме своем, потом произнес сказанное». Св. И. Златоуст. Толк. на посл. к Галат. с. 34. Москва 1844 г.

5:25,26) и прочее, повелено только галатам же. Но это нелепо; нравственные заповеди эти равно предписаны всем. Значит, и означенное предостережение касательно веры равно относится ко всем же; значит, как никому не позволительно раздражать друг друга или завидовать друг другу, так никому же не позволительно и принимать что-нибудь такое, чего не благовествует повсюду Церковь кафолическая.

Или, может быть, анафематствовать тех, которые возвестили бы то, что не было возвещено, повелевалось только в те времена, а ныне уже не повелевается? Если так, то выходит, что и следующее, сказанное там же Апостолом: *говорю же, духом ходите и похотей плотских не совершайте* ***(Гал. 5:16)***, повелевалось только в те времена, а ныне уже не повелевается. Если же думать так нечестиво и вместе пагубно, то необходимо следует, что как это последнее должно быть исполняемо во все времена, так и **узаконенное касательно неизменяемости веры повелено на все же времена**. Следовательно, возвещать христианам православным что-нибудь такое, чего не приняли они, никогда не позволялось, никогда не позволяется, никогда не будет позволяться, и анафематствовать тех, которые возвещают что-либо кроме раз и навсегда принятого всегда должно было, всегда должно и всегда будет должно. А когда так; то кто или столь дерзновенен, что возвестит что-нибудь такое, что не возвещено в Церкви, или столь легкомыслен, что примет что-нибудь такое, чего не принял от Церкви? *Сосуд избранный* ***(Деян.9:15)****, учитель языков* ***(Гал.2:9)***, труба апостольская, провозвестник вселенский, таинник Небесный – апостол Павел – не один раз, но дважды, и всем, и навсегда, и повсюду громогласно вопит через писания свои: «**кто бы ни возвестил новое учение, да будет предан анафеме**»!

А на другой стороне некие жабы и собачонки и *мухи издыхающие* ***(Еккл.10:1)***, каковы пелагиане, покрикивают и говорят православным: «мы учредители, мы начальники, мы истолкователи; осуждайте, что содержите, содержите, что осуждали, отвергайте древнюю веру, установления отцов, предания предков, и вместо их примите»... А что примите, страшусь выговорить; ибо оно так высокомерно, что его нельзя, по моему мнению, не только утверждать, но даже опровергать без греха.

X. Для чего же, спросит кто-нибудь, попускает иногда Бог, что некоторые знаменитые, поставленные в Церкви, лица возвещают православным новое? Вопрос справедливый и стоющий того, чтобы рассмотреть его тщательнее и пространнее. Только, решить его надобно не от своего ума, но на основании свидетельства из Закона Божественного, образца учительства церковного. Посему послушаем святого Моисея. Он вразумит нас, для чего попускается иногда мужам ученым и за благодать ведения называемым у Апостола даже *пророками* ***(1 Кор. 14:29)*** высказывать новые учения иносказательно, называемые обыкновенно в Ветхом завете *богами иными* ***(Втор.13:2)***, по той, конечно, причине, что еретики почитают мнения их точно так же, как язычники почитают богов своих.

Блаженный Моисей пишет во Второзаконии: если *востанет среди тебя пророк или сновидец*, говорящий тебе ***(Втор.13:1)***, то есть поставленный в Церкви учитель, которого ученики или слушатели его считают учащим по какому-то откровению. Что далее? *И предскажет*, говорит, *знамение и чудо*, и *сбудется* сказанное им ***(Втор.13:1.2)***. Сим обозначается какой-то поистине великий и столь сведущий учитель, что последователи его считают не только познавшим человеческое, но и могущим предузнавать то, что выше человека, каковы были, как хвастают ученики их, Валентин, Донат, Фотин, Аполинарий

и прочие им подобные. Что потом? *И скажет тебе*, говорит: *идем, и последуем богам иным, которых ты не знаешь, и послужим им* ***(Втор.13:2)***. Кто это боги иные, если не заблуждения чуждые, тебе не ведомые прежде, то есть новые и неслыханные? *И послужим им*, то есть поверим им, последуем им. Что, наконец? *Да не послушаешь*, говорит, *слов пророка того, или сновидца* ***(Втор.13:3)***. Почему же, скажи мне, не воспрещается Богом учить тому, что Богом же воспрещается слушать? *Ибо*, — отвечает, — *искушает*[21] *вас Господь Бог ваш*, да явно будет, *любите ли Его, или нет, всем сердцем и всею душою вашей* ***(Втор. 13:3)***. Вот яснее дня стало видно, почему промысел Божий попускает иногда некоторым учителям церковным возвещать новые какие-нибудь учения! *Да искушает вас*, — говорит, — *Господь Бог ваш*. И подлинно, большое испытание (искушение), когда тот, кого ты считаешь пророком, учеником пророческим, учителем и защитником истины, кого ты весьма почтил и полюбил, вдруг скрытно вводит вредные заблуждения, которых ты ни узнать скоро не в состоянии, потому что предубежден в пользу древнего учительства, ни осудить охотно не считаешь позволительным, потому что удерживаешься от того привязанностью к древнему учителю.

XI. После сего кто-нибудь потребует, может быть, чтобы истина содержащаяся в словах святого Моисея пояснена была какими-нибудь примерами церковными. Требование справедливое и заслуживающее того, чтобы немедленно удовлетворить ему.

Начнем же с ближайшего и известного. Какое, думаем, было в недавнее время искушение, когда несчастный Несторий, превратившись вдруг из овцы в волка, начал терзать стадо Христово, когда большинство даже угрызаемых им считали его овцой и потому более терпели от угрызений его? Ибо мог ли кто легко прийти к мысли, что погрешает тот, кто избран по решению верховной власти, к кому весьма привержены священники, кто, пользуясь большой любовью святых и величайшим уважением народа, каждый день всенародно изъяснял глаголы Божии и опровергал всякие вредные заблуждения иудеев и язычников? Как, наконец, не мог удостоверить всякого, что поучает правому, проповедует правое, мыслит правое тот, кто, в видах открыть слух к одной своей ереси, нападал на богохульства всех ересей? Но это-то и было то, о чем говорит Моисей: *искушает вас Господь Бог ваш, любите ли* Его, или нет.

Но оставим Нестория, который всегда более удивлял, нежели приносил пользы, более славен был, нежели опытен, более по человеческому благоволению возвысился на время во мнении толпы, нежели по Божию. Вспомним лучше о тех, которые, имея большой успех и обширную деятельность, послужили для людей, православных в немалое искушение. Так, предки наши говорят, что в Паннонии Фотин был искушением для Церкви Сирмийской, в которой он, после того, как включен был в число священников по большой любви к нему всех и управлял ею несколько времени, как православный, вдруг, будто злой пророк или сновидец, обозначаемый Моисеем, начал убеждать вверенный ему народ Божий, да последует богам иным, то есть чуждым заблуждениям, дотоле неизвестным ему. Но это дело обыкновенное. Пагубно же то, что к беззаконию такому он употреблял несредственные пособия; ибо имел большие дарования, был отлично учен и обладал великим даром слова, потому что пространно и сильно состязался и писал на обоих языках, как видно это из оставшихся от него сочинений, написанных частью на греческом, частью на латинском языке. Но хорошо, что порученные ему овцы Христовы, весьма бдительные и осторож-

[21] Испытывает.

ные в отношении к кафолической вере, скоро обратили внимание на глаголы предостерегающего Моисея, и хотя удивлялись красноречию пророка и пастыря своего, однако и искушение уразумели; ибо за кем следовали прежде, как за овном стада, того стали наконец бегать, как волка.

И не один Фотин, но и Аполинарий вразумляет нас примером своим относительно опасности означенного искушения церковного и вместе напоминает нам о тщательнейшем хранении веры. Ибо и он породил для слушателей своих большие смятения и большие бедствия; потому что в одну сторону влек их авторитет Церкви, а в другую привычка к учителю, так что они, колеблясь и носясь между тою и другою, постоянно недоумевали, куда им лучше пристать.

Подумают, что Фотин был из числа таких мужей, что его без труда можно было презреть? Напротив, он был так велик и славен, что ему большей частью чрезвычайно скоро верилось. Ибо кто лучше его по проницательности ума, по трудолюбию, по учености? Как много ересей подавил он большими сочинениями, сколько опроверг он враждебных вере заблуждений, доказательством этого служит превосходное и огромное сочинение, заключающее в себе не менее тридцати книг, в которых он большой грудой доказательств разбил безумные клеветы Порфирия. Долго припоминать обо всех сочинениях его, которыми он поистине мог бы сравниться с превосходнейшими *строителями* ***(1Кор. 3:10)*** церкви, если бы, увлекаясь непотребной страстью к еретической пытливости, не выдумал что-то новое, чем и труды свои все осквернил, как бы примесью какой-нибудь проказы, и сделал то, чтобы учение его называлось не столько строением, сколько искушением церкви.

XII. После сего потребуют, может быть, чтобы изложены были мною ереси вышеупомянутых лиц, то есть Нестория, Аполинария и Фотина. Это не относится к предмету настоящего занятия нашего; ибо мы предположили не описывать заблуждения каждого, но представить в пример немногих, дабы ясно и наглядно показать справедливость слов Моисея о том, что если когда какой учитель церковный и даже пророк, при истолковании тайн пророческих, покушается вводить в Церковь Божию что-нибудь новое, то это попускается Промыслом Божиим с той целью, чтобы искусить нас. Посему мнения вышеупомянутых еретиков, то есть Фотина, Аполинария, Нестория, полезно будет изложить вкратце в виде отступления.

Итак, учение Фотина состоит в следующем. Он говорит, что Бог один и единствен, и что Его должно исповедовать по-иудейски. Полноту Троицы он отвергает и думает, что нет ни лица Бога Слова, ни лица Духа Святого. Христа же он признает только единственным человеком, получившим начало бытия от Марии, и всячески поучает, что мы должны чтить одно лицо Бога Отца и одного Христа человека. Так учит Фотин.

Аполинарий выдает себя признающим единство Троицы; но он признает его не вполне так, как признает здравая вера. Относительно же воплощения Господня он богохульствует явно; ибо говорит, что во плоти Спасителя нашего или вовсе не было души человеческой, или же была она, но без ума и рассудка. Сверх сего, он говорит, что плоть Господа не от плоти святой Девы Марии воспринята, но сошла в Деву с Неба, и, как непостоянный всегда в мыслях, утверждает то – что она совечна Богу Слову, то – что она образована из Божества Слова. Он не хотел допускать, что во Христе две сущности, одна Божеская, а другая человеческая, одна от Отца, а другая от Матери, но самое естество Слова считал рассеченным на части, как будто одна часть его осталась в Боге, а другая преложилась в плоть – так что, тогда как истина говорит, что из двух сущностей Один

Христос, – он, противоборник истины, утверждает, что из единого Божества Христова образовались две сущности. Таково учение Аполинария.

А Несторий страждет недугом, противоположным Аполинариеву. Притворяясь, будто различает во Христе две сущности, он вдруг вводит два лица, и по неслыханному злочестию допускает двух Сынов Божиих, двух Христов; одного Бога, а другого человека, одного от Отца, а другого от Матери родившегося. Поэтому-то и утверждает он, что святую Марию должно называть не Богородицею, но Христородицей, потому, что от нее родился будто бы не Христос-Бог, но Христос-человек. Если же кому приходит на мысль, что в сочинениях своих он говорит об одном Христе и возвещает об одном лице Христа, тот не должен легко верить этому. Так говорит он или как искусный обманщик, чтобы через добро удобнее внушить и зло, как говорит Апостол: *посредством доброго причинил мне смерть* ***(Рим. 7:13)***, или, с целью обольстить, притворяется, как сказали мы, в некоторых местах сочинений своих признающим одного Христа и одно лицо Христово, или же внушает, что два лица соединились в одного Христа уже после того, как Дева родила, так однако, что во время зачатия или рождения Девического и несколько после было, как утверждает он, два Христа, что то есть Христос родился сначала человеком обыкновенным и единственным и несоединенным еще со Словом Божиим единством лица, но после сошло в Него лицо воспринимающего Слова, и хотя теперь, по восприятии, пребывает он в славе Бога, однако, некогда не было никакой, по-видимому, разности между Ним и прочими людьми.

XIII. Вот что лают против православной веры бешеные псы: Несторий, Аполинарий и Фотин! Фотин не признает Троицы; Аполинарий называет естество Слова преложимым, не исповедует, что во Христе две сущности, отрицает или всю душу Христа или же ум и рассудок в ней и утверждает, что вместо ума было Слово Божие; Несторий уверяет, что или всегда есть или некогда было два Христа.

Церковь же вселенская, право мысля и о Боге и о Спасителе нашем, не изрекает хулы ни относительно таинства Троицы, ни относительно воплощения Христова. Она чтит и одно Божество в полноте Троицы, и равенство Троицы в одном и том же величестве, и исповедует, что Исус Христос один, а не два, и что Он – Бог и вместе Человек. В нем, по вере её, лицо одно; но сущности две, – две сущности, но лицо одно: две сущности потому, что Слово Божие неизменяемо, так что не может превратиться в плоть; лицо одно потому, что исповедание двух Сынов показывало бы, что Церковь чтит четверицу, а не Троицу.

Но стоит труда представить это раздельнее и выразительнее. В Боге сущность одна, но три Лица; во Христе две сущности, но Лицо одно. В Троице Иный и Иный, а не иное и иное, в Спасителе же иное и иное, а не Иный и Иный. Как в Троице Иный и Иный, а не иное и иное? Потому то есть, что иное Лицо Отца, иное Лицо Сына, иное Лицо Духа Святого, но естество Отца и Сына и Святого Духа не иное и иное, но одно и то же. Как в Спасителе иное и иное, а не Иный и Иный? Потому то есть, что иная сущность Божества, а иная сущность человечества; но Божество и человечество – не иный и иный, но один и тот же Христос, один и тот же Сын Божий и одно и то же лицо одного и того же Христа, Сына Божия.

В человеке иное плоть и иное душа; но душа и плоть – один и тот же человек. В Петре и Павле иное душа, а иное плоть; но плоть и душа не два Петра, или душа - иный Павел, а плоть – иный, но один и тот же Петр, один и тот же Павел, состоящий из двух различных естеств души и плоти. Так и в одном и том же

Христе две сущности – но одна Божеская, а другая человеческая, одна от Отца Бога, а другая от Матери Девы, одна совечная и равная Отцу, а другая произшедшая во времени и меньшая Отца, одна единосущная Отцу, а другая единосущная Матери, но в той и другой сущности один и тот же Христос. Следовательно, не иный Христос Бог, а иный Христос человек, не иный Несотворенный, а иный сотворенный, не иный Бесстрастный, а иный подверженный страданиям, не иный Равный Отцу, а иный меньший Отца, не иный от Отца, а иный от Матери, но Один и Тот же Христос – Бог и Человек, Один и Тот же Несотворенный и сотворенный, Один и Тот же Неизменяемый и Бесстрастный, один и тот же удобоизменяемый и удобостраждущий, Один и Тот же и равный Отцу и меньший Отца, Один и Тот же от Отца рожденный прежде веков, Один и Тот же от Матери рожденный во времени, совершенный Бог, совершенный Человек. В Боге – полное Божество, а в Человеке – полное человечество. Говорю: полное человечество, потому что оно имеет Душу и вместе Плоть; но плоть истинную, нашу, матернюю, а душу, одаренную смыслом, обладающую умом и рассудком.

Следовательно, во Христе – Слово, душа, плоть; но все это один Христос, один Сын Божий и один Спаситель и Искупитель наш. Один же не удобоповреждаемым каким-то слиянием божества и человечества, но неповреждаемым и особенным неким единством лица. Ибо и соединение то[22] не превратило и не переменило Иного в иное (таково собственно заблуждение ариан), но так сопрягло то и другое во едино, что, при всегдашнем бытии во Христе единства одного и того же Лица, во веки также пребывает в Нем свойство каждого естества, то есть то, почему ни Бог не начинает быть когда-нибудь телом, ни тело не перестает быть когда-нибудь телом.

Это ясно видно и из примера, взятого с человека. Каждый из людей не теперь только, но и впредь будет состоять из души и тела; однако ни тело никогда не превратится в душу, ни душа никогда не превратится в тело, но, тогда как каждый из людей будет жить безконечно, в каждом же из людей безконечно же пребудет необходимо различие той и другой сущности. Так и во Христе навеки должно сохраниться свойство той и другой сущности, собственное каждой из них, с сохранением однако же единства Лица.

XIV. Но так как мы часто упоминаем о Лице, и говорим, что Бог стал человеком как Лицо[23]; то крайне должно опасаться, дабы не показалось, будто мы говорим, что Бог Слово воспринял свойственное нам по подражанию только, и что Он свойственное человеческому жительству делал не как истинный человек, но мнимо, как бывает обыкновенно на зрелищах, где один вдруг представляет многие лица, а сам не есть ни одно из них. Ибо всякий раз, как берутся подражать какому-нибудь чужому действию, обязанности или дела других совершают так, что совершители их не суть те самые, кого они представляют.

Так (для примера возьмем образчик с мирских людей и манихеев), когда актер-трагик представляет священника или царя, то сам не есть священник или царь; ибо как скоро кончится представление, то с ним престает быть и то лицо, которое он принимал на себя.

Прочь от нас это непотребное и злочестивое игралище! Безумие это пусть остается безумием манихеев. Они, проповедники вымыслов, говорят, что Бог Сын Божий был лицом Человека не по сущности, но действовал и жительствовал как Человек как-то мнимо, призрачно. Православная же вера говорит, что Слово Божие так стало Человеком, что свойственное нам восприняло не призрачно и мнимо, но истинно и выразительно, что свойственному людям Оно

[22] Божества и человечества во Христе.
[23] Per Personam.

не подражало, как чужому, но совершало его, как Свое, и вообще что ни делало Оно, то и было [на самом деле]. Мы сами, когда говорим, мыслим, живем, существуем, то не подражаем людям, но [воистину] люди. Так, Петр и Иоанн – назову в первую очередь их – были людьми не по подражанию, но действительно. Так и Павел не принимал на себя вид апостола или не представлял Павла, но был апостолом и Павлом действительно. Так и Бог Слово тем, что восприял и имел плоть, говорил, действовал, страдал по плоти, без всякого однако тления естества своего, соизволил показать и предъявить именно то, что Он не подражал совершенному человеку или представлял его, что Он не казался или представлялся истинным человеком, но был Им действительно.

Итак, как душа, соединенная с плотью, а не превратившаяся однако в плоть, не подражает человеку, но есть человек, а человек она не по видимости, но по существу: так и Бог Слово без всякого превращения Себя через соединение, а не через слияние Себя с человеком стал Человеком не по подражанию, но действительно. Посему совершенно должно быть отвергнуто понятие о Лице, как о подражании призрачном, по которому всегда иный есть тот, кто подражает, и иное то, чему подражают, по которому представляющий никогда не есть тот, кого он представляет. Не дай Бог верить, что Бог Слово восприял человека сим ложным образом, но – так, что, сохраняя сущность свою неизменною и воспринимая в Себя естество совершенного человека, Он самолично стал плотью, Человеком, носителем облика человеческого, – не кажущимся, но истинным, не по подражанию, но по существу, не так наконец, чтобы переставал Он вместе с окончанием действия [быть Человеком], но так, что Он всегда должен пребыть по сущности.

XV. Итак, это единство лица во Христе сопряглось и совершилось отнюдь не после того, как Дева родила, но в самой утробе Девы. Ибо мы крайне должны заботиться, чтобы исповедовать не только то, что Христос Один, но и то, что Он **всегда** Один; потому что не должно быть терпимо то богохульство, по которому бы ты, согласившись признать, что ныне Он один, стал утверждать, что некогда Он был не один, но было два Христа, именно – один со времени крещения, а два во время рождения. Сего безмерного нечестия мы можем избежать тогда только, когда будем исповедовать, что человек соединен с Богом единством Лица не с Вознесения, или Воскресения, или Крещения, но уже в Матери, во утробе, в самом наконец зачатии Девическом. По причине сего-то единства Лица, без различия и без разбору, свойственное Богу усвояется Человеку, а свойственное Человеку приписывается Богу. Поэтому-то написано, по вдохновению Божию, как то, что *Сын человеческий сошел с Неба* ***(Ин. 3:13)***, так и то, что *распят* на земле *Господь славы* ***(1Кор. 2:8)***. По тому же самому, когда сталась плоть Господа, когда создалась плоть Господа, то *Ставшим* называется самое *Слово Божие* ***(Ин. 1:14)***, *Исполняющейся* самая Премудрость Божия ***(Лк. 2:40)***, *Созданным* самый Разум ***(Притч. 8:22)***, и говорится пророчески, что *руки и ноги Его ископаны* ***(Пс. 21:17)***.

По причине этого-то, говорю, единства лица, в сообразность той же тайне, состоялось и то, во что совершенно по-православному верят и крайне нечестиво отвергают: что при рождении плоти Слова от непорочной Матери родился от Девы сам Бог Слово. А когда так; то не дай Бог, чтобы кто-нибудь покусился лишать святую Марию преимуществ Божественной благодати и особенной славы. Её – по исключительному некоему дару Господа и Бога нашего, а Её Сына – преистинно и наиблаженно подобает исповедовать Богородицей, но Богородицей не в том смысле, в каком предполагает одна нечестивая ересь, утверж-

дающая, что Её должно называть Матерью Божией по одному имени, потому то есть, что Она родила будто бы того Человека, который после стал Богом, подобно тому, как называем мы матерями мать пресвитера или епископа, – не оттого, что Оона рождает пресвитера или епископа, но от того, что она родила того человека, который после стал пресвитером или епископом. Не в этом, говорю, смысле святая Мария Богородица. Она – Богородица потому, что, как сказано выше, уже в освященной утробе Ее совершилось то святосвященное таинство, вследствие которого, по причине особенного и исключительного единства Лица, как Слово во плоти есть плоть, так и человек в Боге есть Бог.

XVI. Но пора уже, для укрепления памяти, то есть чтобы и повторенное уразуметь полнее, и усвоенное удержать крепче, – пора уже вкратце сказанное выше об упомянутых ересях и о кафолической вере повторить еще короче и сжатее.

Итак, анафема Фотину, который не принимает полноты Троицы и проповедует, что Христос есть только особенный человек. Анафема Аполинарию, который допускает во Христе тленность преложившегося Божества и устраняет свойство совершенного человечества. Анафема Несторию, который отрицает рождение от Девы Бога, допускает двух Христов и, по изгнании веры в Троицу, вводит к нам четверицу.

Напротив, блаженна кафолическая Церковь, которая чтит единого Бога в полноте Троицы, также равенство Троицы во едином Божестве, так что ни особенность сущности не смешивает свойства лиц, ни различие Троицы не разделяет также единства божества. Блаженна, говорю, Церковь, которая верует, что во Христе две истинные и совершенные сущности, но Лицо Христово одно, так что ни различие естеств не разделяет единства Лица, ни единство лица не смешивает также различия сущностей.

Блаженна, говорю, Церковь, которая, дабы показать, что Христос всегда есть и был Один, исповедует, что Человек соединился с Богом не по рождении, но уже в самой утробе матери. Блаженна, говорю, Церковь, которая признает, что Бог стал Человеком не чрез превращение естества, но как Лицо, а Лицо не призрачное и преходящее, но существенное и пребывающее. Блаженна, говорю, Церковь, которая проповедует, что это единство Лица имеет такую силу, что вследствие его она чудно и неизреченно, непостижимо приписывает и Божеское Человеку и человеческое Богу; ибо вследствие этого она как не отвергает, что Человек сошел с неба по Божеству, так и верует, что Бог *стал Плотью* ***(Ин. 1:14)*** на земле, пострадал и распят по человечеству; вследствие его, наконец, исповедует она и человека Сыном Божьим и Бога сыном Девы. Итак, блаженно и досточтимо, благословенно и святосвященно и совершенно достойно того, чтобы быть сравнену с превышним хвалением ангельским, то исповедание, которое славит единого Господа Бога в Троичной святыне; ибо оно потому наипаче проповедует единство Христа, чтобы не престало таинство Троицы. Пусть сказано это в виде отступления. В другое время, если соизволит Бог, раскроем и изъясним это пространнее. Теперь возвратимся к цели.

XVII. Выше мы говорили, что в Церкви Божией заблуждение учителя бывало искушением народа, и притом тем большим, чем ученее был заблуждавшийся. Сему поучали мы, во-первых, авторитетом Писания, во-вторых, примерами церковными, то есть припоминанием о тех, которые, державшись прежде здравой веры, напоследок или уклонились в чуждую секту, или сами основали свою ересь. Предмет этот весьма важен, заслуживает изучения и стоит нового рас-

смотрения. Наш долг хорошенько изъяснить и утвердить его посредством многих примеров, дабы все истинно православные знали, что их **обязанность – вслед за Церковью принимать ее учителей, а не вслед за учителями покидать веру Церкви**.

Впрочем, хотя мы и в состоянии указать много таких лиц, которые бывали для народа искушением означенного рода, однако думаем, что в искушении этом едва ли кто-то может сравниться с Оригеном. В этом человеке весьма много было столь превосходного, особенного, удивительного, что всякий легко решился бы основываться на его вере во всем, что бы ни утверждал. Ибо, если авторитет доставляется жизнью, – то Ориген был весьма трудолюбив, целомудрен, снослив, терпелив. Если он сообщается происхождением или воспитанием, – то кто знаменитее того, кто, во-первых, родился в таком доме, который прославился мученичеством, и кто, во-вторых, лишен был за Христа не только отца, но и всего имения, столько преуспел среди крайностей святой бедности, что за славу «Исповедания Господня»[24] часто, говорят, подвергался оскорблениям? Но в нем было не это одно, что впоследствии все имело послужить в искушение.

Он обладал таким сильным, глубоким, острым, превосходным умом, что всех почти далеко превосходил. Он был так богато учён и всячески образован, что немного останется в любомудрии Божественном, едва ли что есть, может быть, в любомудрии человеческом, чего не знал бы он в совершенстве: он не только вполне владел греческими знаниями, но и европейские изучил как следует. А что сказано о красноречии того, кто говорил так приятно, так чисто, так сладостно, что из уст его текли, по моему мнению, не слова, а какие-то мёды? Чего тёмного для уразумения не сделал он ясным своими истолкованиями? Чего трудного для совершения не сделал он таким, чтобы представлялось весьма легким? Подумают, что он связал мысли свои и положения только сплетением доводов? Напротив, никогда не было такого учителя, который бы употреблял столько доказательств из Божественного Закона, сколько он. Быть может, он немного написал? Больше его не написал никто из смертных, так что мне представляется невозможным не только прочитать, но даже приобрести все сочинения его; а чтобы не доставало у него ни одного из средств к знанию, он преисполнен был избытком лет[25]. Может быть, он не слишком богат был учениками? Был ли когда-нибудь кто столько богат ими, как он? Из лона его вышло бесчисленное множество учителей, такое же множество священников, исповедников и мучеников. А кто может описать, как все они удивлялись ему, прославляли его, увлечены были его обворожительной лаской? Кто, сколько-нибудь имевший благочестивого чувства, не стремился к нему из отдаленнейших стран света? Кто из христиан не почитал его за пророка почти, а из философов – за учителя? А в каком почете был он не только у частных людей, но и у самой власти царской, повествует история, сообщая, что его вызывала к себе мать императора Александра, особенно по уважению к небесной мудрости, которою он был любим и которую и она любила. О том же свидетельствуют и письма его, написанные по авторитету учительства христианского к императору Филиппу, который первый из государей римских сделался христианином. Если кто не верит свидетельству христианскому, нашему повествованию о его неимоверном знании, тот пусть поверит, по крайней мере, языческому известию об этом, свидетельству философов. Известный нечестивец[26] Порфирий говорит, что, возбужденный славою его, он в детстве прибыл в Александрию и

[24] Dominicae confessionis. Так, говорят, называлось одно сочинение Оригена, до нас не дошедшее, в котором он преславно исповедал имя Господа и которое привлекло к нему постоянную неприязнь язычников.
[25] Жил 69 лет.
[26] Ученик александрийского философа Плотина, написавший против христиан пятнадцать книг.

здесь видел его уже старцем, но в полном величии и славе, потому что он вмещал в себя ковчег всех знаний.

Не достало бы у меня времени, если бы я решился исчислить хотя малейшую долю заслуг Оригена, которые впрочем все относились не к одной славе религии, но и к великости искушения. Кто мог оторваться от мужа, обладавшего таким умом, такой ученостью, такой приятностью в обращении, а не быть лучше того мнения, что он желает заблуждать с Оригеном, нежели мыслить истинное с другими? И что еще говорить? Сила в том, что искушение от столь знаменитого лица, учителя, пророка, не обыкновенное какое-нибудь, но, как последствия показали, чрезвычайно опасное, весьма многих отторгло от целости веры.

Великий и славный Ориген с большим надмением пользовался даром Божиим, без границ потворствовал уму своему, слишком много доверял себе, ни во что ставил древнюю простоту христианской религии, воображал себя смыслящим больше всех, и, презирая предания церковные и учительства древних, толковал некоторые места Писаний на новый лад. Поэтому и он заслужил того, чтобы о нем говорилось Церкви Божьей: *если востанет* среди тебя *пророк* ***(Втор.13:1)***, и несколько ниже: *да не послушаешь*, говорит, *слов пророка того* ***(Втор.13:3)***, и еще: *ибо*, говорит, *испытывает вас Господь Бог ваш, любите ли* Его, или нет ***(Втор.13:3)***. В самом деле, не просто искушение, но большое искушение – вдруг неприметно и постепенно склонять от древней религии к новому непотребству Церковь, которая вполне была предана ему, всецело удивлялась его уму, знанию, красноречию, жизни и обхождению, которая ни в чем его не подозревала и ничего от него не опасалась.

Скажет кто-нибудь: сочинения Оригена повреждены? Не противоречу этому, даже желаю, чтобы так было; потому что об этом говорили и писали некоторые не только из православных, но и из еретиков. Но это-то и должны мы заметить теперь, что хотя не он сам, однако сочинения, вышедшие в свет под его именем, служат большим искушением; ибо, наполненные множеством заразительных богохульств, они и читаются и пользуются любовью не как чужие, но как его собственные, так что, хотя у Оригена и не было намерения умыслить заблуждение, однако ж, авторитет Оригенов имеет, видно, силу увлекать в заблуждение.

XVIII. Точно таково значение и Тертуллиана. Как Ориген у греков, так Тертуллиан у латинян удобно может быть признан первым из всех наших. Ибо кто ученее, кто опытнее этого мужа в вещах Божеских и человеческих? Удивительно обширным умом своим он обнял всю философию и все системы философские, писателей и защитников систем и все их науки, перемены судеб и занятий. Не отличался ли он также умом столь возвышенным и сильным, что во всем, что бы ни взялся опровергать, ничего почти не было такого, во что не проник бы он проницательностию, или чего не препобедил бы он рассудительностью?

А, далее, кто в состоянии описать достоинства его речи, которая исполнена такой непонятной силы доводов, что кого не может склонить к согласию на них, тех принуждает к тому, у которой сколько слов, столько почти мыслей, что ни чувство, то победа? Это известно Маркиону, Апеллесу, Праксеям, Гермогенам, Иудеям, гностикам и прочим, чьи богохульства ниспроверг он, как перунами какими, множеством больших сочинений своих.

Однако же, после всего этого и он, то есть Тертуллиан, не слишком твердый в кафолическом учении, то есть во всеобщей и древней вере, и более велеречивый, нежели благоуспешный, переменив, наконец, мысли, сделал напоследок

то, что блаженный исповедник Иларий пишет о нем в одном месте: «Впав впоследствии в заблуждение, он обесславил достоинство заслуживающих вероятия сочинений своих»[27]. И был он также большим искушением в Церкви. Но об этом не хочу говорить больше. Упомяну только, что, уверяя, вопреки заповеди Моисея, что возникшие в Церкви новые безумства Монтана[28] и безумные грезы новоизмышленного учения безумных женщин[29] суть истинные пророчества, и он заслужил этим того, чтобы о нем и о сочинениях его говорилось: *если восстанет среди тебя пророк*, и за тем: *да не послушаешь слов пророка того*. Почему? *Ибо испытывает вас*, говорит, *Господь Бог ваш, любите ли* Его, или нет.

XIX. Из представленных нами значительных и множества других подобных им примеров церковных мы явственно должны усмотреть – и под руководством предписанного во Второзаконии яснее дня увидеть, – что **если какой учитель церковный заблудит когда-нибудь от Веры, то это попускается Промыслом Божиим для испытания нас в том, любим ли мы Бога всем сердцем и всею душою своею, или не любим.**

XX. А когда так – то истинный и подлинный православный тот, кто любит истину Божию, Церковь, *тело Христово* ***(Рим.12:4-5, Еф. 1:22-23)***, кто ничего не ставит выше Божественной религии, выше вселенской Веры: ни авторитета, ни любви, ни ума, ни красноречия, ни философии какого-нибудь человека, – но презирая все это и пребывая в вере твердым, постоянным, непоколебимым, считает долгом своим содержать только то и верить только тому, о чем узнает, что сие издревле содержала вообще Церковь вселенская, а **о чем узнает, что оно после вводится кем-нибудь одним помимо всех святых или вопреки всем святым, как новое и неслыханное, то признает относящимся не к религии, но к искушению.** Сему последнему да научится он особенно из глаголов блаженного апостола Павла, который в Первом Послании к Коринфянам пишет вот что: *Подобает*, - говорит он, - *и ересям быть, да искусные будут явлены среди вас* ***(1 Кор. 11:19)***. Как бы так говорит он: виновники ересей для того не тотчас искореняются Богом, да искусные будут явлены, – да будет то есть видно, сколь крепко, верно и непоколебимо любит каждый кафолическую веру.

И действительно, коль скоро показывается какая-нибудь новизна, тотчас видна бывает тяжесть зерен и легкость мякины. Тогда без дальнего усилия сметается с гумна то, что не удерживалось на нем никакой тяжестью. Тогда одни немедленно совсем убегают, а другие, когда изгонят их, и погибнуть боятся и возвратиться уязвленными, полумертвыми и полуживыми стыдятся, как принявшие в себя яда в таком количестве, что он ни убивает, ни в желудке не переваривается, ни смерти не причиняет, ни жить не позволяет.

О, достоплачевное состояние! Какими приливами и отливами забот, какими беспокойствами тревожатся таковые! Они то несутся прытким заблуждением, куда ветер погонит, то, пришедши в себя, отбиваются, как волны назад, то по безрассудному надмению одобряют даже видимо неизвестное, то по неразумному страху пугаются даже известного, и постоянно недоумевают, куда им пойти, куда возвратиться, чего пожелать, чего бежать, что содержать, что оставить. Впрочем, это расстройство колеблющегося и очень нерешительного сердца, если понимают они, есть врачевство Божественного милосердия к

[27] Иларий Поатьерский. Comment. in Math. can. V: opp. p. 152. Colon. 1617.
[28] Почитая себя обещанным от Исуса Христа параклитом и учителем, одаренным необыкновенными дарованиями духовными и воздвигнутым от Бога для довершения образования христианского, Монтан учил - падших в грех не принимать более в Церковь, не вступать во второй брак, не уклоняться от гонений, наблюдать строгие посты, и пророчествовал в исступлении.
[29] Прискиллы и Максимиллы, известных лжепророчиц Монтана.

ним. Они для того колеблются, наказываются и едва не умерщвляются различными бурями помыслов вне безопаснейшей пристани православной Веры, чтобы опустили поднятые вверх парусы возносливого ума, некстати распущенные ими по поводу ветров новизны, и снова возвратились и стали в надежнейшее пристанище безмятежной и благой Матери, а сначала изрыгнули горькие и тревожные волны заблуждений, чтобы пить потом потоки свежей речной воды. Что изучили они дурно, то пусть изучат хорошо, и **что только можно в учении Церкви постигнуть, то пусть постигают, а чего нельзя постигнуть, тому пусть верят**.

XXI. А когда так – то, снова размышляя и передумывая об этом предмете, не могу довольно надивиться такому безумству некоторых людей, такому нечестию ослепленного ума, такой наконец страсти к заблуждению, что не довольствуются однажды преданным и издревле принятым правилом[30] Веры, но каждый день ищут нового да нового и всегда жаждут или прибавить что-нибудь к религии, или изменить в ней, или отнять от нее. Как будто то не Небесное учение, чему достаточно однажды быть открыту! Как будто это земное учреждение, которое может совершенствоваться только беспрестанными поправками, а лучше сказать – порицаниями!

Между тем Божественные вещания гласят: *не прелагай пределов, которые положили отцы твои* ***(Притч. 22:28)***, и: *паче судящего не суди* **(Сир. 8:17)**[31], и: *разоряющаго ограду – ужалит его змей* ***(Еккл. 10:8)***. Тоже самое гласит и следующее изречение Апостола, коим как бы мечем каким духовным, часто были отсекаемы и всегда должны быть отсекаемы все беззаконные новшества всех ересей: *О Тимофей! Предание сохрани, уклоняясь от скверных новшеств слов и прекословий лжеименнаго разума, о котором некоторые хвалясь, в вере погрешили* ***(1 Тим. 6: 20, 21)***. Находятся же после этого люди, до такой степени зачерствевшие как глыба, неподатливые как наковальня, упорные как кремень, что не поддаются такому гнету глаголов Небесных, не разбиваются такими тяжестями, не сокрушаются такими молотами, не истлевают наконец под такими молниями! Уклоняйся, говорит Апостол, скверных новшеств слов. Не сказал он: древностей, не сказал: старин, но от противного ясно показал, чему следовать: ибо если бегать должно новизны, то содержать должно древность, и если новизна непотребна, то старина священна. И прекословий лжеименнаго разума, говорит он. Воистину ложное имя у учений еретических: у них незнание красуется именем знания, туман называется ясностью, тьма именуется светом. О котором, говорит, некоторые хвалясь, в вере погрешили. Что же обещая погрешили они, если не новое какое-то и неведомое учение?

Послушай, что некоторые из них же говорят: «Идите, неразумные и жалкие, называющие себя обыкновенно православными, и учитесь истинной вере, которой никто кроме нас не понимает, которая прежде много веков скрывалась, а недавно открыта и стала явна, но учитесь украдкой и тайком; ибо она доставит вам удовольствие». И еще: «Когда научитесь, то учите скрытно, чтобы ни мир не слыхал, ни Церковь не знала; ибо понять столь непостижимую тайну предоставлено немногим». Не голос ли это блудницы из Притч Соломона, зовущей к себе тех, которые проходят мимо, идя своею дорогою? Вот ее слова: *кто есть от вас безумнейший, да уклонится ко мне* ***(Притч. 9:16)***. А не имеющих смысла уговаривает она так: *хлебом сокровенным в сладость прикоснитеся, и воду воровскую сладкую пейте* ***(Притч. 9:17)***. Что далее? *Он же*, говорит, *не знает, что земнородные у нееё погибают* ***(Притч. 9:18)***. Кто это земно-

[30] Regula.
[31] Super judicantem ne judices. В нашей Библии: не сварися с судиею.

родные, объясняет Апостол. *Это те*, говорит он, *которые в вере погрешили* ***(1 Тим. 6:21)***.

XXII. Но стоит труда рассмотреть все это место из Апостола с большим тщанием. *О Тимофей*, говорит он, *предание сохрани, уклоняясь от скверных новшеств слов. - О!* Восклицание это означает и предведение и вместе любовь; ибо Апостол наперед видел будущие заблуждения и наперёд оплакал их. Кто ныне Тимофей, если не вся вообще Церковь, или не все в частности общество предстоятелей, которые или сами должны иметь или другим должны сообщать неиспорченное знание божественной Веры? Что значит: *предание сохрани*? Значит: сторожи, потому что есть воры, есть враги, чтобы между добрым семенем пшеницы, которое посеял на поле своем Сын человеческий, не посеяли они, когда спят люди, плевел ***(Мф. 13:37-39)***. *Предание*, говорит, *сохрани*. **Что такое Предание? То, что тебе вверено, а не то, что тобой изобретено**, то что ты принял, а не то, что ты выдумал, дело не ума, но учения, не частного обладания, но всенародной передачи, дело, до тебя дошедшее, а не тобою открытое, в отношении к которому ты должен быть не изобретателем, но стражем, не учредителем, но последователем, не вождем, но ведомым. Предание, говорит, сохрани. То есть талант веры кафолической сбереги неповрежденным и неиспорченным. **Что тебе вверено, то пусть и остается у тебя, то ты и передавай.** Ты получил золото, золото и отдавай. Не хочу, чтобы ты вместо одного подкидывал мне другое; не хочу, чтобы вместо золота подставлял ты нагло свинец или обманом – медь; не нужно мне золота по виду, но дай мне золото настоящее.

О Тимофей! О священник! О толкователь! О наставник! Если дарование Божие соделало тебя годным по уму, по образованию, по учености; то будь Веселеилом[32] духовной скинии: высекай драгоценные камни Божественного учения, прилаживай их верно, распределяй их мудро, придавай им блеска, приятности, красоты. Старайся, чтобы, **вследствие твоего более ясного изложения, яснее разумели то, чему прежде верили не так ясно**. Достигай того, чтобы потомство **с сознанием славословило то, что прежде чтила древность несознательно**. Однако же **учи тому, чему сам научился, дабы, когда говоришь ново, не сказать тебе нового**.

XXIII. Но, может быть, кто-нибудь скажет и так, в церкви Христовой не должно быть никакого преуспеяния религии? Всеконечно должно быть и притом весьма большое; ибо кто так завистлив людям и так ненавистен Богу, что решится не допустить этого? Только, **преуспеяние это должно быть действительно преуспеянием, а не переменою веры. Преуспеяние состоит в том, когда тот или другой предмет усовершенствуется в самом себе, а перемена – в том, когда что-нибудь перестает быть тем, что оно есть.** Итак, пусть возрастают и в высшей степени пусть преуспевают, по годам и векам, разумение, ведение, мудрость как каждого, так и всех, как одного человека, так и всей Церкви, но только в своем роде, то есть в одном и том же учении, в одном и том же смысле, в одном и том же понятии.

Религия, дело души, пусть уподобляется в этом отношении телам. Сии хотя и раскрывают и развивают члены свои с приращением лет, однако остаются теми же, чем были прежде. Цветущий возраст детский и зрелый возраст старческий весьма различны между собою; но стариками однако же делаются те же самые, кои были детьми, так что хотя рост, сложение и наружность одного и того же человека изменяются, однако естество у него, несмотря на это, одно и

[32] Веселеил — библейское лицо. Он был назначен Моисеем для художественного украшения ветхозаветной скинии. (Исх. 31:1, и далее 35:30-35).

то же, личность одна и та же. Члены у младенцев небольшие, а у юношей большие, однако же те же самые. Сколько членов у малюток, столько же и у мужей, а какие только являются после с летами жизни, те прежде уже были в зародыше, так что в старцах не обнаруживается потом ничего нового, – такого, чего не скрывалось бы уже прежде в детях.

Посему истинный и правильный закон преуспеяния, верный и благолепнейший чин возрастания, несомненно, тот, когда возраст обнаруживает в стариках те части и формы, которые премудрость Творца предначертала в малютках. Так что, если бы вид человеческий превратился, наконец, в какой-нибудь образ не своего рода, или по крайней мере, что-нибудь прибавилось к количеству членов его или отнялось от них; то все тело необходимо или погибло бы, или изуродовалось бы, или, по крайней мере, ослабло бы.

Тем же законам преуспеяния должно следовать и учение христианской религии. То есть **пусть оно с годами укрепляется, со временем расширяется, с веками возвышается; но при этом оно должно оставаться неповрежденным и неиспорченным**. Пусть оно во всех размерах частей своих и во всех так сказать членах и чувствах своих делается полным и совершенным; но сверх этого да не будет в нем никакой перемены, **да не утрачивает оно никакого качества, да не терпит оно никакой разности в определении**. Например, на этой ниве церковной предки наши посеяли в древности пшеницу – чистую веру. Весьма несправедливо и несообразно с делом, чтобы мы, потомки их, вместо пшеничных зерен, вместо истины, собирали негодные плевелы – заблуждения. Напротив, поскольку пожинаемое не отлично от посеянного, совершенно справедливо и сообразно с делом, чтобы мы от наращений посеянного ими чистого учения пожали плод чистого же учения. Из семян, которые они посеяли первоначально, нечто развивалось с течением времени: совершенно справедливо и сообразно с делом, чтобы это же и ныне полнело и созревало, но так, чтобы качество ростка нисколько не изменялось; совершенно справедливо и сообразно с делом, чтобы придавались ему вид, форма, отличие, но естество каждого сорта должно оставаться при этом одно и то же. Не дай Бог, чтобы посаженные ими розы православного учения превратились в волчцы и терния. Не дай, говорю, Бог, чтобы в духовном саде из побегов корицы и бальзамина вырос вдруг куколь[33] или лютик. Что только посеяно в сей Церкви, на пашне Божией, верою отцев, то же самое тщанием сыновей пусть и совершенствуется и сохраняется, то же самое пусть цветет и созревает, то же самое пусть преуспевает и совершенствуется. **Ибо украшать, улучшать, совершенствовать с течением времени древние догматы Небесного любомудрия позволительно; но изменять, уродовать, искажать их непозволительно.**

Пусть их истолковывают, поясняют, точнее определяют: это позволительно; но их полнота, цельность, качество должны оставаться неизменными: это необходимо. Ибо, **если однажды, дать волю нечестивой лжи изменять, уродовать, искажать их; то ужасаюсь сказать, какая большая последует опасность разрушения и уничтожения религии. Тогда, отвергши одну какую-нибудь часть православного учения, как бы по обычаю уже и с позволения начнут постепенно отвергать одну за другой и прочие части его. А затем, когда отвергнут части по одиночке, что иное последует, наконец, если не совокупное отвержение целого?** С другой стороны, если начнут примешивать к древнему новое, к домашнему чужое и к освященному непотребное; то обычай сей необходимо распространится по всему, так

[33] Куколь — сорная трава.

что после, ничего уже не останется у Церкви – ни целого, ни неповрежденного, ни неиспорченного, ни нерастленного, но где прежде было святилище чистой и нерастленной истины, там будет, наконец, непотребный дом нечестивых и гнусных заблуждений. Да отвратит от умов наших непотребство это благость Божия! Пусть остается оно безумием нечестивцев!

Церковь же Христова, рачительная и осторожная блюстительница вверенных ей для хранения догматов, **никогда ничего в них не изменяет, ничего от них не убавляет, ничего к ним не прибавляет, необходимого не отсекает, излишнего не прибавляет, своего не теряет, чужого не присвояет**, но со всем тщанием заботится единственно о том, чтобы, рассуждая о древнем верно и мудро, если что в старину предначертано и основано, то искусно довершать и отделывать, если что изъяснено уже и истолковано, то укреплять, подтверждать, если что подтверждено уже и определено, то сохранять. А чего другого, наконец, всеми силами старалась она всегда достигнуть чрез определения соборные? Не того ли, чтобы после с рассудительностью верили тому же самому, во что прежде верили в простоте, чтобы после беспрестанно проповедывали то же самое, что прежде проповедывали исподволь, чтобы после с осторожностью возделывали то же самое, что прежде обрабатывали безопасливо? Не колеблясь говорю и всегда скажу, что **Церковь кафолическая, побуждаемая новшествами еретиков, чрез решения Соборов своих делала не другое что-нибудь, но именно то, чтобы полученное ею прежде от предков по одному Преданию, подкрепить потом для потомков и удостоверением из Писания**, заключая большое множество предметов в немногих словах и выражая обыкновенно, для яснейшего уразумения, таким или другим новым наименованием не новый смысл Веры.

XXIV. Но возвратимся к Апостолу. *О Тимофее*, говорит он, *предание сохрани, уклоняясь от скверных новшеств слов. Уклоняйся*, говорит, как будто ехидны, как будто скорпиона, как будто василиска, дабы не поразили тебя не только прикосновением, но и взглядом и дыханием. Что значит уклоняться? Значит: *с таковым даже не есть* ***(1 Кор. 5:11)***. Чего же уклоняйся? *Если кто*, говорит, *приходит к вам, и сего учения не приносит* ***(2 Ин. 1:10)***. Какого это учения, кроме кафолического, всеобщего и неизменного, которое распространяется из века в век посредством неповрежденного предания истины и имеет продолжиться в безконечные веки?

Что далее? *Не принимайте его*, говорит, *в дом и не приветствуйте его: ибо приветствующий его приобщается к делам его злым* ***(2 Ин. 1:10, 11)***.

Скверных, говорит, *новшеств слов*. Каких это *скверных*? Таких, которые ничего не имеют ни святого, ни Боголюбезного, совершенно чужды сокровищниц Церкви, которая есть храм Божий. *Скверных*, говорит, *новшеств слов*. Слов – то есть **новых учений, дел, мнений, противных старине и древности, в случае принятия которых необходимо должна рушиться вера блаженных отцов или вся, или по крайней мере в большей части, и необходимо будет объявить, что все верующие всех веков, все святые, все непорочные, подвижники, девственницы, все клирики, левиты[34] и священники, столько тысяч исповедников, столько воинств мучеников, такое множество знаменитых городов и народов, столько островов, областей, царей, языков, царств, наций, наконец почти вся уже вселенная, чрез кафолическую веру совокупившаяся с главою Хри-**

[34] Диаконы.

стом во едино Тело, в течение стольких веков блуждали в неведении, погрешали, богохульствовали, не знали, чему верили.

Уклоняйся, говорит, *скверных новшеств слов*, принятие которых и последование которым никогда не бывало делом православных, но всегда было делом еретиков. В самом деле, не всякая ли ересь возникала всегда под известным именем, в известном месте, в известное время? Не тот ли всегда основывал ереси, кто сначала сам отделялся от согласия со всеобщностью и древностью вселенской Церкви? Справедливость сего яснее дня видна из примеров. Так, кто до непотребного Пелагия надмевался когда-нибудь такой силой свободного произволения, что не считал при том благодати Божией необходимой для вспомоществования в добрых делах при каждом действии? Кто до уродливого[35] ученика его Целестия отрицал, что преступлению Адамову повинен весь род человеческий? Кто до нечестивого Ария дерзал рассекать единство Троицы, а до беззаконного Савеллия — сливать Троичность единства? Кто до безчеловечнейшего Новациана называл Бога жестоким, потому что Он хочет будто бы смерти грешника, а не того, чтобы он обратился и был жив? Кто до умерщвленного приговором апостольским Симона волхва (от которого, по непрерывному и тайному преемству, дошел омут непотребств даже до новейшего Прискиллиана) дерзал называть Творца Бога виновником зла нравственного, то есть беззаконий, нечестий и подлостей наших, утверждая, что Бог своими руками сотворил естество людей таким, что оно по собственному какому-то побуждению и по влечению какого-то неминуемого расположения ничего иного не может, ничего иного не хочет, кроме греха, так что, подстрекаемое и воспламеняемое неистовствами всех пороков, с ненасытной жадностью увлекается в бездну всех мерзостей?

Примеров такого рода, опускаемых нами ради краткости речи, бесчисленное множество. Но все они явственно и наглядно показывают, что **у всех ересей введено почти в обычай и постановлено, как закон, всегда услаждаться непотребными новшествами, гнушаться древними узаконениями** и через *прекословия* ложно так называемого ими знания претерпевать *кораблекрушение в вере* ***(1 Тим. 1:19)***. А п**равославным, напротив, действительно свойственно сохранять предания и заветы святых отцов, осуждать непотребные новизны** и, согласно слову Апостола, дважды изреченному им, анафематствовать того, кто благовестит не то, что принято ***(Гал. 1: 8,9)***.

XXV. Теперь, может быть, спросит кто-нибудь: неужели и еретики употребляют свидетельства из Божественного Писания? Действительно, употребляют и притом весьма много. Они, заметь, рыщут по всякой книге святого Закона, по книгам Моисея, по книгам Царств, по Псалмам, по Апостолам, по Евангелиям, по Пророкам. При своих ли или при чужих, частно ли или публично, в разговоре ли или в сочинениях, на пиршествах ли или на улицах, они никогда почти не говорят о своем ничего такого, чего не старались бы оттенить и словами Писания. Возьми сочинения Павла Самосатского, Прискиллиана, Евномия, Иовиниана и прочих заразителей, и ты увидишь в них несчетное множество свидетельств, увидишь, что в них нет ни одной почти страницы, которая не была бы подкрашена и расцвечена изречениями из Нового или из Ветхого Завета. Но потому-то более и должно беречься и опасаться их, чем скрытнее укрываются они под сенью Божественного Закона. Они знают, что зловония их никому не могут скоро понравиться, если будут испускать пары в том виде, каковы они

[35] Целестий был евнух от рождения: поэтому, может быть, и называет его прп. Викентий уродливым.

есть, и потому орошают их ароматом глаголов небесных, дабы тот, кто легко мог бы презреть заблуждение человеческое, не легко отвернулся от вещаний Божественных. Они поступают подобно тем, кои, желая смягчить для ребенка остроту какого-нибудь питья, сначала обыкновенно мажут ему губы медом, дабы неопытное дитя, предощутив сладость, не убоялось горечи. О том же заботятся и те, кои дурные травы и вредные жидкости прикрашивают названиями лекарств, дабы никто не подозревал яда там, где прочтет надпись, показывающую, что это – лекарство.

Поэтому-то наконец и Спаситель возглашал: *остерегайтесь лживых пророков, которые приходят к вам во одежде овечьей, внутри же – волки хищники* ***(Мф. 7:15)***. Что это за одежда овечья, если не изречения Пророков и Апостолов, которые они, подобно чистым овцам, приготовили, как руно какое, непорочному Агньцу, вземлющему грехи мира? Кто это *волки хищники*, если не зверские и дикие вымыслы еретиков, которые всегда опустошают овечьи дворы Церкви и терзают стадо Христово, где только могут, а чтобы искуснее обмануть неосторожных овец, прячут свой волчий вид, не оставляя волчьей лютости, и как в шерсть какую, завертываются в изречения из Божественного Закона, дабы каждый, ощутив мягкость шерсти, нимало не убоялся остроты зубов?

Но что говорит Спаситель? *От плодов их познаете их* ***(Мф. 7:16)***. То есть, когда начнут они не высказывать только Божественные слова, но и толковать их, не только распространять, но и изъяснять, тогда ощутится горечь, терпкость, лютость, почувствуется смрад новшества, дадут себя узнать непотребные новизны, тогда увидишь ты впервые, что ограда разоряется, пределы отцов переносятся, вера православная закалается, учение Церкви растерзывается. Таковы были те, коих апостол Павел поражает во Втором Послании к Коринфянам так: *ибо таковые – ложные апостолы*, – говорит он, – *они делатели льстивые, принимающие вид апостолов Христовых* ***(2 Кор. 11:13)***. Что *значит принимающие вид апостолов Христовых*? Вот что: апостолы приводили свидетельства из Божественного Закона: приводили их и они. Апостолы приводили доказательства из Псалмов; приводили их и они. Апостолы приводили изречения из Пророков; точно так же приводили их и они. Но когда то, что приводили они подобно Апостолам, начали они толковать не подобно Апостолам, тогда и открылось отличие подлинных Апостолов от мнимых, неподдельных от поддельных, правых от превратных, истинных, наконец, от ложных.

И не удивительно, говорит: *ибо сам сатана принимает вид в ангела светлого. Потому не удивительно, что служители его принимают вид служителей правды* ***(2 Кор. 11:14, 15)***. Итак, когда только или лжеапостолы или лжепророки или лжеучители приводят изречения из Божественного Закона, стараясь, худо истолковав их, подтвердить ими заблуждения свои; то, несомненно, подражают, по учению Апостола, лукавым ухищрениям зачинщика своего, которых он истинно никогда не выдумал бы, если бы не знал совершенно, что где вводится обольщение непотребного заблуждения, там единственный легчайший путь к обману – прикрываться авторитетом Божественных словес.

XXVI. А откуда видно, спросит кто-нибудь, что диавол имеет обычай пользоваться доказательствами из Святого Закона[36]? Таковой пусть читает Евангелия. В них пишется: *Тогда взял Его*, то есть Господа Спасителя, *диавол, и поставил Его на крыле Храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: ибо Ангелом Своим заповедал о тебе, сохранить тебя на всех путях*

[36] Святого Писания.

твоих, на руках поднимут тебя, дабы ты не споткнулся о камень ногою твоей (Мф. 4: 5-6, Лк. 4: 9-11).

Чего же не сделает убогим людям тот, кто на самого Господа Славы напал свидетельствами из Писаний? *Если Ты Сын Божий*, говорит он, *бросься вниз*. Почему? Ибо написано, говорит. Мы особенно должны заметить и запомнить заключающееся в этом месте учение, дабы, имея в виду такой пример из евангельского авторитета, когда увидим, что некоторые высказывают слова Апостолов или Пророков в опровержение православной веры, нисколько не сомневались в том, что через них говорит диавол. Ибо как тогда глава говорил Главе, так и ныне члены говорят членам, члены то есть диавола членам Христовым, вероломные верным, нечестивые благочестивым, еретики православным. Что же говорят они? Если Ты Сын Божий, бросься вниз. То есть, если хочешь быть сыном Божиим и наследовать Царство Небесное, то бросься вниз, то есть бросься с вершин Церкви, Которая почитается и храмом Божиим, – оставь Её учение и Предание. И если кто спросит какого-нибудь еретика, внушающего ему это: чем докажешь, на каком основании учишь, что я должен оставить всеобщую и древнюю веру кафолической Церкви, он тотчас ответит: ибо написано, – и немедленно представит тебе тысячу свидетельств, примеров, удостоверений из Закона, из Псалмов, из Апостолов, из Пророков, чтобы, истолковав их на новый и худой лад, низвергнуть несчастную душу из кафолического Ковчега в омут ереси.

Но еретики удивительно как привыкли обманывать неосторожных людей и следующими обетованиями. Они дерзают обещать и учить, что в их церкви, то есть в скопище их согласия, находится великая, особенная, очевидно, личная какая-то благодать Божия, так что каждый, принадлежащий к нему, без всякого труда, без всякого усердия, без всякого тщания, хотя бы не *просил*, хотя бы не *искал*, хотя бы не *стучал*[37], пользуется таким промыслом Божьим, что, будучи держим на руках ангельских, охраняясь то есть покровом Ангелов, никогда не может *споткнуться о камень ногою своей* ***(Пс. 90: 12)***, никогда то есть не может обмануться.

XXVII. Что же делать, спросит кто-нибудь, людям – православным и сынам матери Церкви, – если Божественными глаголами, изречениями, обетованиями пользуются и диавол и ученики его, из коих одни – лжеапостолы, другие – лжепророки и лжеучители, все же вообще – еретики? Как им отличать истину от лжи по отношению к святым Писаниям? Так, как написали мы по Преданию святых и ученых мужей в начале настоящей памятной записки. То есть, они особенно должны заботиться о том, чтобы толковать **Священное Писание по Преданиям всеобщей Церкви и по правилам[38] вселенского догматического учения**, в самой же Вселенской и Апостольской Церкви они необходимо должны **следовать всеобщности, древности, согласию**. И если восстанет когда-нибудь часть против всеобщности, новшества против старины, погрешительное разномыслие одного или меньшинства против согласия всех или по крайней мере большинства православных, то погрешению части они должны предпочесть непогрешность всеобщности, а в самой всеобщности благоверие старины — непотребству новизны; наконец в самой же древности, безрассудству одного или меньшинства предпочитать во-первых общие, если есть они, решения всеобщего собора, а если их нет, то, во-вторых, следовать самому сподручному, – согласным между собой мыслям большинства великих учителей. Если наблюдем это,

[37] Это сказано Христом о поисках истинной веры: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7: 7-8).
[38] Regula.

при помощи Божией, верно, благоразумно и тщательно; то без большого труда можем узнать заблуждения появляющихся еретиков.

XXVIII. После сего следует, кажется, чтобы я примерами изъяснил, как надобно узнавать и осуждать непотребные новшества еретиков через приведение и сличение согласных между собою мыслей древних учителей. Впрочем, это древнее согласие святых отцов мы должны с большим усердием отыскивать и принимать по отношению не ко всем вопросам из Божественного Закона, но, главным образом, только относительно правила веры. С другой стороны, не всегда и не все ереси должно обличать этим способом, но только недавние и новые, то есть впервые показывающиеся, пока не успели они, по самой краткости времени, извратить правила[39] древней Веры, и пока не покусились еще, дальнейшим распространением яда, растлить сочинения предков.

На ереси же распространившиеся и застаревшие мы отнюдь не должны нападать этим путем, потому что они в течение долгого времени постоянно имели случай воспользоваться истиной. Какие бы ни были непотребства расколов или древнейших ересей, мы должны или поражать их, если нужно, не иначе как авторитетом Писаний, или же бегать их, как пораженных уже и **осужденных вселенскими соборами православных пастырей церкви**. Итак, когда впервые начнет пробиваться гниль какого-нибудь вредного заблуждения и для защиты себя похищать какие-нибудь слова из Святого Закона и изъяснять их ложно и коварно: то, при толковании Канона, немедленно должно собрать мысли предков, дабы при помощи их, с одной стороны, со всею очевидностью открыть, а с другой – без нового рассмотрения осудить все, что только окажется новым и непотребным. Но мысли должно сносить только тех отцов, которые живя, уча и пребывая в вере и в кафолическом общении свято, мудро, постоянно, сподобились или с верою почить о Христе, или блаженно умереть за Христа. А верить им должно по такому правилу: что только или все они, или большинство их единомышленников принимали, содержали, передавали открыто, часто, непоколебимо, как будто по какому предварительному согласию между собою учителей, то почитать несомненным, верным и непререкаемым; а о чем мыслил кто, святой ли он или ученый, исповедник ли и мученик, несогласно со всеми или даже противореча всем, то относить к мнениям личным, сокровенным, частным, и отличать от авторитета общего, открытого и всенародного верования, дабы, оставив древнюю истину всеобщего учения, по нечестивому обычаю еретиков и раскольников, с величайшей опасностью относительно вечного спасения, не последовать нам новому заблуждению одного человека.

Дабы кто не вообразил, будто он дерзновенно может презирать святое и кафолическое согласие сих блаженных отцов, Апостол говорит в Первом послании к Коринфянам: *итак, некоторых положил Бог в Церкви, во-первых, апостолами* (к которым сам он принадлежал), *во-вторых, пророками* (каков по Деяниям апостольским, был Агав), *в-третьих, учителями* ***(1 Кор. 12: 28)***, именуемых ныне толкователями, у того же Апостола называемых иногда пророками ***(1 Кор. 14: 29)***, потому что через них открываются народам тайны Пророков. Итак, кто презирает сих, свыше распределенных в Церкви Божией в разные времена и по разным местам, согласно о Христе мудрствующих что-нибудь относительно кафолического учения, тот презирает не человека, но Бога. А дабы никто не удалялся от правдивого согласия с ними, тот же Апостол усильно просит так: *молю же вас, братия, да одно и то же говорите все, и да не будет в вас распрей, да будете же утверждены в одном и том же понимании и в одной и той же мысли* ***(1 Кор. 1: 10)***. Посему, если кто отступит от согласия с

[39] Regula.

верованием их, тот пусть выслушает следующее слово того же Апостола: *Бог не есть [Бог] неустройства, но мира* (не того, то есть, кто отступит от единомыслия, но тех, кои пребудут в мире согласия), *как я учу во всех церквах святых* ***(1 Кор. 14: 33)***, то есть кафолических, которые потому святые, что твердо стоят в союзе веры.

А чтобы кто не стал нагло домогаться того, чтобы его одного слушали и ему верили, оставив прочих, он немного ниже говорит: *или от вас слово Божие вышло? Или до вас одних достигло?* ***(1 Кор. 14: 36.)*** А чтобы не почли этого сказанным необдуманно, присовокупил: *Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни* ***(1 Кор. 14: 37)***. Какие это заповеди, кроме той особенно, чтобы каждый *пророк или духовный*, то есть учитель духовных предметов, с величайшим тщанием заботился об одинаковости и согласии, чтобы, то есть и своих мнений не предпочитал прочим, и не отступал от мыслей всех? *Если же кто*, говорит, *не разумеет* заповедей об этом, *не уразумеется* ***(1 Кор. 14: 38)***. То есть, кто или неведомого не изучает, или известное презирает, тот не уразумеется, то есть почтется от Бога недостойным быть в числе соединенных верою и уравненных смирением. Не знаю, можно ли вообразить несчастье, ужаснейшее этого. Однако же оно на глазах наших, согласно апостольской угрозе, постигло Юлиана[40] пелагианина, который или не позаботился присоединиться к верованию товарищей, или возмечтал отделиться от него. Но пора уже представить обещанный пример того, где и как собирать мнения святых отцов, дабы сообразно с ними на основании решения и авторитета собора церковного начертать образец веры. А чтобы это было удобнее, оканчиваю здесь настоящую памятную записку, дабы последующее начать с новой главы.

Часть II.

XXIX. А[41] когда так, то пора уже сказанное в этих двух памятных записках повторить в конце настоящей второй. Выше мы сказали, что у православных всегда был и теперь существует обычай доказывать истинную Веру следующими двумя способами: во-первых, авторитетом Божественного Канона[42], а во-вторых – Преданием кафолической Церкви, – не потому, будто одного Канона недостаточно на все, но потому, что многие, толкуя Божественные слова самопроизвольно, выдумывают различные мнения и заблуждения, почему и необходимо направлять разумение Небесного Писания по одному правилу[43] церковного понимания, в тех только, главным образом вопросах, на которых зиждутся основания всего кафолического учения.

Сказали мы также, что в самой опять Церкви должно смотреть на согласие всеобщности и вместе древности, дабы или не отторгнуться нам от целости единства на сторону раскола или не низринуться с древней религии в новизны еретические.

Сказали мы также, что в самой древности церковной сильно и ревностно должно примечать две некоторые вещи, - чего непременно должен держаться всякий, кто не хочет быть еретиком: во-первых, смотреть, решено ли в древности то или другое всеми священниками кафолической Церкви авторитетом Вселенского Собора, а во-вторых, если возникнет какой новый

[40] Юлиан этот, епископ Екланский или Келанский, что в Кампании, почитаемый латинским Демосфеном, за содействие распространению заблуждений Пелагия и защиту их против обличителей его не только лишен был (418 г.) епископства, но и изгнан из Италии, после чего скитался по разным местам.
[41] Так начинается сохранившаяся до нас другая Памятная записка Викентия Лиринского.
[42] Писания.
[43] Regula.

вопрос там, где нельзя найти такого решения, то обратиться к мыслям тех только святых отцов, которые, пребывая, каждый в свое время и в своем месте, в единстве общения и веры, остались заслужившими одобрение учителями, и если окажется, что они содержали то или другое единомысленно и единодушно, то без всякого сомнения почитать истинно-церковным и кафолическим.

Дабы не подумали, что мы рассуждаем по мечтанию своему, а не на основании авторитета церковного, мы представили в пример святой собор, бывший около трех лет назад в Азии, в Ефесе[44], в консульство Васса и Антиоха, где при рассуждении об утверждении правил[42] (regula) веры, чтобы не вкралась там какая-нибудь непотребная новизна наподобие вероломства, все сошедшиеся туда священники, числом около двухсот, признали совершенно кафолическим, самым верным и наилучшим делом: предложить суждения святых отцов, известных тем, что одни из них были и остались мучениками, другие исповедниками, все же – кафолическими пастырями, чтобы, на основании их согласия и решения, правильно и торжественно подтвердить исповедание древнего учения и осудить богохульства непотребной новизны, а когда поступлено будет так, то праведно и достойно признать нечестивого Нестория противником кафолической старины, а блаженного Кирила согласным со святосвященной древностью. А чтобы ничего не недоставало к достоверности сказанного, мы объявили[45] как имена, так и число (хотя порядок забыли) тех отцов, сообразно со стройным и согласным верованием которых и изъяснены изречения из святого Закона и укреплены правила Божественного учения. Отцов этих, для укрепления памяти, не излишне перечислить и здесь.

XXX. Итак, вот те мужи, писания которых или как судей или как свидетелей читаны были на соборе том: святой Петр, епископ Александрийский, превосходнейший учитель и блаженнейший мученик; святой Афанасий, предстоятель, Александрийский же, вернейший учитель и отличнейший исповедник; святой Феофил, епископ – опять – Александрийский, знаменитый верой, жизнью, познаниями, которому преемствовал досточтимый Кирил, ныне украшающий Церковь Александрийскую. А чтобы учение то не сочли за учение одного государства и области, к мужам сим приобщены были и светила Каппадокийские: святой Григорий, епископ и исповедник из Назианза, святой Василий, епископ Кесарии Каппадокийской и исповедник, другой также святой Григорий, епископ Нисский, по достоинству веры, жизни, непорочности и мудрости вполне достойный брата Василия.

А дабы видно было, что так мыслили всегда не одна только Греция или Восток, но и западный и латинский мир, читаны были там и некоторые послания к некоторым святого Феликса мученика и святого Юлия, епископов города Рима. А чтобы были свидетельства об определении том не только первой особы во вселенной, но и товарищей его, употребили там с юга – блаженнейшего Киприана, епископа Карфагенского и мученика, с севера – святого Амбросия, епископа Медиоламского.

Вот те, в священном числе Десятословия, приведенные в Ефесе учителя, советодавцы, свидетели и судии, держась учения которых, следуя совету которых, веря в свидетельства которых, повинуясь суду которых, блаженный собор тот спокойно, без предубеждения и беспристрастно возвестил о правилах[46]

[44] Третий Вселенский Собор.
[45] Очевидно, в той части настоящих Записок, которая не дошла до нас в первоначальном своем виде.
[46] Regula.

Веры! Он мог бы привести и гораздо большее число предков; но в этом не было надобности, с одной стороны – потому, что во время порученного ему дела не следовало заниматься множеством свидетелей, а с другой – потому, что никто не сомневался, что и те десятеро мыслили действительно то же самое, что и все прочие товарищи их.

XXXI. После всего этого мы поместили еще мнение блаженного Кирила[47], находящееся в самих Деяниях церковных. Когда прочитано было послание святого Капреола, епископа Карфагенского, о том только заботившегося и умолявшего, чтобы новизна была поражена, а древность защищена, епископ Кирил высказал следующее определение, которое кстати поместить и здесь. В конце Деяний он сказал: «Пусть и прочитанное сейчас послание достопочтеннейшего и Боголюбезнейшего епископа Карфагенского Капреола, как содержащее в себе ясную мысль, будет внесено в акты веры. Ибо он желает, чтобы древние догматы веры были утверждаемы в прежней своей силе, а новые, нелепо вымышленные и нечестиво проповедуемые, были осуждаемы и отвергаемы»[48]. Все епископы воскликнули: «Таково мнение всех нас; мы все то же говорим; это общее наше желание». А какое это мнение всех, или какое желание всех, если не то, чтобы издревле преданное было содержимо, а недавно вымышленное отринуто?

После сего мы с изумлением поведали, как высоки были смирение и святость Собора того, когда такое множество священников, большей частью митрополитов, весьма образованных и ученых, так что все почти могли состязаться о догматах, и притом собравшихся в одно место, что придавало им, по-видимому, смелость отважиться на постановление чего-нибудь от себя, ничего, однако **не ввели нового, ничего не предвосхитили, ничего не присвоили себе, но употребили все предосторожности, чтобы не передать потомкам чего-нибудь такого, чего сами не получили от предков**, и не только в нынешнее время устроили дело хорошо, но и последующим поколениям представили образец того, чтобы и они чтили догматы священной старины, а вымыслы непотребной новизны осуждали.

Нападали мы также на преступное высокоумие Нестория, по которому **он хвастался, будто только он один понимает Священное Писание**, будто не знали его все те, которые до него толковали Божественные глаголы, обладая даром учительства, то есть все священники, все исповедники и мученики, из которых одни изъясняли закон Божий, а другие соглашались с изъясняющими или верили им, – и наконец **утверждал, что и ныне заблуждается и всегда заблуждалась вся Церковь**, которая, как ему казалось, и следовала и будет следовать невежественным и заблуждающимся учителям.

XXXII. Всего этого с избытком достаточно было бы для подавления и погашения всяких непотребных новшеств. Но дабы не показалось, что к такой полноте не достает чего-то, мы присовокупили наконец два свидетельства апостольского престола, именно: одно – святого папы Сикста, который ныне украшает, достопочтенный, Римскую Церковь, а другое – его предшественника, блаженной памяти папы Келестина. Свидетельство того и другого признали мы необходимым поместить и здесь.

Итак, святой папа Сикст в письме, посланном им по делу Нестория к епископу Антиохийскому[49], говорит: «Если *едина*, как говорит Апостол, есть *вера*

[47] Епископа Александрийского.
[48] Деян. Собор. Всел. Т. 1, с. 591. Казань. 1859 г.
[49] Иоанну. Деян. вселенск. собор. Т. 2. с. 443. Казань. 1861 г.

(Еф. 4: 5) и она покорила победителей: то будем верить тому, что подобает говорить, и говорить то, что подобает сохранять»[50]. Что же это такое, чему подобает верить и что подобает говорить? Он продолжает и говорит: «**Нет нужды в новом, потому что ничего нельзя прибавить к старому. Светлая вера и простота предков да не помрачатся никакою примесью нечистоты**»[51] Совершенно по-апостольски поступил он, почтив простоту предков званием **света**, а непотребные новизны наименовав **примесью нечистоты**!

Но того же мнения и святой папа Келестин. В письме, посланном к священникам галльским, обличая их потворство, по которому они, презирая древнюю веру молчанием, попускали возникать непотребным новшествам, он говорит: «Справедливо грозит нам суд, если молчанием будем благоприятствовать заблуждению. Посему да исправятся таковые; да не будет во власти их говорить, что хотят». Здесь кто-нибудь усомнится, может быть, кому именно возбраняет он иметь в своей власти говорить, что хочется: проповедникам ли старины или изобретателям новизны? Ответить на это, разрешить сомнение по сему читателей предоставляем ему самому. Далее он говорит: «Если таково положение дела (то есть если справедливо, что вы, как некоторые обвиняют предо мною города ваши и области, действительно заставляете их опасным нерадением своим увлекаться некоторыми новшествами), то новизна, если таково положение дела, да престанет нападать на старину». Значит, блаженный Келестин был того блаженного мнения, чтобы не старина перестала подавлять новизну, но чтобы новизна перестала нападать на старину.

XXXIII. Кто прекословит сим кафолическим и апостольским решениям, тот прежде всего необходимо будет ругаться над памятью святого Келестина, который постановил, чтобы новизна перестала нападать на старину, потом будет издеваться над определениями святого Сикста, который присудил, что нет нужды в новом, потому что ничего нельзя прибавить к старому. Сверх сего, он будет презирать постановления и блаженного Кирила, который торжественно превознес ревность досточтимого Капреола, желавшего, чтобы древние догматы веры были утверждаемы в прежней силе, а нововыдуманные осуждаемы. Будет он попирать и Собор Ефесский, то есть решения святых епископов всего почти Востока, которым изволилось, по вдохновению Божию, определить для верования потомкам только то, что содержала освященная и о Христе согласная с собою древность святых отцов, и которые громко и торжественно засвидетельствовали единогласно: «Таково мнение всех нас, это общее наше суждение», – чтобы как до Нестория осуждены были все еретики, презиравшие старину и утверждавшие новизну, так точно осужден был и Несторий, изобретатель новизны и противоборник старины.

Если кому не нравится согласие сих, внушенное по дару святосвященной и Небесной благодати, то что остается ему делать, как не утверждать, что непотребство Нестория осуждено несправедливо? Наконец таковой будет презирать и всю Церковь Христову и Её учителей, Апостолов и Пророков, особенно же блаженного апостола Павла, как нечистоту какую-нибудь: первую за то, что никогда не отступила от религии, однажды преданной ей для возделывания и усовершенствования, последнего за то, что написал: *О Тимофей, предание сохрани, уклоняясь от скверных новшеств слов* ***(1 Тим. 6: 20)****, и еще: если кто вам благовестит сверх того, что вы приняли, анафе-*

[50] Там же, с. 447.
[51] Там же.

ма да будет ***(Гал. 1: 9)***. Посему, если не подобает нарушать ни определения апостольские, ни решения церковные, которыми, сообразно со святосвященным согласием всеобщности и древности, праведно и достойно осуждаемы были всегда все еретики, и напоследок Пелагий, Целестин, Несторий, – то поистине необходимо, чтобы все православные, заботящиеся показать себя законными чадами матери Церкви, прилеплялись к святой вере святых отцов, неразрывно были соединены с нею, умирали в ней, а непотребные новшества нечестивцев проклинали, страшились их, нападали на них, преследовали их.

Вот о чем пространно рассуждали мы в двух Памятных Записках и что, следуя правилу: повторять сказанное или написанное – кратко изложили теперь, чтобы, с одной стороны, перечитыванием сего восстановлять память свою, в пособие которой составили мы их, а с другой – не обременить ее скучной обширностью речи!

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Балаковская община Русской Православной Старообрядческой Церкви начинает подготовительные работы по строительству храма во имя преподобного отца нашего и исповедника Серапиона, архимандрита Черемшанского, чудотворца.

Пожертвования на это благое дело можно перечислять на счёт общины:
ОГРН 1086400003436, ИНН 6439069786, КПП 643901001
Р/с 40703810201000000156, Балаковский филиал АКБ «София» (ЗАО)
БИК 046359826
Корр. счёт 30101810600000000826.

Православные старообрядческие общины в Саратовской области:

1. Церковь Успения Пресвятыя Богородицы.
Адрес: 410031, г. Саратов, ул. Комсомольская, д. 44.
Тел. 8 (8452) 26-11-50,
8-965-889-80-78,
8-987-308-01-07,
8-927-161-43-06.
Священник Вадим Коровин.
Принимаются (по почте или телефону) заявки на поминовение о здравии и за упокой. Рассылаются религиозная литература, свечи восковые и др.

2. Балаковская община.
413850, Саратовская область, г. Балаково, ул. Заводская, д. 49.
Тел.8 (8453) 46-47-26, 8-906-312-34-23.
Председатель общины Михаил Михайлович Родин.
Рассылается журнал «Вифлеем – Дом Хлеба».

3. Церковь Рожества Богородицы с. Сосновая Маза.
412777, Саратовская область, Хвалынский район, с. Сосновая Маза.
Тел. 8 (84595) 2-52-52,
8-987-308-01-07,
8-927-161-43-06.
Священник Вадим Коровин.
Принимаются (по почте или телефону) заявки на поминовение о здравии и за упокой. Рассылаются свечи восковые и др.

Службы в храмах в предпраздничные и субботние дни с 15.00 до 20.00,
В праздничные и воскресные дни – с 7.30 до 10.30.

К умирающим и тяжело больным священника вызывать в любое время суток.

Заявки на рассылку 1, 2 и последующих выпусков «Вифлеема» посылайте по адресу:

413850, Саратовская область, г. Балаково, ул. Заводская, д. 49, Родину М.М.
MRodine@yandex.ru